

Издание журнала

Престижное
воспитание

В. Кумарин

Престижное воспитание?
Проще простого!
Если слушать голос Природы...

Издание журнала «Престижное воспитание»

Валентин Кумарин

**Престижное воспитание?
Проще простого!
Если слушать *голос Природы...***

Азы научной педагогики
для семьи и школы

Москва, 2001

Содержание

Предисловие автора.....	3
Тезисы	5
Глава 1. Престижно – значит, природосообразно	6
Глава 2. Чем голландская корова отличается от колхозной?.....	11
Глава 3. У советских собственная гордость	21
Глава 4. "Развивающий" лохотрон	25
Глава 5. Было бы здоровье – остальное приложится, или Престижное воспитание по-английски.....	31
Глава 6. Сколько верёвочке ни виться.....	35
Глава 7. В каждой школе можно воспитывать престижно! Если.....	41
Постскриптум	55

КРАТКАЯ ХРЕСТОМАТИЯ

Часть I. Аксиомы Коменского, или Научная экскурсия по "Великой дидактике"	57
Часть II. Там, где доверились Коменскому	63
Часть III. Там, где продолжают искать "собственный путь".....	103
Часть IV. Что мешает плохому танцору	162

Уважаемые мамы, папы, школьные наставники!

Нет сомнения, что вы, как никто *другой*, любите своих детей и желаете им *добра* на всю жизнь. Журнал "Престижное воспитание" обещает вам стараться изо всех сил, чтобы ваше желание вырастить продолжателей своего рода достойными людьми осуществилось в полной мере. Однако, чтобы вы лучше знали, заранее составили себе *представление* о том, как именно и чем мы собираемся помогать вам в самом сложном из всех *дел* на свете, мы решили опубликовать это первое приложение к журналу в качестве своеобразного "*педагогического манифеста*", то есть прямо и честно уведомить вас о принципах, на которых, в этом мы уверены неколебимо, только и возможна стратегия и тактика престижного воспитания.

Все свои *выводы*, оценки и *рекомендации* автор приложения аргументирует с позиций научной, *природосообразной педагогики*, которые *создали её* классики – *Ян Амос Коменский, Джон Локк, Иоганн Генрих Песталоцци, Фридрих Вильгельм Адольф Дистервег, Константин Дмитриевич Ушинский и Антон Семёнович Макаренко*, и все положения которой, как и *следовало ожидать* (гении *всегда смотрят дальше и видят больше*), полностью совпали с показаниями самых современных точных наук о человеке (генетика, молекулярная биология, нейрофизиология, биофизика, биохимия и др.).

Не *удивляйтесь* авторскому стилю и тону, порой резкому и саркастическому. Этот тон и стиль *предназначаются* исключительно для тех, кто *по старинке* навязывает вам лженаучные, а то и просто шарлатанские советы ("*развивающее обучение*", "*обучение на высоком уровне трудности*" и *другие подобные химеры*). У этих советчиков *давно* выработался иммунитет к "округлой" критике. Они её просто игнорируют, не *отдавая* отчёта в том, что речь *идёт* о судьбе ребёнка и *судьбах всех детей* нашей прекрасной и любимой России.

Очень возможно, что *среди* читателей этой книги и журнала "Престижное воспитание" могут оказаться и преуспевающие бизнесмены, которым не *чуждо меценатское* покровительство. Их *поддержка*, особенно сейчас, *когда* мы только становимся на ноги и "раскручиваемся", была бы более чем кстати. Мы же, со своей стороны, гарантируем глубокую *благодарность* и высокое качество журнала. На всякий случай даём номер нашего телефона: 728-87-90 (*устарел* – прим. ред.).

С пожеланием всем, кто нас читает и *сотрудничает* с нами,
 зримых успехов на поприще престижного воспитания
 ваш Валентин Кумарин.

*С белой акации плод мандариновый
Можно прождать до Большого суда.*

*Боже, неужто такими кретинами
Нам суждено оставаться всегда?*

Арбатский фольклор

Тезисы

- Российские дети – цветы жизни, а не корм для "государственного образовательного стандарта".
 - Закон РФ "Об образовании" и узаконенное головотяпство.
- "Единое образовательное пространство" и удушение земской инициативы.
 - "Научная психология" и шарлатанская схоластика.
 - "Развивающее обучение" и образовательное мошенничество.
- "Обучение на высоком уровне трудности" и педагогический садизм. –
 - "Воспитывающее обучение" и образовательный гермафродит.
 - "Личность" и платье голого короля.
 - "Государственный образовательный стандарт" в ПТУ и вершина административного идиотизма.
- Прусско-марксистская политика Минобраз, марксистское шарлатанство Российской академии образования и кастрация здоровья России, её нравственности, экономической силы, самобытной культуры, научно-технологической потенции, обороноспособности.
 - Классическая педагогика
(Коменский, Локк, Песталоцци, Дистервег, Ушинский, Макаренко)
и общечеловеческая магистраль к престижному,
т.е. полноценному, образованию для каждого ребёнка.
- Новые науки о человеке (молекулярная биология, генетика, нейрофизиология, биохимия, биофизика) и экспериментальное подтверждение выводов "ползучего эмпиризма" в классической педагогике.
- Сущность человека как совокупность всех его врождённых потребностей и способностей и как предмет научной психологии.
- Выявление, раскрытие, взращивание и реализация врождённых способностей как наиглавнейшая задача школы.
- Природосообразное, престижное обучение и здоровье ребёнка, культурное богатство общества, производительность труда, конкурентоспособность, качество жизни.

1. Престижно — значит природосообразно.

Это произошло 2000 лет назад. Молодой, но уже известный педагог, первый в истории Древнего Рима учитель, которого Сенат удостоил неслыханной чести — получать зарплату из государственной казны, в один день занял место рядом с величайшими учёными — Евклидом (3 в. до н.э.) и Архимедом (ок. 287-212 гг. до н.э.). Работая над очередной книгой, которая называлась *“Наставление в ораторском искусстве”* (*Institutio oratoria*) и в которой, кроме проблем красноречия, исследовались общие проблемы педагогики, он сформулировал закон **врождённости способностей** и родственный ему закон, **обучения, исходя из врождённых способностей**. В подлиннике эти законы выглядят так. Первый: *“Справедливо вменяется в достоинство учителю, когда старается он замечать в своих учениках различие умов и узнавать, кто к чему способнее от природы”*¹. И второй: *“Учитель должен лучше заботиться о природных дарованиях и направлять умы более всего туда, куда они сами стремятся”*². Великого первопедагога (теоретика и практика) звали **Марк Фабий Квинтилиан** (ок. 35– ок. 96).

Поскольку образование в Древнем Риме строилось по образу и подобию древнегреческого, уместно напомнить о том, что методологические корни открытия Квинтилиана несомненно восходят к известной аксиоме Демокрита (ок. 460 – 370 до н.э.): *“Только хорошие от природы (т.е. одарённые — В.К.) познают прекрасное и стремятся к нему”*³.

Законы Квинтилиана и аксиома Демокрита не оставляют сомнения, что древние даже не помышляли о том, чтобы брать под сомнение то, что *“миллиарды раз”* (Ленин) было проверено и подтверждено историческим опытом, практикой всех народов. Другими словами, древние разбирались в психологии и педагогике куда как лучше, чем многие современные доценты, профессора и академики, особенно российско-советские и втрое особенно те, которых ещё партия собрала под крышей АПН-РАО и поручила им разрабатывать “новую”, марксистскую теорию воспитания, доказывать, что никаких врождённых способностей нет и не может быть, а есть способности, которые формируются (!) при жизни человека средой и воспитанием.

Это поручение имело целью не только потрафить марксизму и оправдать буртальный разгром генетики, отбросивший Россию в главной науке о человеке в пещерные времена. Главное заключалось в том, чтоб показать всему миру *“безграничные возможности коммунизма”*, включая возможность переделки человеческой при-

¹ Цит. по: Жураковский Г.Е. Очерки античной педагогики. - М., 1940.-С. 418.

² Там же.

³ Материалисты Древней Греции. – М., 1955. – С. 172.

роды и возможность замены врождённых способностей *“психологическими протезами” (новообразованиями)*.

“Научное” обоснование этого маразма принадлежит трём самым выдающимся марксистским шарлатанам, а именно: *Льву Троцкому, Льву Выготскому и Трофиму Лысенко*. Чтобы не уходить далеко в историю и не копаться в малосущественных деталях, ограничусь пока малым, но вполне достаточным: вживую представлю исходные посылки, из которых эти самые “советская педагогика” и “советская психология” были высижены. Начиная с пресловутой “культурно-исторической теории” и продолжая неиссякаемым потоком таких же шарлатанских “инноваций” (*“позтапное формирование (!) умственных действий”, “развивающее обучение”, “обучение на высоком уровне трудности”, “воспитывающее обучение”, “алгоритмизация”, “оптимизация”, “эйдетизация”, “герменевтизация”, “синергетизация”, “акмеологизация”, “валеологизация”, “дианетизация”, “саентологизация”, “личностно-ориентированный подход”, “цивилизационный подход”, “культурологический подход”, “государственный образовательный стандарт”, “единое образовательное пространство”, “разноуровневое обучение”, “вариативное обучение”, “дидактическая теория перекачки в мозг “механизмов мыследеятельности”, растворённых в содержании образования” и т.д. и т.п.*), которые на глазах добивают нашу несчастную школу. Итак, в хронологическом порядке:

Лев Троцкий: *“Выпустить новое, “улучшенное издание” человека — это и есть дальнейшая задача коммунизма. Человек взглянет на себя как на сырой материал или в лучшем случае как на полуфабрикат, и скажет: “Добрался, наконец, до тебя, многоуважаемый хомо сапиенс, теперь возьму я тебя, любезный, в работу”¹*.

Лев Выготский: *“Новое общество создаст нового человека. Когда говорят о переплавке человека как о несомненной черте нового человечества и об искусственном создании нового биологического типа, то это будет единственный и первый вид в биологии, который создаст сам себя”²*.

Трофим Лысенко: *“В Советском союзе люди не рождаются. Рождаются организмы. А люди у нас делаются — трактористы, мотористы, академики, учёные и так далее. И это безо всякой идеалистической чертовщины — генетики с её реакционной теорией наследственности”³*.

¹ Цит. по: Кобрин Кирилл. Фабрика и её работник // Звезда. 1998. № 6. С. 218.

² См.: там же.

³ Цит. по: Ковалёв А.М. Философские исследования в условиях перестройки // Вопросы философии. 1987. № 11.- С. 67.

Комментировать, к сожалению, нечего. Любой мало-мальски грамотный психиатр, не раздумывая, скажет, что даже со скидкой на эйфорию по поводу окончательного торжества *“единственно верного учения”* и с учётом небывалой перспективы оклеивать стены бумажными купюрами, а из золота отливать унитазы, перед нами потрясающе наглядная клиника. И вся “советская педагогика”, вся “советская психология” — сплошное зазеркалье, где всё шиворот-навыворот, вверх ногами, иррационально, юродиво.

Удивляет другое. *“Светлое будущее”*, которое долго и мучительно отвергалось человеческой природой, рухнуло в одночасье как Вавилонская башня. Даже пыль не успела осесть, а психолого-педагогическая братия будто ничего не видела и ничего не слышала. Как шила платье голого короля, так и шьёт. Как вешала лапшу на уши, так и вешает. Как торговала оптом и вразнос шарлатанскими *“инновациями”*, так и торгует. Как не смотрела в сторону школы, так и не смотрит. Как ни за что не отвечала, так и сегодня не боится ни Матросской тишины, ни Бутырки, ни Белых столбов. Как служили партии, так и служат.

В который раз беру в руки книгу А.В. Петровского,— предпоследнего президента АПН-РАО,— и снова и снова вчитываюсь в текст на странице 244: *“Да, научная психология отвергает врождённость способностей. Но в каком смысле отвергает и почему, в этом ещё надо разобраться. Способности — это психологические особенности человека. Однако на свет человек появляется без психических свойств (т.е. как tabula rasa.— В.К.), а лишь с общей возможностью их приобретения. Так, изготовленная на заводе индукционная катушка, через которую не пропускали тока, не обладает пока ещё магнитными свойствами, содержит в себе лишь общую возможность намагничиваться, а также имеет ряд индивидуальных характеристик, которые могут проявляться только в процессе её использования. Подобно тому, как с включением электрического тока возбуждаются электромагнитные свойства катушки и проявляются её технические качества и достоинства, человеческий мозг в результате столкновения с действительностью начинает отражать окружающий мир. В процессе психической деятельности он обнаруживает свои индивидуальные качества и достоинства (т.е. способности), которые реально не существовали до этого. Прежде всего в этом смысле можно сказать, что способности не являются врождёнными”¹.*

Посмотрите, сколько наворочено: *“психологические особенности”, “психологические свойства”, “общая возможность их (способностей.— В.К.) приобретения”,*

¹ Петровский А.В. Психология о каждом и каждому о психологии. — М., 1996. — С. 244.

“индукционная катушка”, “магнитные свойства”, “общая возможность намагничиваться”, “электромагнитные свойства катушки”, “технические качества и достоинства”, “человеческий мозг”, “столкновение с действительностью”, “отражение окружающего мира”, “процесс психической деятельности”, “индивидуальные качества и достоинства”, “способности, которые реально не существовали до этого”. Чуть ли не весь арсенал *“научной психологии”*, который создаёт иллюзию фундаментальности, но на самом деле является банальным наукообразным пустословием.

Взять хотя бы *“общую возможность их (способностей. — В.К.) приобретения”*, которую А.В. Петровский, отвергая врождённость способностей, признаёт... врождённой (!). Что представляет собой эта таинственная “возможность”, уважаемый мэтр *“научной психологии”* не раскрывает. Рассчитывает, видимо, на то, что читатель, ошарашенный непроницаемой заумью, проглотит эту недомолвку не разжёвывая. Но в науке так не бывает. Придумал термин “всемирное тяготение” — будь любезен предъявить его содержание и обосновать его необходимость, иначе вместо физики получится домысел, досужий размышлизм, приемлемый разве что в философии и схоластике.

Но раз сам А.В. Петровский уклоняется от исполнения элементарной научной процедуры, попробуем разобраться без его участия. Что и ничего больше может означать, например, словосочетание *“врождённая **возможность**”*? Да то же самое, что и *“врождённая **способность**”*! Это полные синонимы. Такие же полные, как *“психологические особенности человека”* и *“психические свойства”*. Что же выходит? А выходит то, что почтенный мэтр *“научной психологии”* откровенно дурачит нас: *“врождённую возможность”* признаёт, а *“врождённую способность”* отвергает, хотя и то и другое — одно и то же.

Конечно, А.В. Петровский, оставаясь верным своей манере защищать себя и всю *“научную психологию”*, обязательно возразит: дескать, для этой способности можно сделать исключение: во-первых, она *“общая”*, а, во-вторых, она не простая, а золотая, потому что позволяет нам *“приобретать”* всякую другую способность.

Не знаю как вам, уважаемый читатель, но я в этом “пояснении” вижу лишь то, что А.В. Петровский уже не просто морочит нам голову, а бессовестно издевается над нами, принимает нас за безнадёжных лохов. Разве суть(!) дела в том, как эту золотую способность назвать и какую характеристику ей присобачить — *“приобретать”*, *“отвергать”*, *“блокировать”*, *“торговать”* (рецептами *“научной психологии”*, например), *“спекулировать”* (на физиологии, например)? Суть (!) дела в том, что “золотую” способность А.В. Петровский самолично признал **врождённой**! Но если хотя бы одна из способностей, даже “золотая”, признаётся **врождённой**, то **приро-**

дёнными автоматически признаются и все другие: способность видеть, способность слышать, способность ходить на двух конечностях, способность усваивать человеческую речь, способность любопытствовать, способность мыслить, способность ощущать, способность работать руками, способность наслаждаться, способность страдать и радоваться, способность производить потомство, способность (или неспособность) выхаживать его, способность (или неспособность) усваивать *“государственный образовательный стандарт”*. Неужели есть ещё простак, которые верят, что Моцартом можно стать, ударившись об рояль, Рафаэлем — увидев краски и кисти, Пушкиным — вставив себе гусиное перо (по А.В. Петровскому получается, что мы обречены довольствоваться только памятником на “пушке”, потому что сдуру заменили гусиные перья шариковыми ручками), математиком, столкнувшись с учебником математики, а физиком, — столкнувшись с индукционной катушкой? А ведь А.В. Петровский рассчитывает именно на это, на нашу с вами безграничную тупость и на гипноз “научной психологии”.

Кстати, о птичках, т.е. о *“катушке”*. Пропустили через неё электрический ток — и она намагнитилась, *“приобрела”* способность *“которой до этого не было”*. Да в том-то и дело, что **была!** Хотите удостовериться? Пожалуйста! Вместо гвоздя возьмите что-нибудь другое, — медный пятак, спичку, а ещё лучше оружие пролетариата — булыжник, и попробуйте их намагнитить. Если А.В. Петровский станет возражать, указывать на некорректность такого эксперимента, то озадачьте его парой-тройкой абсолютно корректных вопросов. *Первый:* кто в ответе за то, что гвоздь, спичка, медный пятак и булыжник обладают **разными** *“общими возможностями намагничиваться”*? *Второй:* почему мэтр “научной психологии” всех школьников отождествляет с железом, а, скажем, не с золотом, которое тоже не намагничивается? *Третий:* почему отождествлённые с железом школьники вот уже пять тысяч лет, т.е. с тех пор, как в Древнем Египте и в Шумерском царстве появились первые школы, “намагничиваются” по-разному, но неизменно в одной и той же пропорции: на “круглые пятёрки” “намагничиваются” максимум 0,5%, на “пятёрки” вперемежку с “четвёрками” — процентов 10-15, на сплошные “твёрдые” и “нетвёрдые” “тройки” — процентов 60-70, а остальные совсем не намагничиваются? *Четвёртый:* почему одни ученики от математики *“намагничиваются”*, (таких по статистике до 15%), а другие (таких по статистике более 80%) не *“намагничиваются”*, хотя “электрический ток”, т.е. *“государственный образовательный стандарт”* совершенно одинаковый, как по силе, так и напряжению? Если А.В. Петровский и тут начнёт давать “пояснения”, дескать, у каждого ребёнка своя, неповторимая “общая возможность приобретать”, тогда задайте ему окончательный вопрос: а кто, собственно, одарил их этой неповторимостью?

Если “окружающий мир”, “действительность”, тогда почему они такие несправедливые: одним “круглые пятёрки”, а другим — чёрт знает что? Если же дело в природе, в стихийной комбинации генов в генной программе, тогда пусть подписывает акт о полной и безоговорочной капитуляции и провозглашает здравицу в честь Квинтилиана.

2. Чем голландская корова отличается от колхозной

Роль электрического тока, а вместе с ним “действительности” и “окружающего мира” заключается вовсе не в том, что от него индукционная катушка якобы может **“приобрести”** способность намагничиваться и что таким образом он вроде бы может **создать** эту способность. Его роль куда как более значительная, но она совершенно другого (!) свойства. Проникая в катушку, электрический ток **не создаёт** способность намагничиваться, потому что в этом нет надобности (в камне ищи — не ищи, этой (!) способности не найдёшь), а делает такое, что не менее важно, чем её **создание**. Он **находит** эту способность, **выявляет** её, **даёт** ей возможность **раскрыться** и **состояться**, т.е. **реализоваться**. Эту роль, это “разделение труда” между Природой, которая творит все человеческие способности, и “окружающим миром”, включая обучение, которые **выявляют, возвращают, холят, культивируют и реализуют** врождённые способности, первым и подметил Квинтилиан — вечное ему царствие небесное за это гениальное открытие.

Казалось бы, как не понять и с радостью согласиться: престиж *“окружающего мира”* не только не подрывается, но превосходит все возможные рейтинги. Ан нет, не понимают. Им обязательно надо примазаться в соавторы к Господу Богу, изовратиться, извертаться, исподличаться, но “доказать”, что они тоже творцы и за это их надо содержать на шее налогоплательщика. Когда-то они вместе со своими учителями Троцким, Выготским и Лысенко убеждали нас в том, что генетика это всего лишь “продажная девка империализма”. Ныне, прижатые фактами к позорному столбу, они всё равно пробуют выкрутиться. На место вопроса по существу,— являются ли все человеческие способности, а заодно и потребности, врождёнными, заложенными в генную программу,— они, чтобы хоть таким способом уязвить и унизить “продажную девку” с её ненавистными генами, подставляют другой вопрос: “А что вы, собственно, носитесь со своими генами? Что они могут, ваши врождённые способности, если воспитание перекроет им кислород “государственным образовательным стандартом”, а среда перестанет поить и кормить?” И не пытайтесь им разъяснять, что в воспитании и в среде никаких способностей нет и быть не может, а в генах, и только в них,

они есть. Заткнут уши ватой и, как ударенные пыльным мешком, будут твердить своё заклинание: *“Социум всех сильнее, социум всех главнее, социум всех важнее!”*

Если бы эти чокнутые надрывали глотку только в стенах своей академии или в стенах наробраза, только ради зарплат и грантов, можно было бы и потерпеть, пождать, пока успокоятся естественным образом. Но у них же всесоюзная, — простите, оговорился, — всероссийская трибуна! Они штампуют кандидатов и докторов, пишут учебники, издают монографии и всё это в той же логике: “В огороде бузина, а в Киеве Дядько”. Почитайте, что они чёрным по белому написали в “Энциклопедии для детей. Биология”. Уши вянут: *“В Европе коровы в среднем дают по 7-8 тыс. л. молока в год, а в России удои в 4-5 тыс. л. считаются хорошими. Что это значит? Генотип (генная программа — В.К.) европейских коров намного лучше? Или российские коровы содержатся в плохих условиях и получают недостаточное питание? И то и другое. Когда европейский скот, купленный за границей, попадает в российские условия, удои коров резко снижаются”*¹.

Ну разве не умора?! Авторы этого примера на полном серьёзе, как истинные “научные психологи”, убеждают наших детей в том, что от российской прошлогодней соломы у привередливой иностранки на 50% увяла генная программа, что вот такая она хлипкая в сравнении с их “новообразованиями”, что способность отпускать своему хозяину 7-8 тысяч литров молока оказалась вовсе не врождённой, а на 50%, а, может, и на 99% “приобретённой”, производной от качества рациона, т.е. от “столкновения” с “окружающим миром”. Опровержений этой дурацкой логики, которой пичкают в совково-российской школе, целых шесть.

Первое. Голландскую бурёнку, недовольную прошлогодней русской соломой, в соответствии с международными соглашениями репатрируют на родину. Дома надои, конечно, восстанавливаются, но и там, как ни корми, а выше 8 тысяч литров не поднимаются. Кем установлен этот предел? Ответ очевиден — целиком и полностью генотипом — генной программой!

Второе: берём любую колхозную корову, покупаем ей билет в Голландию. Поселим в тот же заморский хлев и поставим на точно такое же довольствие, как у той, что отведала колхозного гостеприимства. И что? Через месяц, год, через 10 лет подтвердит вымысел “научных психологов”? Да ни за что на свете! Ну к 5 тысячам литров прибавит ещё литров 200-300, но чтобы сравняться — из кожи вылезет, но не получится. Значит, и в этом случае способность опять же врождённая, приобретённая от Природы.

¹ См.: Энциклопедия для детей. Биология. — Т. 2.- М., 1999. — С. 101.

Третье: Если бы вас, уважаемый читатель,— и меня, разумеется, тоже,— кормили и поили с нашей генной программой, как Александра Сергеевича, сумели бы мы сочинить стихотворение “Зимний вечер”? Я, как прочитал его во втором классе, так до сих пор не могу найти даже что-либо отдалённо напоминающее этот шедевр. Ни в прошлом, ни, тем более, в настоящем.

Четвёртое: Если бы того же Пушкина вместе с его генной программой, с “раскосой мадонной” и оравой детей поселили для эксперимента в коммуналке на Невском или на Арбате, посадили на хлеб и квас — стал бы он вообще сочинять? Или, как порядочный человек, отправился разгружать вагоны, чтобы прокормить семью?

Пятое: Если бы после эксперимента поэта всех поэтов снова водворили на Мойку и снова взяли на царское содержание — не засияло ли бы “Солнце русской поэзии” ещё ярче? Не могла же его генная программа измениться оттого, что он вместо своих любимых марафонов до Царского села и назад (50 км!) покорячился пару месяцев под мешками с мукой.

Шестое: Вы, уважаемый читатель, ещё кого-нибудь, кроме “научных психологов”, встречали, кто Божий дар не способен отличить от яичницы? Мне до этого случая не везло.

Но если врождённость способностей отвергается, если ставка делается на их “приобретение”, то проблема **выявления** способностей, проблема их **раскрытия** и **возвращения** отпадёт сама собой. Вместо этой многотрудной, кропотливой, невероятно ответственной работы вводится “государственный образовательный стандарт”, который, по версии “научных психологов”, и будет “намагничивать” способности. Трудовой стаж “государственного образовательного стандарта” перевалил за 60 лет, но где же тот счастливчик, который “намагнитился” от него не отвращением к школе, а хотя бы самой завалющей способностью?

А в это время во всех цивилизованных странах цветёт и пахнет совершенно другой порядок. “Государственный образовательный стандарт” они выкинули на свалку вместе с “единым образовательным пространством” почти сто лет назад. Учат и воспитывают так, как рекомендовали гениальные классики педагогики, и в первую очередь Марк Фабий Квинтилиан. В Америке, например, все 8 лет начальной школы изучение ребёнка, выявление врождённых способностей и талантов идёт далеко впереди его обучения. Поэтому в следующих классах все, кто пришёл в них, не определяются в жизненных планах, а уже определились. Помня о том, что время — деньги, сразу составляют себе **индивидуальную программу** из предметов, которые им по силам, и которые, поэтому, не “проходятся”, а усваиваются. К тому же именно эти предметы требуются для облюбованной профессии. Выбор неоглядный:

от 200 до 600 курсов, разных не только по содержанию, но и по объёму. Кто в состоянии штурмовать Гарвард, берёт самую высокую математическую планку, но кто решил стать фермером, парикмахером, автослесарем, официантом, поваром, солдатом, бухгалтером, штукатуром, ограничиваются для начала арифметикой (если потом потянет “расти”, “делать карьеру”, то продолжить обучение можно и вечерней школе, и заочно, и на бесчисленных курсах, которые существуют на каждом крупном предприятии).

Ещё за несколько лет до октябрьского переворота 1917 г. Ленин поручил Крупской подготовить аналитический доклад о лучших образовательных системах Запада. Крупская блестяще справилась с заданием, оставив нам в назидание образец подлинно научного, беспристрастного сравнительно-педагогического исследования (*“Народное образование и демократия”*). Изучив доклад, Ленин остановился на американской модели, а в 1918 г. подтвердил свой выбор категорическим распоряжением: *“Черпать обеими руками хорошее из-за границы: Советская власть + прусский порядок железных дорог + американская техника и организация трестов + американское народное образование etc. etc. + ... + = Σ = социализм”*¹.

Конечно, скептики могут заметить, — и будут совершенно правы, — что Ленин и Крупская были скорее политиками, чем педагогами, а потому не худо было выслушать мнение авторитетного профессионала. Что ж, такое мнение тоже есть. Правда, идеологических проституток и квасных патриотов может при этом хватить кондрашка, но я всё равно приведу его, потому что оно принадлежит самому Константину Дмитриевичу Ушинскому, авторитету выше некуда.

Повод для оценки американского народного образования явился к нему совершенно случайно. Намыкавшись за инакомыслие без работы, Константин Дмитриевич с большим трудом только что устроился в Гатчинский сиротский институт. Преподавая словесность и законопослушание, продолжал деятельно сотрудничать со столичной прессой. Его блестящие публикации, особенно их язык, настоящий, естественный русский язык, заметил и удостоил своей похвалы сам Иван Сергеевич Тургенев.

Однажды, а если совсем точно, то летом 1855 г., издатель журнала *“Библиотека для чтения”* А.В. Старчевский, прислал ему из Петербурга крупный заказ — перевести всю серию статей об американской школе, опубликованных в английском журнале *“Athenaeum”* (*“Библиотека”*). Как пишет биограф Ушинского М.Л. Песковский, статьи из *“Athenaeum”* произвели на будущего классика научной, природосообраз-

¹ Ленин В.И. ПСС. — Т. 36. — С. 550.

ной педагогики “чрезвычайно сильное впечатление”. Выполненный заказ он вручал Старчевскому “в каком-то необыкновенном экстазе” и тут же разразился нижеследующей тирадой: *“Зачем прислали вы мне статьи об американском воспитании?... Я, по прочтении “Athenaeum” не мог спать несколько ночей! Статьи произвели страшный переворот в моей голове, в моих понятиях, убеждениях. Они подняли в моём уме целый рой вопросов по воспитанию и образованию; навели меня на многие, совершенно новые, мысли, которые без этих статей, пожалуй, никогда не пришли бы мне в голову. Я не знаю, что я сделаю, что со мною будет, но я решил-ся посвятить себя с этого дня исключительно педагогическим вопросам”*¹.

К этому “мнению” можно добавить, что в педагогике Ушинский до конца своей короткой жизни считал себя англоманом, за что его поедом ели и, в конце концов, свели в могилу остервенелые пруссофилы. Вдохновлял их на это богопротивное дело тогдашний министр народного просвещения граф. А.Д. Толстой (1823-1889), который по совместительству был и обер-прокурором Святейшего Синода. Школьная реформа, которую он провёл в начале 60-х гг. окончательно превратила русскую школу в прусскую колонию строгого режима, что решительно противоречило образу школы, который Ушинский обосновывал и рисовал в своих блистательных научных исследованиях, особо выделяя необходимость трепетного уважения к неповторимой индивидуальности каждого ребёнка и к его уникальным врождённым способностям. Набравшись опыта на предыдущей работе в министерстве внутренних дел, Толстой, питавший к Ушинскому и давнюю личную неприязнь, решил этот спор самым простым и действенным способом².

Честно сказать, не знаю, была ли знакома Крупская,— а тем более Ленин,— с мнением Ушинского. Но как бы там ни было, всё шло к тому, что, опомнившись после безумного кровопускания в Гражданской войне, истерзанная, измороженная, “опущенная” старым и новым режимом Россия вот-вот свернёт с очередного “собственного пути” и последним усилием прорвётся к спасительной общечеловеческой магистрали: Ленин, находясь ещё на капитанском мостике, круто меняет курс в сторону буржуазной демократии и провозглашает НЭП (“всерьёз и надолго!”), а Луначарский, убеждённый либерал и западник, которого Ленин ещё раньше назначил наркомом

¹ См.: Песковский М.Л. К.Д. Ушинский. Его жизнь и педагогическая деятельность. — С.-Петербург. 1893. — С. 29.

² См.: Песковский М.Л. К.Д. Ушинский. Его жизнь и педагогическая деятельность. — С.-Петербург, 1893. — С. 26, 40-43., а также: Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения. 1802-1902. — С.-Петербург. 1902. — С. 481-484.

просвещения, начинает без спешки, но решительно внедрять в практику “*Основные принципы единой трудовой школы*”¹.

Благодаря уцелевшей буржуазии, НЭП делает потрясающие успехи. В стране появляются деньги. 28 ноября 1922 г. (!) в обращение запускается золотой червонец, который на валютном рынке свободно конвертируется! Главная статья государственного бюджета — расходы на народное образование и культуру. В огромном количестве переводится и издаётся американская педагогическая литература. Демократическая перестройка школы стремительно набирает обороты. В 1928 г. в советскую Россию приезжает патриарх американской педагогики и основоположник философии прагматизма Джон Дьюи (1859-1952) и проводит консультации для сотрудников Наркомпроса. Поживи Ленин ещё бы лет десять и этот процесс в буржуазной России со стопроцентной гарантией стал бы необратимым. Но на этот судьбоносный срок Ленина трагически не хватило.

Дальнейшее известно. Вместо ленинской НЭП, которая сегодня триумфальным маршем шествует по Китаю и на глазах превращает его в “китайское чудо” (а мы всё ищем, ищем и ищем “собственный путь”), мы получили сталинскую коллективизацию с поголовным уничтожением самой работающей части крестьянства, так называемых кулаков. Ленинский курс на мирное сосуществование круто меняется на сталинский курс экспорта революции и тотальной милитаризации: военная схватка с мировым империализмом объявляется исторической неизбежностью и вся страна начинает работать на военно-промышленный комплекс. Но самое кошмарное заключалось в том, что люмпенский джин, которого Ленин выпустил из бутылки только на время, для раскручивания “революционной ситуации” и которого НЭП почти уже загнала назад, Сталин не только оставляет буйствовать, но и делает его социальной базой своего режима. Сатанинского режима.

Хорошо понимаю, что беру на себя большую ответственность, но твёрдо заявляю, что к этому последнему решению Сталина подталкивали и “научные психологи”. Своими “исследованиями”, совершенно не думая о последствиях, они усердно, раболепски, оправдывали, укрепляли, внедряли в сознание людей самый завирательный и бредовый тезис Маркса о том, что социальное сильнее природного (Ленин стоял на совершенно других позициях!) и что новая социальная среда способна переделать

¹ См.: Кумарин В. Революцией рождённая... // Учительская газета, 1967, 23 окт., а также: Кумарин В. Педагогика: необходимость перемен // Коммунист. 1989. № 11. — С. 78-88, а также Кумарин Валентин. Лучшей концепции у нас не было. И пока не предвидится // Народное образование. 1999. № 10. — С. 36-39., а также Луначарский А.В. Основные принципы единой трудовой школы // Народное образование. 1999. № 10. — С. 40-48.

человеческую природу. “Культурно-историческая теория” Выготского, принять которую всерьёз могло только люмпенское сознание, открытым текстом гарантировала, что при помощи “психологических новообразований” деда Щукаря можно превратить в добропорядочного труженика и сделать его “пролетарским интеллигентом”. В переводе на язык практики эти шарлатанские бредни, параноидные “гарантии” подводили к чудовищному выводу: не робейте, товарищ Сталин, на место одного “буржуазного интеллигента” мы вам “наформируем”, сколько пожелаете, пролетарских, свободных “от груза проклятого прошлого”.

По причине крайней серьёзности этого заявления, я, уважаемый читатель, вынужден сделать в этом месте ещё одно отступление от непосредственной темы. Только злонамеренные провокаторы или круглые невежды могут ставить знак равенства между рабочим и пролетарием. Это совершенно разные понятия и совершенно разные люди. Первые пролетарии (*lat. - proletarii*) были зафиксированы и конституированы 2500 лет назад в Древнем Риме. Это был многочисленный класс людей, состоявший из разорившихся крестьян, которые в поисках более лёгкой жизни,— успешно хозяйствовать на земле, выдерживать конкуренцию с соседями по пашне он не могли из-за отсутствия способностей и желания(!) “ломаться” с утра до вечера в поле,— устремлялись в провинции и города, особенно в столицу, в гигантский мегаполис с двухмиллионным населением. Но строить дома и дороги, выпекать хлеб, точать сапоги, торговать они тоже не умели и опять же не хотели: о службе в армии не могло быть и речи: с такими солдатами не мир покорять, а сразу сдаваться в плен. Но они оставались свободными гражданами (в отличие от рабов) и как таковые имели право на государственные субсидии, которые назывались хорошо нам знакомым словом “алименты” (*lat. alimentum*). Во время выборов в Народное собрание пролетарии подрабатывали тем, что продавали свои голоса состоятельным претендентам на власть. Единственным видом деятельности, которым они занимались с желанием, было производство потомства (*lat. proles* — отсюда *proletarii*).

Как и все неумехи и нищие, римские пролетарии были очень завистливы, в том числе и по отношению к рабочим, ремесленникам, тогдашним “кулакам”. По каждому поводу и без повода устраивали постоянные смуты: грабили, поджигали, убивали (главным образом, по заказу). Пролетарские смуты, как червь-древоточец, подтачивали государственный организм и, в конце концов, стали главной причиной заката и гибели величайшей на земле империи. В 5-м веке новой эры германские легионы, состоявшие на службе у Рима, захватили город голыми руками, разрушили и сожгли

его. В гигантском пожаре, продолжавшемся несколько недель, погибли бесценные сокровища общечеловеческой культуры¹.

От марксовых пролетариев их древнеримские собратья отличались тем, что были несравненно скромнее. Они не рвались к мировому господству (“весь мир насилья мы разрушим...”), не стремились пролезть во властные структуры, не домогались учёных степеней и званий, не мечтали даже о самых мелких чиновничьих должностях, сознавая, что и тут не справятся. Ведя против империи ту же самую подрывную деятельность, они требовали всего-то “хлеба и зрелищ” (lat. “panem et circenses”). Сходство же, кроме безмозглости, безрукости и вандализма, заключается и в том, что, как те, так и эти, страждали душевного утешения в религии: одни в христианской, другие в коммунистической. Классические образы древнеримских пролетариев можно найти у Рафаэлла Джованьоли (1836-1915), автора блистательного романа “Спартак”, а достоверные портреты марксовых пролетариев на века запечатлели Булгаков, Зощенко, Шолохов.

Авантюра “научных психологов”, разумеется, с треском провалилась, ибо на фронте даже самого доступного университета в мире, в который без экзаменов принимают всех желающих, но через год-два оставляют только способных, огромными буквами выбито предупреждение: “*Что не дал Бог, не даст и Сорбонна*”. Но чтобы создать видимость успеха и тем сохранить себя, выготсковцы и лысенковцы решили обмануть и Бога. “Неучам новой формации”, как недавно выразилась “Литературная газета”, стали на халяву раздавать аттестаты зрелости, вузовские и профессорские “корочки” не за здорово живёшь. Не прошло и нескольких лет, как все управленческие должности оказались в руках “партийных выдвиженцев”. У меня сохранился букварь, по которому я в 1936 году овладевал грамотой. Это замечательный учебник. Написали его талантливые педагоги Е. Фортунатова и Л. Шлегер. Если бы по нему учили и нынешних детей, их бы точно не пришлось “готовить к школе(!)” с двухлетнего возраста, варварски подавляя способность, а, стало быть, и желание учиться.

В этом первом учебнике советского первоклассника в доступнейшей формешла отражение и кадровая политика партии, которую обслуживали “научные психологи”. Я (пишу без ёрничества!) упивался этими вдохновляющими стишками:

¹ См.: Хвостов В.М. История римского права. – М., 1919. – С. 163, а также: Краткая философская энциклопедия. – М., 1994. – С. 368.

В городе

Был хозяин на заводе.
 Нас он в голоде держал.
 У него отец Володи
 За станком весь день стоял.
 Уж давно с того завода
 Богатей тот убежал.
 И теперь отец Володи
 Управлять заводом стал.

В деревне

Близ деревни жил-был барин.
 Дом-дворец, как роща сад.
 У него отец Евгеши
 Холил малых жеребят.
 Уж давным-давно тот барин
 Из деревни убежал.
 И теперь отец Евгеши
 Управлять совхозом стал.

До сих пор не могу забыть, как я радовался за отцов Володи и Евгеши, как сам хотел руководить заводом или совхозом, как злорадствовал в адрес их бывших хозяев и как благодарил наших великих вождей, Ленина и Сталина за справедливость. Но, как говорится, что Бог ни делает, всё к лучшему: с моими-то взглядами, с моим характером,— да руководить в то время. Давно бы и косточки истлели в какой-нибудь безымянной могиле.

Результаты аферы, которую подпирали своей “учённостью” “научные психологи”, сегодня у всех на виду. “Новообразованные” руководители довели народное хозяйство до такого состояния, что оно просто не могло сначала не впасть в застой, а вскоре и совсем развалиться. Но надо же случиться такому чуду, что всё кругом повалилось, а люмпенский джин не получил даже царапины. Все пролетарии, как сидели в руководящих креслах, так и остались сидеть. Даже молодой Ельцин, имея все возможности, побоялся их тронуть и распахнул им ворота в приватизацию, т.е. ещё раз пустил козла в огород.

Бедолаги-политологи всё гадают: почему и рыночные реформы лишь усугубляют развал? Почему даже благие порывы оборачиваются пшиком? А причина-то,

“пальчики-то” прямо перед носом. Ну разве можно что-либо, тем более целую страну,— реформировать, возрождать, строить, поднимать с колен, распрямлять, мечтать о её величии и достоинстве, в конце концов, думать о пище насущной, если огромная чиновничья армия (вдвое(!) больше, чем во всём СССР) почти сплошь состоит из дипломированного люмпена, из “пролетарских интеллигентов” и держит в руках всю реальную власть?! И ладно бы только держала, но она же её использует! Дерёт взятки, ворует, волокитит, деморализует, растлевает народ и его избранных в “верхних эшелонах” законами своей жизни: отнять и поделить; кто не ворует, тот не ест; я начальник — ты дурак, ты начальник — я дурак; не подмажешь — не поедешь; до Бога высоко, до царя далеко.

Нет, не с “вертикали” надо начинать, потому что она лишь укрепляет всеилие чиновников и тем самым создаёт идеальные условия для коррупции, для этой отрасли, которая куда как опаснее, чем героин, СПИД и Чернобыль, вместе взятые.

Начинать,— и пока не стало поздно,— надо как раз с “горизонтالي”. Загляните в любую деревню, в любой производственный цех на фабрике или на заводе, в любую академию наук и проведите “интерактивный опрос” по одному-единственному параметру: кто у вас умный и честный, а кто дурак и жулик (с кем можно идти в разведку, а с кем — Боже упаси). Без всяких тестов сразу получите правильный ответ. Дайте людям право выбора в изначальной, исходной ячейке общества и через пару недель у вас будет компьютерный банк данных о настоящей интеллектуальной элите, пусть даже недипломированной: умный человек всегда может стать образованным, а дурак с “корочками” никогда не станет умным, ибо, как давно известно, образование ума не даёт и дать не может. И только “научные психологи” могут в этом сомневаться.

Вот этой интеллектуальной элите, реальной, а не фиктивной, и надо дать “разгуляться”, чтобы у “пролетарских интеллигентов” затрещали кости. Контроль, конечно, и здесь нужен, но не столько государственный, сколько общественный. По правилам детской скакалочки: первый раз прощается, второй — запрещается. Не справился, обманул, украл,— добровольно в отставку! Никакого следствия, суда, а прямое требование общественного мнения. Профессиональная Государственная дума и профессиональный Сенат должны комплектоваться только по этому принципу, а думцы и сенаторы должны сваливать в управдомы сразу, как только народное вече скажет своё слово, как это было, к примеру, в коллективах Макаренко.

Кстати, если кто думает, что Макаренко был лишь великим педагогом и талантливым писателем, он очень ошибается. В первую очередь этот человек был гениальным творцом социальных конструкций. Перечитайте хотя бы 5-й том его сочинений (издание 1957-58 гг.) и вы увидите, что коммуна имени Ф.Э. Дзержинского была

идеальной моделью демократического, рыночного, процветающего общества. Один лишь факт, что коммуна не только клянчила, но сама отдавала бюджету 5 миллионов тогдашних рублей в год, говорит о том, что нынешняя американская гордость — “всемирная паутина” — заурядная мелочь в сравнении с тем, что сделал Макаренко (подробнее в моей статье “*Директор школы, открой для себя Макаренко!*”, опубликованной в № 10 журнала “*Народное образование*” за 1999 г, а также в конце настоящего материала). И если бы вместо довольно унылой — особенно в части народного образования,— модели Грефа, мы взяли бы модель Макаренко, Россия уже через пару-тройку лет твёрдо стояла бы на собственном сверхпрочном экономическом и культурном фундаменте и на равных дружила бы с “золотой семьёркой”.

Неужели и после этого не понятно, в какие дебри нас завели фанатичные последователи Льва Троцкого, Льва Выготского и Трофима Лысенко? Посмотрите ещё раз на китайцев. “Генеральный конструктор” их перестройки Дэн Сяопин всего-то и сделал, что подобрал ленинскую НЭП, а каков результат? Учиться, учиться и ещё раз учиться ХОРОШЕМУ незасорно даже у чёрта, а учиться у американцев, норвежцев и англичан после “Курска-141” сам Бог указал.

3. У советских собственная гордость...

А что же мы? Изучаем полезный опыт, который вышел из шинели Квинтилиана, прислушиваемся к Ленину и Ушинскому, пробуем хотя бы в одной школе поработать без “*государственного образовательного стандарта*”, делаем выводы из чудовищной статистики (92% больных выпускников, никудышные знания, отвращение к школе уже к 5-6 классу, огромный явный и скрытый (т.е. маскируемый очковтирательством) отсев и т.д. и т.п.)? Да ничего подобного! Мы прямо сгораем от квасного патриотизма (Америка нам не указ!) и, закрывая глаза на факты, продолжаем сморять в рот “*научной психологии*”.

Во что нам обходится этот гонор и это совершенно беспочвенное упование на “научно-психологические” чудеса, лучше всего судить по живым картинкам. Поставим себя на место ребёнка и посмотрим, что происходит, если он не “*намагничивается*” от “*столкновения*” хотя бы с одним учебным предметом и не “*приобретает*”, скажем, математическую или другую способность.

Устав биться об “государственный образовательный стандарт”, как рыба об лёд, учитель хватает реостат и начинает наращивать напряжение: сначала срыгает сам, потом начинает стучать на ребёнка родителям и требовать, чтобы те тоже подключились к процессу (кто с подсказкой, а кто с ремнём), а если и это не помогает, заставляет подключить репетитора. И вот, наконец, спасительный “трояк”, то ли

из-за жалости к ребёнку, то ли из-за страха перестараться и схлопотать репутацию “плохого учителя”. Но вот незадача: пока ребёнка “сталкивали” с математикой и тянули на “тройку”, у него “размагнитились” врождённые способности к химии и биологии: нос вытащил — хвост увяз. Вытащил хвост — нос увяз. И так 10, 11, а скоро и 12 лет. Не учение, а Сизифов труд, от которого просто немислимо не одуреть и не полезть на стену.

Справка. По данным европейской ассоциации “Евроалант”, до 30% детей, исключённых из школы за неуспеваемость, оказываются,— при более внимательном изучении их врождённых способностей,— **одарёнными**. **Пушкин** был “абсолютным нулём” в математике, **Бетховен** так и не осилил таблицу умножения, **Чехова** оставили на второй год в 3-м классе — за отставание в словесности и т.д. и т.п. Только представьте, КОГО человечество могло бы потерять, если бы вовремя не ударило по рукам “научных психологов” и не осадило “государственный образовательный стандарт”¹. А скольких продолжает терять!

В 1997 году всю Францию, как гром среди ясного неба, потрясла информация тамошнего Министерства просвещения. В результате тщательных замеров, которые провели сами французские образованцы (вот это честность!) выявилось, что каждый 10^й француз совершенно неграмотен. Сначала думали, что виноваты учителя, потом стали обвинять политиков, но, в конце-концов, установили, что всё дело в генетике.

Все 2 миллиона неграмотных закончили полную среднюю школу, успевали кто в химии, кто в биологии, а кто даже в математике, но в письме делали огромное количество ошибок. В школе на них воздействовали всеми средствами, которые применяются к отстающим. Но ни одно из них не помогло. Правильный диагноз поставил профессор психологии (не “научной психологии”, конечно) Жан Эмиль Комбер. Согласно его заключению, это вовсе не безграмотность. У этих людей, как он выразился “иначе устроен мозг”! В каждом классе страдающих этой генной аномалией от 1 до 5 учеников, хотя внешне они ничем не отличаются от сверстников.

Это врождённая аномалия не мешает страдающим ею проявлять свои таланты в другой сфере — политике, математике, биологии или в искусстве. Среди тех, кто страдал такой “неграмотностью” значатся *Уинстон Черчилль, Джон Кеннеди, Микеланджело, Альберт Эйнштейн, Стивен Спилберг, Джон Леннон* и другие знаменитости, но “рядовым” страдальцам от этого не легче. Они испытывают большие трудности в поиске работы, им с трудом удаётся адаптироваться в обществе. Избавить их

¹ См.: 30 процентов двоечников – гении // Аргументы и факты, № 23, 2000 г.

от этого недуга не может пока даже гениальная инженерия, а психотерапевты в лучшем случае могут лишь констатировать это природное явление”¹.

Но когда это было, чтобы “научные психологи” считались с фактами? Даже ухом не повели: “Мало ли, что может случиться у французов, которые исповедуют природосообразную психологию Пиаже (1896-1980) и не признают ни Троицкого, ни Выготского, ни Лысенко? А мы любую дислексию одолеем “новообразованиями” и “намагничиванием”. Попробуйте с такими поговорить по-хорошему, интеллигентно, не по-пролетарски. Покрутят пальцем около виска и тебя же объявят шизофреником.

Не легче и от того, что есть те 0,5% детей, которым хватает природных способностей, чтобы вытянуть весь “государственный образовательный стандарт” на “круглые пятёрки” и получить медаль. Тут наши потери несомненно самые большие и практически невозполнимые, ибо в этом случае мы подавляем интеллектуальную элиту и лишаем народ его естественных лидеров в науке, культуре, политике, а вместо них получаем бездарей, ввергающих страну в безумные авантюры. Раскулачивание, экспорт революции, войны, освоение целины, планы поворота сибирских рек, уничтожение генетики и генетиков, ликвидация “неперспективных” деревень, крестовые походы против религии, кукурузизация всей страны, кровавое подавление оппозиции, воровская приватизация, поощрение национализма и квасного патриотизма — всё это и многое другое, прежде всего, от сознательного подавления интеллектуальной элиты, в чём, как это ни горько отмечать, главную роль играет “научная психология”. Отвергая врождённую способность, она создаёт иллюзию, что их можно создавать по щучьему велению или по хотению “научных психологов”. У меня перед глазами исповедь двадцатилетней давности, которую поведал “Литературной газете” образцово-показательный “круглый отличник”. Прочитаем и задумаемся: *“В школе, помню как сейчас, все в один голос утверждали — у меня блестящие математические способности. Мне действительно легко давалась математика. С детства интересовался техникой. Ещё пацаном научился довольно лихо водить мотоцикл и машину. Сам ремонтировал. Изобретал. Однако родители, да и учителя тоже, желая, видимо, сделать из меня круглого отличника, заставляли по полдня сидеть за учебниками по литературе, которая не нравилась мне, да и плохо давалась. О математике никто не беспокоился. С ней же у меня не было никаких хлопот. Её, видите ли, Бог дал. А вот “литературой” обделил.*

Значит, надо тренировать то, что тебе не дано Богом. Вот я и тратил всё своё время на так называемые гуманитарные предметы. Да ещё вдобавок ко все-

¹ См.: Ваксберг Аркадий. Джон Кеннеди был косноязычным, а Альберт Эйнштейн — неграмотным. // Педагогический калейдоскоп (Дайджест), 1998, март.

му в девятом классе не повезло. Пришёл новый учитель по математике. О таких говорят “плохой человек”. Невзлюбил я его. И из-за него вконец забросил некогда любимый предмет. Родители добились своего. Я “выровнялся”. Но во мне филолог не родился. Зато погиб техник, математик. Родители и школа, казалось, сделали всё, чтобы из меня воспитать посредственного специалиста. Сейчас я работаю на автозаводе. Люблю свою работу. Но чувствую, как много потеряно. И потеряно безвозвратно¹.

А это — признание Леонида Якубовича, самого популярного телеведущего, показывающего на своём “Поле чудес” все фигуры высшего развлекательно-познавательного пилотажа. Признался он печатно, как раз в тот день, когда ему стукнуло пятьдесят(!) Цитирую: *“Ко мне сейчас возвращается литература, которую я, как и многие, ненавидел из-за школы. Я перечитал всего Толстого, Чехова, Достоевского. Помню, когда в 11 лет я узнал Джека Лондона, я месяца три приходил в себя и не мог взять в руки ни одной книжки. Так он меня потряс. В человеке заложена тяга к красоте и добру, что принципе одно и то же. Ибо добро не может быть уродливым...”².*

Прошу, уважаемый читатель, извинить меня за оскорбительную подозрительность, но я даже Господу Богу не поверю, если он скажет, что в школьные годы испытывал кайф от “Евгения Онегина” или от “Войны и мира”. Сужу и по себе. В третьем классе мне только на один день дали книгу Раффазлло Джованьоли “Спартак”. Я её, не отрываясь, прочитал за ночь, а потом, как и Якубович, очень долго приходил в себя. Все годы, пока я учился в школе, я молился,— да и теперь молюсь,— на Марка Твена, Фенимора Купера, Майна Рида, Конана Дойла, Александра Дюма, Виктора Гюго, Стендаля, Вальтера Скотта, само собой, на Джека Лондона, на Жюль Верна, на автора потрясающей книги “Маленький оборвыш” (кажется, его звали Джорджем Гринвудом). Читал, конечно, и наших великих классиков, потому что меня тоже “намагничивали”, но не понимал их, а тем более не чувствовал. Созрел лишь к двадцати годам, когда учился в военно-морском училище, и только тогда всерьёз “заболел” Гоголем, Лермонтовым, Пушкиным, Достоевским, Тургеневым, Чеховым, Шолоховым, но “Войну и Мир” так и не осилил. А когда стал постарше, поработал несколько лет учителем и воспитателем в школе-интернате, директором школы (сельской) и детского дома, начал печататься в большой прессе, то первую же статью посвятил рассмотрению именно этой проблемы, доказательству того, что Гоголь, Пушкин,

¹ *Балаян Зорий*. Самообман // Литературная газета. 1981, 1 июня.

² См.: *Аникеева Марина*. Что читают наши телеведущие?// Комсомольская правда. 21 июня 2000 г.

Лермонтов, Тургенев, Достоевский, Толстой, Чехов, Салтыков-Щедрин, Толстой никогда не были детскими писателями, а потому не созревшее прикосновение к их гению не только не уместно, но чревато опасностью примитивизации и опошления величайших литературных шедевров. Но *“научные психологи”* никогда не понимали и не поймут, как они насилуют детское мышление и как навсегда отбивают охоту к серьёзному чтению. Их нелепая установка на то, что если ребёнок *“столкнётся”* с *“Войной и миром”*, то сейчас же *“приобретёт”* способность понять и оценить ГЕНИЯ, оборачивается самым беспардонным культурным и духовным ограблением.

4. “Развивающий” лохотрон

Когда говоришь, что школы хуже нашей нет ни в одной цивилизованной стране,— и знаний не даёт и здоровье отнимает,— простодушные граждане, вроде министра просвещения или столичного мэра, недоумевают: *“А победы на международных школьных олимпиадах? Разве это не показатель качества образования?”* Конечно же, нет! Во-первых, не только побеждают, но и проигрывают, иногда с треском, уступая золото и серебро не только китайцам, венграм, но и сингапурцам. Во-вторых, где это было, чтобы команды на такие олимпиады комплектовались из школьников, которые учатся в обычных школах, а не в физмат-интернатах, куда загодя, со всей страны отбираются самые одарённые подростки? В-третьих, если так рассуждать, то вымирание российских народов, в первую очередь русского и чукотского, вполне можно компенсировать тем, что у нас “самое лучшее в мире метро”, хотя и оно никогда таковым не было и не является — привычные совковые враки.

Прежде, чем высказать свои аргументы, я на всякий случай перечитал интервью, которое дал газете *“Педагогический калейдоскоп”* Николай Константинов, бесценный капитан советской и российской сборной на международных математических олимпиадах.

Вопрос корреспондентки газеты: *“Есть ли связь между олимпийскими победами и общим уровнем образования в стране?”* Ответ капитана сборной: *“Связь очень косвенная, а отличие — огромное... Некоторые государства тратят колоссальные усилия на подготовку олимпийской команды (6-10 человек). Это Румыния, Америка, Китай (Советский союз и Россия, по понятным причинам, не называются.— В.К.). И если показуха самоцель, тогда объективно оценить уровень образования по итогам этих состязаний невозможно...”*¹

¹ *Дашковская Ольга*. Между олимпийскими успехами и уровнем образования в стране почти нет связи... // Педагогический калейдоскоп. 1995, № 24.

И ниже: *“Кстати, я проанализировал данные турниров за последние несколько лет и выяснил: из 1100 столичных школ только сто постоянно участвуют в олимпиадах (не в международных, конечно, а во внутренних.— В.К.). Если же говорить об успешных, ярких выступлениях, из раза в раз отличается только десятка сильнейших. Это на десять миллионов горожан..., хотя средний московский и российский уровень математической подготовки выше американского. Беда (!) Америки в том, что там к ученикам не предъявляют никаких требований. На олимпиадах (внутренних. — В.К.) предлагают самые лёгкие задачи, исходя из принципа: нельзя травмировать ребёнка трудным”¹.*

После таких разъяснений простодушные граждане, как правило, опускают очи долу и честно признают поражение. Но “научные психологи”, как уже было показано, простодушием не страдают и поражений не признают, невзирая ни на какие факты. Слова “ребёнок”, “дети”, “здоровье”, “трудоспособность”, “производительность труда”, “качество жизни” для них — пустые абстракции. Свет в окошке у них один — “научная психология”, поскольку она их кормит, поит, обувает и одевает.

Вдохновляясь такой мотивацией, они её будут отстаивать как последний рубеж в своей жизни. Что придумают завтра, сказать не берусь, но сегодня они морочат нам голову “развивающим обучением”: это, мол, раньше мы “намагничивали” электрическим током, но теперь, в “новых условиях”(!) переходим и на новый “энергоноситель”, на это самое “развивающее обучение”. И простодушные родители,— а тщеславные, так те особенно,— снова им верят: кому не хочется, чтобы его ненаглядное чадо выросло умным, постигло все школьные премудрости и сделало успешную карьеру. Эту всеобщую человеческую слабость “научные психологи” знают, пожалуй, лучше всех, лучше, чем самая ушлая цыганка-мошенница. На этой слабости они, собственно говоря, и паразитируют. Бессовестно, нагло и, к великому сожалению, безнаказанно.

“Намагничивают”, разумеется, в гимназиях, лицеях, колледжах, в гимназических классах. Обычную школу, классы, где собираются дети с *“задержками в развитии”*, обходят стороной — не хватает видите ли, подготовленных кадров. Как отборные, элитные (у которых всё *“приобретено”*, *“сформировано”*, *“новообразовано”* и *“развито”* в момент зачатия) да за баксы, кадров девать некуда, а как обиженные Богом, да к тому же “бесплатные” — кадровый голод. Оно и понятно: если детишки элитные, не страшна никакая проверка. Любой инспектор мгновенно растает от такого созвездия умников и умниц. А “научные психологи” тут как тут: ну вот, сами видите,

¹ Там же.

на что способно *“развивающее обучение...”* А дети с задержками в развитии? Какие на них покажешь *результаты*? Да хоть сам министр приходи — всё равно догадается, что его надувают.

Родители элитных детей поражают наивностью. Ведь по логике вещей не они должны “отстёгивать” халявщикам бешеные деньги, а совсем наоборот: им, папе с мамой, надо платить за то, что они произвели на свет умника или умницу. Я это говорю на полном серьёзе, потому что платит не гимназия, а ректоры университетов, директора НИИ и КБ, банкиры, заводчики, фабриканты, купцы, которые давятся в очереди, чтобы заманить в свой бизнес толковых работников. Они же и саму гимназию должны содержать как пятизвёздочный отель, предварительно зачистив её от *“научных психологов”*, как Христос вычистил Храм от обнаглевших торгашей.

Читаю рекламную публикацию в *“Аргументах и фактах”*. Гимназия на 100 человек. Наполняемость классов от 5 до 10 человек. Летом — языковая стажировка за границей. Подготовка к поступлению в 1-й класс в собственном, таком же миниатюрном детском садике. Особенно умиляет информация о питании. Каждый день фрукты, соки, овощи. Повара подвернулись такие, что знают, кому что приготовить: этот не любит рыбный суп, а тому нельзя есть жареное. Вот бы этот принцип выбора вместо стандартизации образовательного меню, вместо **уравниловки и принудиловки!**

Пока что детишки учатся в начальных и средних классах. Вроде бы и рекламу давать рановато — цыпят-то по осени считают, после окончания школы. Но *“развивающие лохотронщики”* не дураки. Они всё просчитали и финал им известен как дважды два = четыре. Думаете, это спроста, что они орудуют только в начальных классах? Э, ни! Тут расчёт. Хладнокровный, циничный и рентабельный. У малышни ещё не растрачена врождённая память. Набивай её любыми мудрёными словами — суффиксы, аффиксы, префиксы, равенство, неравенство, знак больше, знак меньше, икс, игрек, гравитация, модальность, модуль, диктатура, демократия, конституция, — всё запомнят как магнитная плёнка. А взрослые ЛОХИ, слушая эти слова из уст младенцев, плавятся от умиления: ну разве мы такие были в их годы? Это же *“совершенно другие дети”!* А читают-то как: семьсот слов в минуту! Обалдеть можно!

В средних и старших классах эти фокусы уже не работают. Как начнут подсчитывать, сколько воды вливаются через одну трубу и сколько выливается из другой, так и “поплыли” в этом чёртовом бассейне. Не спасают никакие спасательные круги (подсказки, шпаргалки, *“помощь учителя”* — не понимают и всё), а уж тем более *“намагнитченные способности”*. Буль-буль и ко дну.

Кто не знает, сколько хороших и отличных учеников в первом классе? Пятьдесят, а то и более процентов. Какой должна бы быть тенденция по мере приближения

к выпуску? Что за вопрос? Конечно прямо противоположная той, какая бьёт нас по тупой башке из года в год, из десятилетия в десятилетие и ничему не учит: на выходе из школы один отличник и тот замухрышка. А уж как наши медалисты валяются на вступительных экзаменах — и говорить тошно.

В книжных магазинах очередь за шпаргалками, как за столовой колбасой при “коммунизме”. *“Все произведения школьной программы в кратком изложении”*, *“250 новых золотых сочинений”*, *“100 лучших сочинений на свободную тему”*, *“Готовые домашние задания”*, *“Готовые домашние работы”* и т.д. и т.п. раскупаются в миг по баснословной цене. И снова тот же вопрос: господа *“научные психологи”*, что стряслось с *“индукционной катушкой”*? Почему в нашей школе невозможно учиться без шпаргалок, честно, не обманывая?

Предвидя неизбежность подобных вопросов, научно-психологические лохотрончики спешат как можно раньше распотрошить кошельки родителей, пока те не отошли от гипноза. Начинают в то время, когда ребёнку 2-3 годика, а, набив карманы, смываются восвояси, когда дети заканчивают начальную школу.

Что касается гимназии, о которой восторженно поведали “Аргументы и факты” (кстати, отметим — без фактов и аргументов), то она, конечно, не исключение. Прикиньте сами. Кроме *“государственного общеобразовательного стандарта”* ещё риторика, элементы логики, информатика, художественно-эстетический цикл, два, а то и три иностранных языка, плюс кое-что другое. Если такие нагрузки сохраняются (под гарантии *“развивающего обучения”*!), то боюсь, что гимназисты в прямом смысле слова могут стать *“совершенно другими детьми”*. Что вместо шикарного отеля, не дай Бог, придётся строить пятизвёздочную психушку. Но пока этим детишкам действительно нет цены. Вкалывают с 9 утра и до 6-7 часов вечера. Да ещё и “уходить не хотят” — верный признак, что — элита, обращаться с которой надо как с редчайшим нежным цветком, а не так, как это делают *“государственный образовательный стандарт”* и *“развивающее обучение”*.

Справка: *“В старших классах элитных школ сегодня 27 процентов детей употребляют наркотики, в обычных — 12. В сельских — не более трёх процентов”¹.*

В конце 1990 г., когда агония маразматического советского режима достигла критической точки, в “Правде”(!) появилась статья, автор которой писатель Михаил Шкерин предпринят самую, пожалуй, героическую попытку остановить необратимое и уговорить нас дать коммунистам последний шанс. Поскольку этот эпизод имеет пря-

¹ Фокина Нина. Доза // Труд. 12 июля 2000 г.

мое и чрезвычайно характерное отношение к “научной психологии” и “научным психологам”, я просто обязан задержать на нём внимание уважаемого читателя. Читайте и удивляйтесь вместе со мной: *“За семьдесят лет после гражданской войны мы наделали немало ошибок. Одна из них, может быть самая существенная (т.е. существеннее, чем полное разорение сельского хозяйства, которое, как известно, является основой всей экономики, безумная милитаризация промышленности во имя экспорта революции,— на которую Запад ответил Гитлером,— чем беспрецедентное истребление интеллигенции ради укрепления власти “гегемона революции”, без которого коммунистический режим сразу лишился бы своей социальной базы, чем подготовка к военному нападению на Германию, чем кукурузные и другие авантюры Хрущёва, чем афганская война, которой предшествовала разорительная гонка вооружений, и т.д. и т.п.— В.К.) — невнимание к выявлению природных способностей и талантов строителей нового общества. Очень, очень было бы кстати уже тогда, в первые годы Советской власти, вспомнить опыты Роберта Оуэна с его “Институтом выработки характеров”. Хорошо бы с малых лет приглядываться к склонностям подростков, подхватывать и развешивать эти склонности.*

И тогда мы имели бы земледельцев-худесников, лесников-чудотворцев, кузнецов, умеющих блоху подковать, талантливых механиков, сообразительных, проворных администраторов. И было бы меньше нелепостей, какие с горечью наблюдаем сегодня на полях страны, на заводах и стройках”¹.

И концовка: “На мой взгляд, сейчас нам нужны не “наполеоны” с их амбициями и стихийными порывами, а каждодневный поиск талантливых работников, людей дела”²

Если бы “научным психологам” хотя бы толику врождённых способностей автора этих строк! К сожалению, это такая же утопия, как надежда на то, что с помощью “психологических новообразований” у козла можно “сформировать” способность давать молоко, а от наших думцев ждать разработки здоровой законодательной базы — губернаторы потому и принимают губернские законы вразрез с федеральными, что иначе сравнение российской “демократии” с дурдомом завтра же покажется высшим комплиментом.

Думаю, что нелишне напомнить и о том, что человеческой природе совсем без разницы, кого из своих насильников скидывать на свалку истории. Демократия в её нынешнем, российском исполнении, разумеется, не исключение.

¹ Шкерин Михаил. Мы все глядим в Наполеоны...// Правда. 1990, 13 августа.

² Там же.

Дополнение от Яна Амоса Коменского (1592-1670), гениального основоположника научной педагогики и научной психологии: *“**Чуждое есть то, что несвойственно натуре того или другого ученика. Как у трав, деревьев, животных есть различные природные особенности — с одними надо обращаться так, с другими иначе и нельзя пользоваться для одних и тех же целей всем одинаково,— так существуют подобные же природные способности и у людей. Встречаются счастливицы, которые всё постигают, но нет недостатка и в таких, которые в определённых предметах удивительно непонятливы и тупы. Иной в спекулятивных науках — орёл, а в практической мудрости — осёл с лирой. Иной в музыке туп, а в остальном способен к обучению. У другого подобное положение имеет место с математикой или с поэзией или с логикой и пр. Что здесь делать? Куда не влекут способности, туда не толкай. Бороться с натурой — напрасное дело... И если никого из учеников не будут к чему-либо принуждать против воли, то ничто и не будет вызывать у учеников отвержения и притуплять силу ума; каждый легко будет идти вперёд в том, к чему его (по велению высшего проведения) влечёт скрытый инстинкт и затем на своём месте с пользой послужит Богу и человеческому обществу**”¹.*

Дополнение от Н.А. Ляпуновой, крупнейшего российского генетика, ученицы Н.В. Тимофеева-Ресовского, дочери одного из создателей кибернетики А.А. Ляпунова: *“Ограничения, принуждение, давление противопоказаны школе, вузу. То, что все должны учиться одинаковое количество лет и усваивать одинаковый объём знаний, с точки зрения генетики, абсурд. Люди все настолько генетически различны и полиморфизм генетический настолько важное и принципиальное качество человека, что не считаться с этим нельзя. Человеку надо создавать все условия, чтобы он смог наилучшим образом сделать то, что он хочет и что он может. Конечно, начальные классы школы должны быть в очень значительной мере ориентирующими и направляющими. Тут должны работать очень тонкие специалисты, с очень точным медицинским, генетическим и педагогическим чутьём. Педагог обязательно должен почувствовать в ребёнке его индивидуальность. (Кстати, интерес у педагогов к генетике — огромный, поэтому я лично никогда не отказываюсь читать лекции в институте усовершенствования учителей). Сейчас мы сплошь и рядом заставляем ребёнка делать то, что ему несвойственно. И это грозит тем, что его потенциальные творческие возможности никогда не будут раскрыты”².*

¹ Коменский Я.А. Избр. пед. соч.- М., 1955.- С. 301-302.

² Голубева И. Зубр ушёл. Кто придёт? // Учительская газета. 1987, 1 сентября.

5. Было бы здоровье — остальное приложится или престижное воспитание по-английски

В этой связи мне вспоминается, как выглядела почти точно такая же престижная школа, которую в 1889 году открыл в Англии известный британский педагог *Сесил Редди* (1858-1932), основоположник теории и практики “нового воспитания”. В назидание “научным психологам” и для отрезвления не в меру тщеславных мамаш и папаш приведу общий распорядок дня, который был согласован не только с врачами, но и с родителями, и выполнялся неукоснительно:

<i>Умственный труд</i>	5 ч.
<i>Физические упражнения и ручной труд</i>	4,5 ч.
<i>Артистические занятия и общественные развлечения</i>	2,5 ч.
<i>Сон</i>	9 ч.
<i>Принятие пищи и свободное время</i>	3 ч.
<i>Итого</i>	24 ч. ¹⁾

Как видим, совершенно другая система ценностей. На первом плане — **здоровье**, на втором — **воспитание** и лишь на третьем — **обучение**. И так было всегда! Выдающийся классик научной, природосообразной педагогики *Джон Локк* (1632-1794), которому и в голову не могло придти, чтобы “отвергать врождённую способность”, вызывает идиотское хихикание не только у “научных психологов”. Вы только послушайте, что он пишет (1693 г.): “Вы, может быть, удивитесь, что я ставлю учение на последнем месте, особенно, если я скажу вам, что придаю ему наименьшее значение. Это может показаться странным в устах книжного человека и тем более похожим на парадокс, что обычно главным образом вопрос об учении вызывает оживлённейшее обсуждение, когда речь идёт о детях, и почти только этот вопрос и имеется в виду, когда люди говорят о воспитании... Поэтому — простите меня — но я не могу спокойно думать о том, что молодого джентльмена считают необходимым втолкнуть в общее стадо и затем погонять его розгой и плёткой из класса в класс, как бы сквозь строй, ради того, чтобы он (обратите внимание на лексику: *точь в точь*, как у “научных психологов”. — В.К.) “приобрёл(!) интеллектуальную культуру” (“ad capiendam ingenii cultum”)².

¹ См.: *Демолен Эдмон*. Новое воспитание. — М., 1900. — С. 50. или же “Народное образование” № 3 за 2000 г. — С. 240-256.

² *Локк Джон*. Пед. соч. — М., 1939. — С. 176-177.

На этом можно было бы и остановиться, но коль скоро у нас уже начался педагогический ликбез, то за его счёт доцитирую: *“Как же, скажите вы, по-вашему, он не должен уметь читать и писать? Неужели он должен быть невежественнее нашего приходского пономаря, который Гопкинса и Стернхольда (авторы английского перевода “Псалмов” древнееврейского царя Давида — В.К.) считает лучшими поэтами в мире, да к тому же своим плохим чтением превращает их в почти худшее, чем они есть на самом деле?”*

Не торопитесь, пожалуйста. Читать и писать, обучать наукам — всё это я признаю необходимым, но не главным делом. Я думаю, что вы сочтёте совершенным глупцом того, кто добродетельного или мудрого человека не поставит бесконечно выше большого учёного”¹.

Чтобы было ещё понятнее, в чём заключается и проявляется истинно престижное воспитание, приведу пару реплик из упомянутой выше книги Э. Демолена. В Англии считается в порядке вещей, что сын лорда выбирает профессию фермера или купца. А вообще настоящий джентльмен не брезгует никакой работой: *“Достойна уважения, или презрения не работа, а человек... В Бэдали (местечко, где располагалась одна из “новых школ”) сами ученики (дети аристократов. — В.К.) делают то, что в наших полках называется “la corvee du quartier” (очистка нечистот). Мало того, чтобы показать, какое важное значение имеет это низкая работа, сам директор взял её на себя и работает наравне с учениками”².*

Предвижу “непростой” вопрос: как же так, на дворе век информации, а нас призывают задвинуть “учебный процесс” в самый глухой угол? Отвечаю сразу и без оговорок, т.е. решительно поддерживая позицию Локка и отмечая позицию фанатичных приверженцев культа знаний.

Во-первых, на дворе у нас совершенно другой век, век генетики. Во-вторых, пора бы уже знать, что “век информации” длится многие тысячелетия, ровно столько, сколько существует человек. Только в дальнем-предальнем прошлом человек черпал информацию не из вторичных источников (глиняные дощечки, папирусы, книги, газеты, радио, телевизор, интернет), а из первичных, т.е. непосредственно от Природы (глядел на небо, ахал от удивления, когда из яйца вылуплялся птенчик или крокодильчик, паниковал от грома и молний, делал детей, всматривался в соплеменников и в самого себя, сравнивал, обобщал и т.д.), т.е. из источника, против которого тот же интернет, что муравей против мамонта.

¹ Там же.

² Демолен Э. Новое воспитание. — М., 1900. — С. 126.

Про бит, т.е. про единицу информации, конечно, не слыхал, но за секунду времени получал их ровно столько, сколько сегодня получаем мы — 25 и не больше, т.е. столько, сколько их содержится в одном слове средней длины. Это вечная норма для человеческого мозга, и что сверх неё, то в одно ухо влетает, а из другого вылетает, т.е. не обрабатывается и не усваивается. Поэтому, когда говорят, что телевизор или компьютер совершили “информационную революцию”, то понимать эту метафору надо только в одном смысле: с мамонтом, которого заманили в яму, уже нет необходимости возиться целый день, чтобы придать ему съедобный вид, но съесть от него всё равно можно не больше, чем принимает желудок, ибо иначе можно помереть от обжорства, а от интернета может поехать крыша.

У безмозглых фанатиков “информатизации” она уже поехала: 20 предметников на одного ребёнка и каждый качает в его голову свою информацию, полагая, что это в порядке вещей, что голова выдержит сколько угодно. Это не педагогика, а педофилия. Или ещё хуже — “научная психология”. И когда “научные психологи” разглагольствуют о неиспользованных резервах мозга, “моя рука,— как говаривал один исторический персонаж,— тянется к револьверу”. 7-8% работающих нейронов — это предел, установленный Природой на вечные времена. Остальное — неприкосновенный запас, запас прочности, без которого человек давно бы исчез как биологический вид. Разинем рот на этот “резерв” — конец! Опять вырастут хвосты и снова очутимся на дереве, с которого когда-то спустились.

И потом — разве открыть способ добывания огня, изобрести письменность (попробуйте для интереса разложить речевой поток на фонемы и для каждой придумать букву), сконструировать колесо было проще, чем обнаружить закон всемирного тяготения или расшифровать геном человека? Что мы вообще о себе возомнили? Наши, к сожалению, неизвестные предки были точно умнее, чем мы. Они на Природу молились, благоговели перед каждой былинкой и травинкой. Они, а не мы были культурными людьми. И если мы этот факт не осознаем, то перспектива уцелеть, хотя бы в облике шимпанзе, станет для нас сладкой мечтой.

Так что, принцип природосообразности, к которому вплотную подошёл Квинтилиан, а в окончательной виде сформулировал Коменский (1632 г.), это не только принцип престижного обучения и воспитания, но и самый общий, фундаментальный принцип человеческого бытия.

Но вернёмся на пару минут в Англию, где “учебный процесс” во все времена был и остаётся на “школьных задворках”. Где в 1265 году был изобретён современный парламент? Кто при четырёхмиллионном населении метрополии колонизировал чуть ли не весь мир, а ныне продолжает восхищать “Британским содружеством на-

ций”? Чей язык стал *de facto* международным? Откуда есть пошли промышленная, научно-техническая, а сегодня и генетическая революции? Где был открыт закон всемирного тяготения и “оприходован” атом? Какой народ подарил человечеству Шерлока Холмса и Джеймса Бонда? Кто придумал бокс и футбол? Кому мы обязаны пенициллином, расшифровкой молекулы ДНК, овечкой Долли, “Битлами”, радаром? Кого со страхом и завистью веками величали “Владычицей морей”? Во время Второй мировой войны даже Гитлер, не говоря о всей остальной “высшей расе”, просыпался и отходил ко сну с неизменной молитвой: “Боже, покарай Англию!”

Самая свежая новость из Англии специально для “УГ”: “Оказывается, уровень интеллекта любого человека можно повысить на 10% относительно среднего уровня, если после 28 недель беременности ввести в организм женщины мужской гормон. В 50-х годах английский врач-гинеколог Катарина Дальтон стала назначать гормональный препарат, содержащий прогестерон, всем будущим матерям с изменившейся вследствие токсемии картиной крови. А потом обнаружилось, что у всех этих женщин родились чрезвычайно умные и способные дети.

Тщательные исследования подтвердили её догадку. Выяснилось также, что уровень тестостерона в организме беременных женщин подвержен сезонным изменениям: зимой он понижается, весной снова идёт вверх¹.

Вот чем надо заниматься, а не мастурбировать с индукционной катушкой. Сколько у нас детей с так называемыми “задержками психического развития”? Сотни и сотни тысяч! Во что обходится содержание классов “педагогической коррекции”! А ведь этой трагедии могло бы не быть. Ни один мужик не стал бы экономить на своих гормонах если ими можно предотвратить такое бедствие.

Кто спорит? И мы, разумеется, не лыком шиты. В педагогике и психологии один Макаренко чего стоит! А в социальном конструировании ему вообще не было и нет равных. Но учиться всё равно надо. Это главный признак культурности. А квасной патриотизм и шапкозакидательство — это замашки чванливых невежд и дураков.

Дополнение от Константина Дмитриевича Ушинского (1824-1870), гениального классика научной педагогики и научной психологии: *“Хотя бы чего-то особенно от русской школы, не понимая того, что законы души и её развития везде одинаковы и что народность нужна, необходима, но что она состоит не в том, чтобы поставить нашу школу непременно не так, как у людей, а “до горы ногами” по*

¹ См.: Аникеева Марина “Почему из вундеркиндов не вырастают вундердеды” // Комсомольская правда, 8 августа 2000 г.

малороссийской поговорке. Ради Бога, не думайте, что великие просветители человечества жили для России даром и что нам следует всё начинать снова...”¹

Хотели узнать, что такое “престижное воспитание — так знайте и делайте трезвые выводы. Как их делал, к примеру, Ленин, о чём уже говорилось.

6. Сколько верёвочке ни виться...

Впрочем, дальновидные родители, которые жалеют своих детей и потому “престижную школу” довольно легко отличают от рэкетирской шарашки, уже забеспокоились. *“Никогда не думала,— рассказывает мама из Вологды корреспонденту журнала “Директор школы”,— что в первом классе учиться так сложно. А для родителей ещё сложнее, чем для детей. Чего стоят одни рабочие тетради по естествознанию! Дается задание, но нет никакого, хотя бы элементарного комментария, который бы прояснил, что же требуется от ученика (чего захотела,— тогда и “развития” не будет. — В.К.). Вот и приходится по каким-то признакам классифицировать хвосты животных, по каким-то уши и т.д. Сидишь и помахиваешь головой: как их распознать? По пушистости? По длине? По окрасу? Чаще всего ничем не можешь помочь ребёнку”².*

И ниже: *“Очевидно, так называемая развивающая школа надеется и рассчитывает, что осваивать школьную программу дети будут не только с помощью учителей, но и родителей. Вспоминается, как пришла прошлой осенью переговорить с учителями-предметниками и классным руководителем. Один советует — нужен репетитор! Другой — возьмите консультанта! Только учитель иностранного языка ничего не сказала, я с ней по-английски беседовала. Но всё же решение мне вынесли однозначное: без помощи специалистов не справиться. И дали их адреса. Вышла из школы и думаю: Боже мой! Где же столько денег найти? Но ничего, справились. На итоговом родительском собрании я услышала: ваш сын поразил всех успехами. Мы не приписываем заслуг только своей семье. Но какова реальная роль в этом учителя?”³* От себя добавлю: и в чём проявился развивающий эффект “развивающего обучения”, которым теперь намагничивают индукционную катушку вместо электрического тока?

¹ Ушинский К.Д. Пед. соч. в 6-ти тт.- Т. 2, 1988, С. — 467.

² Выслушала и записала Панина Л. Хвост тушканчика и нос Джоконды. Монолог мамы гимназиста. // Директор школы. 1999. № 3. — С. 45.

³ Там же. — С. 48.

Другая дальновидная мама, но не из Вологды, а из Великого Новгорода, ещё может шутить. Но вдумайтесь в её шутки — это же смех сквозь слёзы! На месте “научных психологов” я бы трижды провалился сквозь землю, но с них, как с гуся вода: “Дочь-первоклассница, придя из школы, с лукавой улыбкой сообщила: — Мамочка, нам опять задали написать реферат. Эти слова означали, что сегодня мне снова придётся делать с ней уроки.

Рефераты мы писали так: я отыскивала информацию в какой-нибудь детской энциклопедии, выбирала из статьи нужные фразы, составляла текст и набирала его на компьютере. Дочка добросовестно потом читала, и если на неё накатывало вдохновение, то наш опус украшался ещё и картинкой.

— О чём будем писать сегодня? — О происхождении человека. “Потрясающе,— подумала я.— Уместить на страничке машинописного текста теорию Дарвина, да ещё доступным для детей языком! Тут надо талантом Льва Толстого обладать!” Я в растерянности застыла перед книжной полкой.

— Мама, зачем тебе какая-то теория какого-то Дарвина? У нас же есть Детская Библия! Вот смотри, здесь всё написано: как Бог создал Адама, потом из ребра его — Еву, как они съели яблоко... Ты это быстренько перепечатай, а я картинку нарисую.

От изумления я не могла вымолвить ни слова: конечно, мы с ней читали Детскую Библию, но я-то была уверена, что ребёнок воспринимает её как сказку. И в голову пришла хулиганская мысль: проверить, как отнесутся к этой версии происхождения человека в нашей школе...

На следующий день я с нетерпением ждала прихода дочери. — Сашуня, меня в школу не вызывают?— осторожно спрашиваю её. — Зачем? Я хорошо себя вела! — А что ты получила за реферат? — Пятёрку!

По какому критерию оценивала учительница нашу работу, так и осталось для меня загадкой. Интересно, как моя дочь будет излагать теорию происхождения человека, изучая биологию в десятом классе?¹

Мама первоклашки,— как она пишет,— которая живёт в селе Глафировка Краснодарского края, откликнулась на мою недавнюю статью в “Труде” (“А у меня портфель в руке с огромной двойкой в дневнике”). Моё предложение разрешить детям выбирать учебные предметы она считает ошибочным и упрекает меня в том, что я недооцениваю развивающей роли математики, физики, химии, а потому их надо сохранить в школьной программе. Но что удивляет и радует: возражая мне и упрекая в

¹ Гринблат Татьяна. Извините, сэр Дарвин! // Известия. 2000, 7 июля.

непонимании простых вещей, она пишет: *“Ведь система образования у нас начинается не с **детей** (!), а с тех, кто готовит педагогов, которых порой и близко-то нельзя подпускать к детям”*¹.

Не отвергая *“государственного образовательного стандарта”* по форме, она его не принимает по существу: *“Очень важно, мне кажется, разделить детей по логическому типу мышления и образному, и по этому принципу формировать классы”*².

Ну прямо Коменский, Локк, Песталоцци, Дистервег, Ушинский и Макаренко в одном лице.

Концовка же впечатляет больше всего: *“Простите за, может быть, сумбурное письмо. Но оно — выстрадано. У меня сын первоклашка, учится по **трёхлетней несуразной** программе. Кто её придумал, давно уже должен бы покаяться перед учениками и их родителями”*³.

Дорогая мама первоклашки, спасибо вам великое за такую критику моей публикации. О более искренней, страстной и очевидной поддержке моих взглядов я мог только мечтать.

Когда я был студентом Орехово-Зуевского педагогического института и по первоисточникам изучал педагогику (у Д.Б. Эльконина и у В.В. Давыдова тогда и в помине не было никакого “развивающего обучения”), моё внимание привлекло мнение сверхдальновидных родителей из города Кёнигсберга. Мнение, которое было высказано... в 1816 году! Восемилетний сын этих родителей ходил в первый класс супер-престижной школы, которую открыл и в которой преподавал не какой-нибудь охотник за баксами или “инноватор”, а сам Иоганн-Фридрих Герbart (1776-1841), выдающийся немецкий философ, педагог и психолог. В 1809 г. он по приглашению ректората местного университета переехал из Гёттингена в Кёнигсберг, чтобы принять кафедру философии, которой до него заведовал Иммануил Кант (1724-1804).

Школа была открыта при университетской педагогической семинарии, которую он же, Герbart, немного раньше учредил при поддержке министра народного образования Пруссии и основателя Берлинского университета Вильгельма Гумбольдта (1767-1835). И в семинарии и в школе Герbart намеревался апробировать свою педагогическую и психологическую теорию, которую он изложил в капитальной монографии *“Общая педагогика, выведенная из целей воспитания”* (1806 г.). Однако,

¹ Шишина Ирина. “Нынче в школе первый класс вроде института” // Труд. 7 июля 2000 г.

² Там же.

³ Там же.

“апробация” не удалась — помешала “толща предрассудков и предвзятых мнений” — и Герbart быстро охладел к ней.

Описывая трудности, с которыми Герbart столкнулся при “апробации”, один из его учеников и оставил нам чрезвычайно, на мой взгляд, важное свидетельство о самом большом, неодолимом “предрассудке”:

“Родители одного восьмилетнего мальчика,— пишет ученик Гербарта,— поместившие его в школу при семинарии, были поражены тем, что сын их не занимался механическим чтением, чистописанием, и зазубриванием, но говорил о совершенно “неслыханных” вещах: о том, как им учитель объяснял, что такое существительное, прилагательное и т.д., как река направляет своё течение в зависимости от гор и наклона местности. Они не могли понять, какая польза в том, чтобы так рано знакомить мальчика с делами и страданиями людей, с простейшими отношениями между ними и т.д., так как всё равно у него в своё время откроются глаза на всё это. Когда мальчик стал говорить об окружающих и стал оценивать прямизну дверных и оконных углов, то они совсем возмутились...”¹.

С вашего позволения, уважаемый читатель, я это родительское свидетельство присовокуплю к свидетельствам мамы из Вологды, мамы из Великого Новгорода и мамы из села Глафировка. По-моему, между этими четырьмя свидетельствами нет никакой разницы. Заодно будем знать и кого следует величать “отцом” “развивающего обучения”, а то кое-кто собирался требовать алименты с В.В. Давыдова².

А, может, зря это я — всех “научных психологов” под одну гребёнку? По некоторым признакам и среди них обозначились “разброд и шатание”. Сужу по информации, которую предала гласности газета “Известия” в июле этого года. Источник информации более чем надёжный — учительница начальных классов столичного Центра образования № 109 Марина Аромштам. 10 лет она в своём классе начинала обучение детей с 4-х лет, готовя их таким образом к поступлению в 1-й класс “престижной школы”. Ей и слово: *“Так вот, даже в нашей благополучной школе, даже в моём абсолютно благополучном классе, где обучение малышей происходило в игровой форме, нет совершенно здоровых детей. Кому-то “ставят” невроз (причём серьёзный — невроз навязчивых движений). Кто-то до сих пор пишется, у кого-то истерики, кто-то (в третьем классе!) палец сосёт...”*.

А дальше не в бровь, а в глаз: *“... у нас как грибы растут центры медико-психологической помощи, куда родители, **дрессировавшие** своих малышей для*

¹ См. в: Герbart И.Ф. Избр. пед. соч.-М., 1940. — С. 16.

² См.: Денисова Юлия. “Отец” развивающего обучения. // Учительская газета. 1997. № 1.

поступления в **престижные** школы, приводят подростков с неврозами, ночными страхами, энурезами. Приводят мальчиков, “незапланировано” ругающихся матом, хотя с детства их учили двум языкам. И там их лечат... игрой. Возвращают то, что они недополучили в детстве”¹.

Даже одной этой информации достаточно, чтобы против взломщиков — медвежатников, вскрывающих родительские “сейфы” с баксами при помощи “развивающего обучения” и других чудес “научной психологии” (“приобретение способностей”, их “формирование”, “новообразование” и “развитие”), можно начинать уголовное преследование сразу по нескольким статьям УК РФ: “Злостное нарушение Конвенции о правах ребёнка (право на здоровье)”, “должностное преступление” (использование специальных методик для инвалидизации и люмпенизации подрастающих поколений), “мошенничество с отягчающими последствиями”, “дискредитация звания учёного” и “нанесение несмыслимого позора российской науке в глазах всего мира”.

Дополнение от Адольфа Дистервега (1790-1866), гениального классика научной педагогики и научной психологии: “Развитию и образованию человека может быть нанесён непоправимый вред, если мы его слишком рано введём в область абстрактного мышления, отстраним от чувственного восприятия действительности. В этом случае человеку предлагают, вместо пищи природосообразной, обильной, питательной и поддерживающей бодрость духа, пищу искусственную, неудобоваримую, тяжёлую. Последняя претит здоровому детскому уму и в состоянии внушить ему только отвращение и страх к школьной учёбе и всем школьным мучениям.

Кто обучался по-старинному, тот, без сомнения, с ужасом вспоминает о своих школьных страданиях, о бесконечных муках, которым он подвергался, вынужденный довольствоваться пустой скорлупой, шелухой в то время, как его постоянная и вполне законная жажда живого, непосредственно оставалась неудовлетворённой. В этом кроются причины иссушающей и изнуряющей скуки детей, сидящих на деревянных скамьях в классе со спёртым воздухом; абстрактное школьное обучение повинно в умственном и физическом истощении здоровых детей. Оно порождает упрямство, леность, козни и шалости, которыми хотя бы досадить школьным педантам, а также безнравственные поступки всякого рода, ложь и обман. Это абстрактное обучение приводит к нравственному и физическому падению многих несчастных детей, вплоть до усвоения ими таких привычек, как онанизм, который незнаком даже беспризорным детям пастухов, но не-

¹ См.: Иванова-Гладильщикова Наталья. Об “экологии детства” можно забыть навсегда // Известия, 19 июля 2000 г.

вольно возникает на школьных скамьях, где здоровый ребёнок может сам себя соблазнить.

Отсюда же проистекает в дальнейшем равнодушное отношение к самым интересным жизненным явлениям, преклонение перед мёртвыми формулами и заученными положениями, которые противоречат здравому смыслу; отсюда же склонность к уединению и меланхолии. Одним словом, в этом причина, что среди нас имеются опустошённые формалисты и педанты и так мало юношей и молодых людей, которые способны полноценно пользоваться жизнью.

Если бы мне только удалось, как бы мне этого хотелось, на самом деле убедить воспитателей юношества в том, какой исключительный вред приносит в раннем возрасте пустое, бессодержательное словесное обучение, пустословие, вдалбливание отвлечённых правил и формул, я, как мне кажется, мог бы этим оказать учителям, так же как и всему юному поколению их учеников, действительно неоценимую услугу¹.

И вот ещё. Вам, уважаемый читатель, не показалось странным, что мама из Вологды и мама из Великого Новгорода по-кладбищенски спокойно относятся, может быть, к самому вопиющему и безобразному явлению в их отношениях со школой? Что они не протестуют, не ропщут, не сетуют, не ходят перед школой с плакатами и лозунгами? По поводу чего? Вот и вы, уважаемый читатель, тоже привыкли и считаете нормальным, что родители у нас не простые, а крепостные. Они же дома все 10-11 лет безропотно ищачат на школу: готовят к поступлению в ... первый класс (!), решают задачи, пишут сочинения, проводят экскурсии, проверяют тетрадки, устраивают всевозможные *“развивающие игры”*, как должное воспринимают грозные запросы учителей: *“Почему не работаете над ошибками?!”*, *“Сколько можно напоминать, что ребёнок медленно (!) читает?!”*, *“Когда вы научите своего сына не залезать за поля и не писать как курица лапой?!”*. И попробуйте эти команды не выполнить. Ребёнку житья не будет: замучают придирками, завалят *“двойками”*, доведут до такого срыва, что клади в больницу.

Что это? Вклад в *“развивающее обучение”* или дикий произвол самодуров, вообразивших, что дети — это чеченские заложники, за которых школа вправе требовать выкуп? Я много беседовал с родителями. И когда разговор доходил до этого пункта, как правило, слышал совершенно неожиданное: *“Да вы войдите в их положение. Им такие спускают программы, что на уроке и половины не сделаешь.”*

¹ Дистервег. А. Избран. пед. соч., Госуд. уч. пед. из-во, М., 1956, С. 274-275.

Крепостные защищают крепостников, рабы заступаются за рабовладельцев — Во, блин, ситуация!

С учителями встречаюсь каждый день.

— Почему не жалуетесь? Почему не берёте за грудки директора, комитет по образованию, министра, наконец?

— Да вы с ума сошли. Зааттестуют и выгонят с работы. Хотя сама сдохни у доски, хоть ребёнка доведи до ручки математикой, а *“государственный образовательный стандарт”* выполняй. Вот и приходится брать *“заложников”*, как вы говорите.

— Так вы же всех обманываете, когда рапортуете об успехах, и сочинение, которое написала мама, выдаёте за показатель *“намагниченности”* ребёнка. Неужели не стыдно? А ребёнку зачем такая игра? Он же у вас прохиндеем и циником вырастет.

— Об этом в ваших статьях читали. Согласны с каждым словом. Но вам-то, профессору, кто-нибудь сверху ответил? А чего же вы от нас хотите? Врали всегда. Врём сегодня. И завтра придётся врать, потому что мы — Россия. У нас и поговорка, какой нигде больше не услышишь — не обманешь — не продашь. А за детей не беспокойтесь. Они тоже не лыком шиты! Раз все кругом врут, значит нужно для выживания.

После одного из таких диалогов меня осенило. В самом деле, как, собственно, могут выжить наркомпросовские чиновники и педагогические академики, если Бог недодал ума и если занимаются делом, которого не знают? Можно было бы посочувствовать, как крепостные родители сочувствуют учителям, но почему-то не хочется. Может, много зла на них накопилось?

7. В каждой школе можно воспитывать престижно! Если...

Если мы, родители и педагоги, захотим такую школу сделать. Впрочем, можно и не делать. Можно взять уже сделанное и запустить его на конвейер. Например, систему Макаренко. Вас это предложение удивляет? А, собственно, почему? Потому, что поверили *“научным психологам”* и согласились с тем, что у Макаренко были совсем другие дети, не такие *“развитые”*, как нынешние? Полноте. Как можно верить таким бредням, будучи в здравом рассудке? *“Научным психологам”* и таким же *“научным философам”* просто хотелось самоутвердиться. Уж если Сократа, Платона, Аристотеля, Гиппократ, Плутарха, Гомера, Птолемея, Архимеда, Эвклида, которые жили чёрт-те когда, и Бог его знает, в какой *“окружающей среде”* (даже электричества не было, а Диоген так тот вообще был ненормальный: кружил вокруг Погодинки, 8 днём с фонарём!), причислили к лику великих, то мы-то, среди мерседесов и компью-

теров, космических аппаратов и конкордов, мы, которые придумали “индукционную катушку”, не имеем права избрать себя в академики? Спросите их, они сами-то верят, что Аристотель был глупее, чем они. Так что, давайте-ка лучше ещё раз посмеёмся над дебильными шутками наших героев, поздравим “совершенно других” академиков с достижением заветной цели и закроем этот вопрос навсегда.

Почему навсегда? Да потому что серьёзные, настоящие учёные давным-давно доказали, что за последние 40 (!) тысяч лет *“человек практически не изменился — его нервная система, его мозг остались по физическим характеристикам теми же”*¹. На том же симпозиуме в Швеции (80-е гг.) один из участников, ничего ещё не знавший о клонировании, высказал совершенно правдоподобное предположение: *“Если бы некое фантастическое средство позволило оживить неандертальского младенца, который вырос бы в современной семье, пройдя всю привычную для нашего ребёнка дорожку от колыбели до начала трудовой деятельности.— никакое обследование не позволило бы по умственным признакам отличить этого юношу или взрослого человека от его современных сверстников”*².

Да, Макаренко подбирал беспризорников. Несчастных детей, одичавших в революционных джунглях. Естественно, они были не только голодные, завшивленные, босоногие, источавшие аромат просаленных клифтов, но и девственно неграмотные. Но при чём здесь умственное развитие? Ведь только “научные психологи” могут думать, что умственное развитие определяется грамотностью. Вы-то, уважаемый читатель, должно быть, определились в этом вопросе? Или я зря старался, разнося в пух и прах их шарлатанские изобретения (только что появилось ещё одно — “проектное мышление”, по-старому, моделирование)?

Если ещё колеблетесь, то познакомьтесь, пожалуйста с интеллектуальной классификацией, которую Макаренко разработал для своего “специфического” контингента. Вряд ли вы обнаружите в ней, хотя бы слабенький намёк на то, что его беспризорники были глупее, чем их нынешние “совершенно другие” сверстники: *“В нашей учёной литературе было несколько попыток составить удовлетворительную систему человеческих характеров, при этом очень старались, чтобы и для беспризорных было там отведено соответствующее антиморальное и дефективное место. Но из всех классификаций я считаю самой правильной ту, которую составили для практического употребления харьковские коммунары-дзержинцы.*

По коммунарской рабочей гипотезе все беспризорные делятся на три сорта. *“Первый сорт — это те, которые самым деятельным образом участвуют в со-*

¹ Айрапетянц М. От стресса к неврозу // Литературная газета. 1986, 12 ноября.

² Там же.

ставлении собственных гороскопов, не останавливаясь ни перед какими неприятностями; которые в погоне за идеалом металлиста готовы приклеиться к любой части пассажирского вагона, которые больше кого-нибудь другого обладают вкусом к вихрям курьерских и скорых поездов, будучи соблазняемы при этом отнюдь не вагонами-ресторанами, и не спальными принадлежностями, и не вежливостью проводников. Находятся люди, пытающиеся очернить этих путешественников, утверждая, будто они носятся по железным дорогам в расчёте на крымские благоухания или на сочинские воды. Это неправда. Их интересуют главным образом днепровские, донецкие и запорожские гиганты, одесские и николаевские пароходы, харьковские и московские предприятия.

“Второй сорт” беспризорных, отличаясь многими достоинствами, всё же не обладает полным букетом благородных нравственных качеств, каким обладает “первый”. Эти тоже ищут, но их взоры не отворачиваются с презрением от текстильных фабрик и кожевенных заводов, они готовы помириться даже с деревообделочной мастерской, хуже — они способны заняться картонажным делом, наконец, не стыдятся собирать лекарственные растения.

“Второй сорт” тоже ездит, но предпочитает задний буфер трамвая, и ему неизвестно, какой прекрасный вокзал в Жмеринке и какие строгости в Москве.

Коммунары-дзержинцы всегда предпочитают привлекать в свою коммуну только граждан “первого сорта”. Поэтому они пополняли свои ряды, развивая агитацию в скорых поездах. Второй сорт представлен в колонии коммунаров гораздо слабее.

Но в Куряже преобладал не “первый сорт”, и не “второй” даже, а “третий”. В мире беспризорных, как и в мире учёных, “первого сорта” очень мало, немного больше “второго”, а подавляющее большинство никуда не бежит и ничего не ищет, а простодушно подставляет нежные лепестки своих детских душ организирующему влиянию соцвоса¹.

Уважаемый читатель, конечно, догадался, что такие точные слова и выразительные строчки могут заключаться только в “Педагогической поэме”, в лучшей книге всех времён и народов, написанной не просто о воспитании, а именно о **престижном воспитании**, ибо оно, **престижное воспитание**, не падает с неба, не вымучивается бездарями в учебниках педагогики, а уж тем более в кельях алхимиков, которые много столетий “намагничивали” железо, чтобы получить из него золото, и которые со Златой улички, что живописно струится с высоты бесподобного Пражского града, в

¹ Макаренко А.С. Соч. в 7-ми тт. — Т. 1., -М., 1957. — С. 469-470.

1943 г. перебрались во вполне современные кабинеты Академии педагогических наук. Тут они, методом всё того же “намагничивания” и создают свои шедевры, от которых миллион за миллионом российской детворы вянут и чахнут на корню, так и не успев порадоваться сами и порадовать нас несметными кладами, которые в них заложила щедрая, добрая, умная Природа. Все их врождённые сокровища гибнут под гигантским катком “государственного образовательного стандарта”, который безостановочно, с министерской и академической тупостью укатывает их на всём “едином образовательном пространстве”.

Престижное воспитание, которое делало своё дело в колонии имени Горького и в коммуне имени Ф.Э. Дзержинского, это творчество гения, а Макаренко родился гением высшей пробы. Он уже закончил первый этап своего творения под Полтавой, а сейчас, в глубокой задумчивости намертво зажав каждый свой нерв, чтобы не дрогнуть и не отступить, думает над тем, что и как может он сделать там, в Куряже под Харьковом, где наробразовский каток многократно походил вдоль и поперёк со всей наробразовской придурью: *“В Куряже я напоролся на основательную жилу именно “третьего сорта”. Эти дети в своих коротких историях тоже насчитывают три-четыре детских дома или колонии, а то и гораздо больше, иногда даже до одиннадцати, но это уже результат не их стремлений к лучшему будущему, а наробразовских стремлений к творчеству (!), стремлений часто настолько туманных, что и самое опытное ухо не способно бывает различить, где начинается или кончается реорганизация, уплотнение, разукрупнение, пополнение, свёртывание, развёртывание, ликвидация, восстановление, расширение, типизация, СТАНДАРТИЗАЦИЯ, эвакуация, резэвакуация.*

А так как и я тоже прибыл в Куряж с реорганизаторскими намерениями, то и встретить меня должно было то самое безразличие, которое является единственной защитной позой каждого беспризорного против педагогическим пасьянсов наробраза.

Тупое безразличие было продуктом длительного воспитательного процесса и в известной мере доказывает великое могущество педагогики”¹.

Вы разглядели, уважаемый читатель, что “социальная среда”, которую создают вокруг наших “совершенно других детей”, по-существу, не изменилась: то 10-летка, то 11-летка, а теперь уже 12-летка; то гимназии, то колледжи, то лицеи, то обучение “дополнительное” (за плату!), то “дистанционное”, то “надомное”, но обязательное нанизанное на “государственный образовательный стандарт” — это же вариации

¹ Там же. — С. 470.

“наробразовских устремлений к творчеству”. Но если “социальная среда” осталась прежней, то и по дефективной логике “научных психологов” никакого превосходства в “умственном развитии” совершиться никак не могло.

Но вот и знаменитая макаренковская “оптимистическая гипотеза”: “В то же время эти дети вовсе не были идиотами, **в сущности они были обыкновенными детьми**, поставленными судьбой в невероятно глупую обстановку: с одной стороны, они были лишены (при помощи “государственного образовательного стандарта” в первую очередь. — В.К.) всех благ человеческого развития, а с другой стороны, их оторвали от **спасительных условий борьбы за существование**, подсунув им хотя и плохой, но всё же ежедневный котёл” (т.е. гарантировав хотя и пустой, но всё-таки “аттестат зрелости” государственного образца. — В.К.).

Как разворачивалось и чем завершилось “Завоевание Куряжа”, читатели “Педагогической поэмы”, конечно, знают. Не прошло и полутора лет, как “третий сорт” в полном составе (300 человек!) перешёл во “вторую категорию”, а ещё через пару месяцев, ведомый престижно воспитанными, элитными полтавскими “десантниками” (130 человек!), гордо скрывая постыдную бедность, с шиком, с привычным размахом макаренковского **престижного воспитания** принимал дорогих гостей, сначала своего любимого шефа А.М. Горького, потом Анри Барбюса, затем Юлиуса Фучика и много-много других понимающих людей, в том числе и Галину Стахивну Салько, которая тогда же и стала женой Антона Семёновича.

Многие, даже серьёзные исследователи творчества Макаренко, до сих пор считают, что феноменальные успехи, которых он добился в колонии имени Горького и в коммуне имени Ф.Э. Дзержинского, объясняются тем, что его воспитанники много работали и мало учились, что именно поэтому он и не показал в своих произведениях учебный процесс. Это, конечно, глубочайшее заблуждение. В обоих коллективах учению уделялось огромное внимание. Но о нём нельзя было рассказывать, потому что это было совершенно другое учение, точнее — совершенно другой подход к нему, к принципам его организации и если бы Антон Семёнович до срока раскрыл этот “большой секрет”, он был бы не только тут же уволен, но, возможно, и репрессирован. Но срок всё-таки наступил.

1 июля 1935 г. Антон Семёнович становится штатным сотрудником в НКВД УССР. Он был назначен на должность помощника начальника отдела трудовых колоний и таким образом полностью вышел из под опеки министерства просвещения, от “наездов” которого он отбивался с первого дня заведования колонией имени Горького и даже в коммуне имени Ф.Э. Дзержинского. Недостигаемость для “самого кошмарного учреждения”, как Антон Семёнович называл Украинский Минпрос, он первым

делом использовал для того, чтобы обеспечить подчинённых ему руководителей воспитательных учреждений принципиально новой методикой. С грифом “для служебного пользования” она была издана небольшим тиражом почти одновременно с зубодробительным постановлением ЦК ВКП(б) “*О педологических извращениях в системе наркомпросов*”. В этой сравнительно небольшой, но чрезвычайно обстоятельной работе (“*Методика организации воспитательного процесса*”), в главе “Работа воспитателей” и был, наконец, рассекречен “большой секрет”. Сейчас мы увидим, что это действительно была самая настоящая “крамола”, из-за которой великого педагога сегодня не подпустили бы к школе на пушечный выстрел.

Следите внимательно, вчитывайтесь в каждую строчку, чтобы, во-первых, узнать из первых рук, какое значение Макаренко придавал “учебному процессу”, а, во-вторых, увидеть, как ему удалось полностью нейтрализовать “государственный образовательный стандарт”, разоружить его, экспроприировать у него незаконно “приватизированное” школьное время. Время, которое и нынешние “совершенно другие дети” вынуждены тратить на зубрёжку и долбёжку Монблана непонятного учебного материала, дуряя над ним и хирея. Как он это время употребил бы по совершенно другому назначению для “собственно воспитания”.

Именно это время, бесцеремонно и лихо, с истинно “беспризорной” хваткой отобранное у “государственного образовательного стандарта”, позволило организовать в колонии и особенно в коммуне подлинно ПРЕСТИЖНОЕ ВОСПИТАНИЕ. Нынешним “совершенно другим детям” и в самом розовом сне не приснится, как жили их сверстники в коллективах Макаренко: производительный труд (что может быть полезнее для здоровья и профориентации?!), обязательные занятия в бесчисленных спортивных секциях, музыкальное образование в лучшем на Украине духовом оркестре (60 труб!) под руководством композитора и дирижёра Левшакова, индивидуальное обучение игре на скрипке, фортепиано, на всех народных инструментах, возможность “ковыряться” в “свободной мастерской”, где каждый от мала до велика мог конструировать хоть *perpetuum mobile*, консультируясь с легендарным фантазёром и мастером Терским, театральные постановки на собственной сцене под руководством народного артиста СССР Алексея Григорьевича Крамова, участие в составлении “Ребусника” (прототип нынешнего телешоу “Что? Где? Когда?”), изобретённого всё тем же волшебником Терским, углубление полюболюбившихся знаний в системе “клубной работы”, летние походы всем составом коммуны то по Волге, то в Крым, то в Москву, то на Кавказ и единственная, но всеми любимая “обязаловка”: подготовка и сдача экзаменов на значок “ГТО первой ступени” и на значок “Ворошиловского стрелка”. Этими значками коммунары-дзержинцы гордились ещё больше, чем их нынешние

“совершенно другие” сверстники гордятся нащёлкой на фирменных джинсах (чуть было не написал “американских”, но удержало священное чувство патриотизма: пусть там в “Гавнерике”, как выражается одна моя знакомая, думают, что эти, на самом деле замечательные портки, есть и у нас и мы их наденем, когда отправимся мыть сапоги в Великих озёрах).

Итак, начали: *“Чрезвычайной важности вопрос — отношение ребят к образованию. Это та область, которой воспитатель должен уделять самое серьёзное внимание. Систематическое приобретение основательных знаний в школе и своевременное её окончание определяет путь человека в жизни, но это необходимо также для здорового и правильного формирования характера (характера, но не способностей! — В.К.), т.е. в значительной мере этим определяется и судьба человека. Поэтому успеваемость и отметки (а это не всегда вполне совпадает и тоже должно быть предметом специального внимания педагога), фактические знания воспитанника по **отдельным, интересующим (!)** его предметам должны быть хорошо и подробно известны воспитателю в их **динамике, развитии и тенденциях**. Неудача в школе, плохие отметки понижают настроение и жизненный тонус воспитанника, хотя внешне это может иметь форму бравады, напускного равнодушия, замкнутости или зубоскальства. Неудачи в школе бывают обычным началом систематической лжи ребят в самых разнообразных её формах. Такая поза воспитанника противопоставляет его здоровому детскому и юношескому коллективу, и поэтому она всегда в большей или меньшей степени опасна”¹.*

Полагаю, что вопросов нет. В школе, которой руководил Макаренко, дети вполне легально (разумеется, в границах своего коллектива) могли сосредотачиваться **только** на тех предметах, которые были для них **интересны**, т.е. совпадали с их врождёнными способностями. Если математика или грамматика не давались, учитель имел легальное право (опять же в границах коллектива) не принуждать ребёнка к непосильной работе, не вгонять его в стрессы, не губить его здоровье. Но он был обязан гарантировать право ребёнка заниматься “интересующими” его предметами с полной отдачей, добиваться в этих предметах предельно возможных успехов. Благодаря этой установке школа коммуны имени Ф.Э. Дзержинского (в колонии Горького была только семилетка) поставляла харьковским ВУЗам отменнейших абитуриентов по всем специальностям.

Настрадавшись в своё время от “государственного образовательного стандарта”, в котором тогда место математики занимала латынь, великий немецкий поэт

¹ Макаренко А.С. Соч. в 7-ми тт. — Т. 5., -М., 1958. — С. 94.

и непревзойдённый хохмач Генрих Гейне, сочинил в память о своих школьных муках убийственный каламбур: *“Если бы древним римлянам требовалось зубрить латынь (теперь математику — В.К.), им было бы некогда завоевывать мир”*. Возможно, что этой хохмы Антон Семёнович и не знал, хотя о его образованности в московских писательских кругах ходили легенды¹. Но тогда он сам её переоткрыл и следовал ей неукоснительно. Его “продукция” на выходе — это здоровье — кровь с молоком, воспитанность выше, чем у английского аристократа, мастеровитость как у Левши, а знания в своей “узкой” области — хоть сейчас на любую олимпиаду.

Не верите, по глазам вижу, что сомневаетесь: дескать, увлёкся и перебрал. А вот и ошиблись. То, что увлёкся, конечно, правда. Обе диссертации посвятил творчеству Макаренко, будучи директором детского дома и приданной ему школы сразу завёл первичные коллективы — разновозрастные отряды, а дальше само собой пошло и всё остальное: ахнул даже Семён Афанасьевич Калабалин (Семён Карабанов в “Педагогической поэме”), когда он первый раз приехал в гости (после этого визита мы дружили вплоть до его позорно нелепой кончины — “совершенно другие” врачи оперировали его по поводу аппендицита и по рассеянности забыли в брюшине кусок бинта, который спровоцировал перитонит). С директорства меня “сняла” Галина Стахивна, уговорила помочь ей разобраться в личном архивом Антона Семёновича, который она не решалась передать на государственное хранение. Мы работали с ней целый год и на 30 лет законсервировали все материалы, в которых содержались едкие антисоветские “репризы”. У неё я перезнакомился и с бывшими коммунарами, которые приезжали навестить её. После этого были новые эксперименты², а теперь вот эта публикация специально для журнала *“Престижное воспитание”*.

Что касается “перебора”, то здесь я тоже чист как божий одуванчик. Как поступают, например, английские аристократы где-нибудь в Лондоне или Ливерпуле, когда на остановке входит в трамвай темнокожая дама из “Британского содружества наций”? Правильно: все дружно встанут и галантно уступают ей место. А как поступали престижно воспитанные коммунары? Ни за что не догадаетесь, потому что такую разновидность аристократизма мог придумать только Макаренко. Какому-нибудь Бернарду Шоу или Джону Берналу и в голову бы не пришло. На конечной остановке трамвая (она была рядом с коммуной) коммунары входили в пустой вагон и ... все шесть километров до площади Тевелева ехали... стоя! Такая у них была традиция, такой шик. Объясняли эту странность так: ну войдёт старушка, уступлю я ей место,

¹ См.: *Финк Виктор*. Литературные воспоминания. — М., 1960. — С. 223-238.

² См.: *Кумарин Валентин*. Директор школы — открой для себя Макаренко // Народное образование, 1999, № 10, С. 63-87.

но она же благодарить начнёт, на весь вагон. А за что? За вежливость? Смешно и стыдно. Антон прав: нельзя, чтобы думали, что ты красуешься. А если час постоять, то от этого позвоночнику только лучше.

Так же с Левшой. В одной из своих лекций Антон Семёнович рассказывает: *“У меня бывают часто коммунары, вышедшие из коммуны, учащиеся в вузах и приезжающие из города меня навестить. Это всё люди, получающие или получившие высшее образование. Там есть и историки, и геологи, и врачи, и инженеры, и конструкторы и т.д. Но у всех в характере есть особая черта широты и разносторонности взглядов, привычек, точек зрения и т.д.*

Недавно приезжал ко мне врач. Я помню, что он у нас работал шлифовальщиком на большом шлифовальном станке, где деталь доводится до последней степени точности, до сотой миллиметра. Он работал так. Ему мастер говорит:

— Пожалуйста, сними на сотую миллиметра,— на “сотку”.

Он устанавливает на станке деталь и, не производя никакой проверки, не работая никакими измерительными приборами, говорит:

— Пожалуйста, вот сотка.

Глаза, рука и станок у него были так сработаны, что он работал, не проверяя. Чуткость его к станку была совершенна. Этот прекрасный шлифовальщик теперь врач, но в его философии и сейчас я чувствую страшное уважение к точности. И, наблюдая коммунаров, я вижу сейчас отражение тех навыков, которые приобрели они на всех пройденных ими организационных и производственных работах”¹.

Ну разве это не престижное воспитание?

Комментарий от министра инноваций Юрия Лебедева:

— “Ну, Юрий Альфредович, признавайтесь, распродаёте Россию?”

— “Вы смеётесь, а я подобные обвинения слышу постоянно. Оппоненты нападают людей, которые судят о книге, не прочитав её. Их позиция: Россия — кладёз революционных научных разработок, которые надо внедрять здесь и завалить инновациями мировой рынок. Сам был в плену подобного стереотипа, пока на своей шкуре не испытал, что это очередная утопия. Иллюзии обошлись в 700 тыс. \$.

— Расскажите подробнее. Может, кого-то ваша позиция отрезвит.

— Я разработал новую технологию разрушения скальных пород, продал лицензию в Италию, Японию и Грецию. Затем организовал выпуск установок в России и экспортировал их в Корею. И скоро проклял тот день, когда пошёл на этот риск. У

¹ Макаренко А.С. Соч. в 7-ми тт. — Т. 5., - М., 1958. — С. 201-202.

корейцев начались поломки, отказы, с меня содрали огромные штрафы. **Бежал с наших заводов, как Наполеон из Москвы. Даже самые лучшие не тянут в серийном производстве на мировой уровень.** Когда директора возмущаются: нас с отличной наукоёмкой продукцией не пускают на западный рынок — не верьте. Они не могут сделать её конкурентоспособной. Есть отдельные “оазисы”, но они совершают подвиг. Выживают на сумасшедшем энтузиазме и импортном оборудовании. Только так удаётся хоть как-то соперничать с Западом”¹.

Воспитанники Макаренко производили по австрийской и германской лицензии сложнейшую по тем временам аппаратуру — электросверлилки (выпускались только в коммуне) и знаменитые фотоаппараты ФЭД (тоже только в коммуне). Вся продукция шла высшим качеством. Вот вам наглядный и, быть может, самый важный результат истинно престижного воспитания!

Справка: *“По данным международных статистических служб, на мировой шкале уровня квалификации место российский кадров — в конце четвёртого десятилетия”².*

Врач, о котором рассказал Антон Семёнович, это Николай Фролович Шершнёв³ (в “Педагогической поэме” — рассудительный Колька Вершнев, который, когда говорил, от волнения немного заикался). Если бы Семёна Карабанова, его крашного друга, оперировали не в Москве, а в Комсомольске-на-Амуре, в больнице, которой заведовал Колька Вершнев...

На всякий “пожарный”, хочу подстраховаться ещё раз — мало ли чего можно написать в инструкции для других, а сам будет пользоваться “индукционной катушкой” или строить двенадцатилетку. Такое тоже бывает Поэтому на десерт приведу текст внеслужебного характера, взятый из письма к Галине Стахивевне от 11 октября 1928 г. Смакуйте и наслаждайтесь: *“Говорю прямо: Лёву (сына Галины Стахивевны от первого брака) нужно взять из его теперешнего окружения, иначе из него выйдет полуграмотный дилетант и советский чиновник, ко всему относящийся с ни к чему не обязывающей иронией. Разве это не так? Что Лёва может потерять в коммуне? Самое опасно, о чём можно было бы говорить,— это образование. Но какое? Не то ли, какое даётся в наших семилетках? Мы дадим ему совершенно новый и интересный мир: производство, машины, умения, ловкости и уверенности. В области грамотности, Солнышко (так Антон Семёнович обращался к же-*

¹ Медведев Юрий. Наш асимметричный ответ Западу // Известия, 9 августа 2000 г.

² Кондратьев Сергей. Кому добавки? // Поиск, № 4, 28 января 2000 г.

³ См.: Лысенко П.Г. Судьба воспитанников А.С. Макаренко.- Полтава, 1994. — С. 54-57.

не. — В.К.), но наша теперешняя пятая группа, куда попадёт Лёва, гораздо грамотнее его, я сужу по его письмам. Сегодня мы проэкзаменовали человек десять, присланных к нам для поступления в пятую группу из разных мест, и ни одного в пятую группу не посадили. Между прочим, несмотря на то, что они были из разных мест, все они на вопрос о том, кто такой Чубарь (в то время председатель СНК УССР) или Рыков (в то время председатель Совнаркома СССР и РСФСР), отвечали до тошноты однообразно:

— Вождь.

Ни один коммунар не сказал бы такой мерзкой глупости. Сказал бы:

— Не знаю, забыл.

Или: — Председатель Совета Народных Комиссаров СССР:

Или: — Китайский император.

Но что обозначает ответ “вождь”? Ведь ничего тупее этого, ограниченнее, противнее этого быть не может... (как вам эта лексика для “сталиниста”? — В.К.)

Наконец, в коммуне нет никаких зверей. Откуда эта гипотеза, что Макаренко сам ненормальный человек и не способен разбираться в своих беспризорниках. Вот уже в самом деле. Ехал я с дочкой Затонского (в то время Нарком РКИ УССР, соученик Галины Стахивны по Каменец-Подольской гимназии, друг семьи А.С. Макаренко) в кино на одном извозчике. И разговаривал с нею. Она в шестом классе. Ну и что же? Приблизительно: таким же богатством может и любая девочка из нашего шестого класса похвастаться, если не большим. А между тем она живёт с самого детства в интеллигентной семье.

Лёва уже получил прекрасную и вечную (!) зарядку интеллигента, которую Вы у него ничем не выбьете (гены, они самые! — В.К.) Но не нужно душить её в собственном соку. Ведь Вы обращали, вероятно, внимание на то обстоятельство, что инженеры и врачи всегда интереснее и богаче педагогов? Почему? Потому, что они всегда стояли ближе к каким-то вещам, потому, что не плавали всю свою жизнь в словесных морях. Такие условия развития нужны и для Лёвы.

Одним словом, я Лёву забираю и кончено...¹

И забрал. И Лёва тоже получил престижное воспитание. Окончил высшее летное училище с инженерным уклоном и стал элитным офицером.

Кроме Лёвы Салько в коммуне воспитывались и другие “семейные дети”. Как правило, их приводили профессора педагогики: “Нельзя ли как-нибудь нашего сына взять?” — “Почему вы хотите его к нам поместить?” — Да, знаете, не ночует

¹ “Ты научил меня плакать...” Переписка А.С. Макаренко с женой (1927-1939). В 2-х тт.- Т. 1.- М., 1994. — С. 137-138.

дома, матери грубит, украл радиоаппарат, продал облигации... и т.д. И вот, когда я беру ребёнка,— пишет Антон Семёнович,— я говорю: “Я возьму, но раз вы мальчишка довели до того, что он вас обокрал дочиста, то вы уже больше не участвуете в воспитании. Давайте так и условимся: я воспитываю, а вы дожидаетесь продукции”¹.

Этих беспризорников при живых родителях, которых школа наставляла на путь истинный “государственным образовательным стандартом” и его “любимой женой” — “воспитывающим обучением”, Макаренко не удостоивал даже “третьим сортом”. Но знаменитый “метод взрыва”, т.е. резкая смена ненормального образа на нормальный, и в этом случае срабатывал безотказно. За какую-нибудь пару недель разболтанный поведенческий механизм перестраивался в коллективе столь радикально, что недавний маменькин или папенькин сыночек и жертва советской школы получал отпуск на побывку в семье. *“Когда он уходил в отпуск,— продолжает Антон Семёнович,— я говорил ему: “Отцу полное уважение, матери — полное уважение, ручку поцелуй. Обязательно помогай! Завтра встанешь, спросишь: “Может быть, что-нибудь сделать?” Ты должен произвести на своих родителей сильное впечатление (опять же “метод взрыва”.— В.К.), понимаешь?” — “Понимаю”. И вот мальчик приходит к родителям и спрашивает: “Ну, что вам тут сделать? Может, помыть что-нибудь?” И вот тогда родители понимают, что будущего своего сына, если он у них родится, нужно воспитывать иначе”.*

Это престижное воспитание, или какое? Оно хотя бы в чём-нибудь, какой-нибудь педагогической молекулой совпадает с тем уродищем, которое Минобраз и Академия педагогических наук более полувека культивируют в нынешней школе, осуществляя тем самым в отношении к нашему детству политику люмпенизации и геноцида?

А как вам вот эта деталь “престижной педагогики” Макаренко: *“В коммуне имени Ф.Э. Дзержинского первичные коллективы-отряды организованы по принципу объединения разных возрастов (в учебной работе действовала обычная классно-урочная система. — В.К.).*

Такая организация даёт большой воспитательный эффект — она создаёт более тесное взаимодействие возрастов и является естественным условием постоянного накопления опыта и передачи опыта старших поколений, младшие получают разнообразные сведения, усваивают привычки поведения, рабочую ухватку, приучаются уважать старших и их авторитет. У старших забота о

¹ Макаренко А.С. Соч. в 7-ми тт. — Т.5. — М., 1958. — С. 247.

младших и ответственность за них воспитывает качества, необходимые советскому гражданину: внимание к человеку, великодушие и требовательность, наконец, качества будущего семьянина и многие другие¹.

По-моему, сверхпрестижно! И опять же без “любовных соплей” так называемых “гуманистов”, которые в школе методом “воспитывающего обучения” приучают к дедовщине, а потом обвиняют в этом смертном грехе армию. Про “психологию семейной жизни” и говорить неприлично.

В заключение, ещё раз о “государственном образовательном стандарте”. А как же иначе? Как можно мечтать о престижном воспитании, если на его пути стоит такое препятствие? Если этот прусско-сталинский монстр, вскормлённый министерством народного(!) образования(!) и Академией педагогических наук (теперь Российская академия образования (!)), подвёл нашу школу к черте, за которой завтра вообще будет некого воспитывать? Будем только лечить и распределять по группам инвалидности.

Президент России самолично оповестил нас о том, что давно видит весь народ: Россия вымирает! Но судя по тому, за что он решил взяться,— властная вертикаль, усиление роли государства, разборка с губернаторами, которые принимают законы, не совпадающие с федеральными (можно подумать, что у нас есть хоть один умный федеральный закон), ни он, ни его советчики абсолютно не понимают, где находится пусковой механизм этого скорбного процесса. Как можно витийствовать о подъёме экономики, когда единственная подъёмная сила, “человеческий капитал” поколение за поколением выходит из школьного ГУЛАГа, еле-еле держась на ногах и с головой, набитой мякиной? Если ни один школьный “лагерник” даже приблизительно не знает, на что он способен и какая трудовая ниша подходит ему больше всего? Я удивляюсь, почему губернаторы, проявляя здравую инициативу и спасая свои “удельные княжества”, — от тотального разора федеральными законами, не додумались вышвырнуть со своей территории “единое образовательное пространство” вместе с самым дурацким федеральным “Законом РФ “Об образовании”, в котором “государственный образовательный стандарт” упоминается аж ... 40(!) раз!

Смешно и глупо тешиться мыслью, что только Ленин, Луначарский и Макаренко разглядели люмпенскую, геноцидную сущность “государственного образовательного стандарта” и “единого образовательного пространства”. Это видели и понимали все умные люди, но их осталось так мало, что они ничего не решали. Как говорилось выше, почти всю элиту России Сталин извёл в ГУЛАГах, тюрьмах и расстрельных

¹ Там же. — С. 11.

подвалах. Уничтожил под авансы “научных психологов” переделывать люмпенское отребье в “пролетарских интеллигентов”.

1 марта 1939 г.,— ровно за месяц до своей трагической смерти в вагоне пригородного поезда,— Антон Семёнович, который успел уже снискать не только всесоюзную, но и мировую известность (тут снова отличились проворные англичане: они “с колёс” перевели “Педагогическую поэму” и через свой язык пустили её по всему белому свету), в предпоследний раз читал лекцию в лектории МГУ. Всё шло как обычно. Публика заходила от восторга, а лектор, закончив выступление, перешёл к ответам на вопросы, которые он зачитывал вслух. И вот эта роковая умная записка: “Считаете ли вы правильным сохранение единой школы, когда для всех обязательно семилетнее обучение по единой программе? Согласны ли вы с тем, что в таких условиях воспитание — самое лёгкое дело?”¹

К счастью, в той же записке были ещё два вопроса, которые и спасли последнего из классиков научной педагогики. Расскажи он сгоряча о своём “передовом опыте” в коммуне имени Ф.Э. Дзержинского — не сносить бы ему головы, потому что на каждое подобное мероприятие всегда засылался стукач. Антон Семёнович, конечно, знал об этом, а потому не растерялся. Он обстоятельно ответил на два последних вопроса, а про первый вроде бы забыл.

Сегодня, слава Богу, полегче. С работы, конечно, увольят. Обвинят в “научной несостоятельности” (сужу по собственному опыту), ославят где только можно, распускают всякие сплетни, но истязать зверскими пытками, как того же Николая Ивановича Вавилова, побоятся: СМИ пока ещё внушают страх. Эту “благоприятную” ситуацию, надо, разумеется, использовать. Надо любой ценой добить и “государственный образовательный стандарт” и “единое образовательное пространство”. Сегодня среди выпускников “лучшей в мире советской школы” чудом держатся ещё 10% здоровых и более или менее грамотных. Если не поспешить, если не обрушить на Минобраз и на Российскую академию образования всю силу общественного мнения, то очень скоро с бескрайних российских просторов исчезнет последний *homo sapiens*.

В. Кумарин,
доктор педагогических наук,
профессор.

1 августа 2000 г.

¹ Макаренко А.С. Соч. в 7-ми тт. — Т. 5. — М., 1958. — С. 457.

Постскрипtum

А, может, нам сразу и начать? Направить, к примеру, лично ВВП по письму от каждой семьи. Представляете: 25 миллионов писем на президентском столе! И не хочешь, да заметишь! А если не заметит? Если, как уже случалось, не пожелает внять гласу народа и примет сторону пролетарских чиновников и люмпенских академиков? Если “вертикаль”, т.е. власть государства, поставит выше “горизонталь”, т.е. власти народа, слугой которого он является согласно общественному договору? Тогда ответ один: тихая, мирная, полностью в рамках “диктатуры закона” всеобщая родительская забастовка!

Поясняю. Завтра 1-е сентября, а мы говорит: Ваня, Маша, Коля, Наташа, в школу, которая раздавит тебя “государственным образовательным стандартом” и “единым образовательным пространством”, оглупит “индукционной катушкой”, ты не пойдёшь. Будешь учиться дома (в полном соответствии с законом!), пока дядя президент не отменит головотяпский Закон РФ “Об образовании” и не примет новый, исходя из “Концепции о правах ребёнка”. В оправдание правомерности этого шага, который только с холопской непривычки кажется экстравагантным, а на самом деле является таким же естественным и понятным, как остановка перед красной лампой светофора, огласим не в меру добросовестным отпрыскам статью 32-ю: “Государства-участники признают право ребёнка на защиту от экономической эксплуатации и от выполнения **любой** работы, которая может представлять **опасность** для его **здоровья** или служить **препятствием** в получении им образования, либо наносить **ущерб** его **здоровью и физическому, умственному, моральному и социальному развитию**”. Уведомим их и о том, что “Конвенция о правах ребёнка” была принята Организацией Объединённых Наций в ноябре 1989 года, что в 1990 году её ратифицировал Верховный Совет СССР и что с сентября 1990 года она вступила в действие в Российской Федерации”.

Так что? Покажем пролетарским начальникам нашего детства, кто в школе хозяин? Мы,— народ, мамы и папы, бабушки и дедушки — или отморозенные чурки с глазами, восседающие в чиновных и учёных кабинетах и бесстыдно радеющих только о том, как бы им из сказочно щедрых налоговых льгот для сферы образования,— а льготы эти — наши с вами денежки,— побольше откатать в свою бездонную персональную мошну? Ведь все свои “доктрины”, “концепции”, “стратегии развития”, “проекты” (вроде 12-летки), “прогнозы”, за которые гроша нельзя дать даже в базарный день, они сочиняют исключительно для этой надобности: сначала придумывают (мозговой штурм!) “проблемы”, на которые сто умников не ответят, потом убеждают парламент и правительство в том, что если эти “проблемы” не решить, то небо рухнет на

землю, а когда убедят, берут за грудки и нагло вымогают из бюджета дополнительное финансирование.

Так что, нечего охать и ахать: дескать, всё-таки министры и академики, нельзя с ними так грубо. А почему, собственно, нельзя? Они что, из другого теста? Шьют за наши с вами кровные платье голого короля, а мы к ним с изящной прозой и стихами? Да они такие телячьи нежности никогда не понимали и не поймут. У них интересы совсем другие: на одних “развивающих учебниках” миллиарды делают — каждая “проблема”, каждая “доктрина”, каждая “концепция”, каждая “стратегия” влечёт за собой полное обновление “золотой макулатуры”!

Железного Феликса на них нет! Уж он бы их точно образумил. Взыскал бы по полной программе и за то, как они относятся к детям (кто запомнил, напомню: прозрев после чудовищного кровопролития в Гражданской войне, которая началась после эсеровского покушения на его жизнь, отойдя от марксизма, введя НЭП, Ленин доверил именно Дзержинскому спасение 9 миллионов (!) беспризорных детей и чекисты с этой задачей справились — отсюда и заслуженное звание “друг детей”), и за то, как чванливо ворочают нос от “престижной педагогики”, которую Макаренко успел завершить только потому, что и его приютили чекисты в коммуне, которая носила имя Ф.Э. Дзержинского,— балбесы из украинского Наркомпроса, дрожа от страха, за версту обходили её стороной.

“Демократические” горлопаны, конечно, поднимут хай, но я, будь моя воля, сегодня же вернул бы памятник Дзержинскому со свалки “вождей”. И установил бы его. Не на Лубянке, разумеется, которую испоганили пролетарские наркомы Сталина (Дзержинский был образованнейший дворянин, а Ежов с трудом закончил два класса начальной школы), а против окон наробразовского штаба на Люсиновке. Пусть бы каждый день видели и молились Богу, что он всего лишь бронзовый.

В.К.

Краткая хрестоматия

Часть I

Аксиомы Коменского или научная экскурсия по *“Великой дидактике”*

Ян Амос Коменский (1592-1670) – один из величайших умов в истории человечества, звезда первой величины Эпохи возрождения, непревзойдённой по количеству гениев в науке, культуре, искусстве (Данте, Леонардо да Винчи, Рафаэль, Лютер, Декарт, Сервантес, Кампанелла, Галилей, Коперник, Рембрандт, Кеплер, Рубенс, Харвей, Шекспир и другие), создатель научной педагогики.

Главный труд – *“Великая дидактика”* (1632 г.), в которой все законы и правила обучения и воспитания выведены из природы человека – отсюда и принцип природосообразности.

Всеевропейское признание Коменский получил при жизни. Но по полной программе, дальновиднее всех “теоретическую новизну и практическую значимость” *“Великой дидактики”* оценила Англия. Ведь именно в это время её отважные, неудержимые флибустьеры прибирали к рукам необъятные и несметно богатые заморские территории, включая Америку, а для их освоения, колонизации край как были нужны отлично подготовленные кадры администраторов, миссионеров, фермеров, строителей, шерифов, полицейских, флотского и армейского комсостава, матросов, солдат и, конечно, школьных учителей, которыми ещё древние римляне закрепляли все свои воинские успехи. А тут ещё, вероятно за то, что, будучи когда-то Альбионом, английские провинциалы лучше, чем германские, французские и прочие, усвоили великую культуру своих завоевателей (вспомним хотя бы о том, что Древний Рим стал первым в истории человечества правовым государством и додумался до разделения властей), Господь Бог облюбывал Англию для беспорочного зачатия промышленной революции и вскоре к славе грозной владычицы морей она добавила честно заслуженный титул “Мисс мастерская мира”.

И опять проблема кадров: острейшая потребность в оборотистых деловых людях, умеющих на пенсе “наварить” фунт, и в рабочих, способных завалить мировой рынок товарами эталонного качества, побить любого конкурента. Попробуй-ка решить такие задачи без эффективной науки о “человеческом факторе”. И снова –

Божий промысел: протяни руку через Ла-Манш и бери готовенькое. Какой дурак откажется и будет строить из себя квасного патриота, доказывая с пеной у рта, что раз эта педагогика забугорная, то она нипочём не годится для британского менталитета? Что лучше лет сто повременить и пошукать (за народные деньги, конечно) “собственный путь”, т.е. придумать что-нибудь ... этакое? Например, дистантный мост: от Маниловки и до самого Петербурга! А разве не прикольно – переделка человеческой природы с помощью “культурно-исторической теории” и вытекающих из неё “поэтапного формирования умственных действий”, “воспитывающего обучения”, “обучения на высоком уровне трудности” и “развивающего обучения”? Полный отпад! Или...

За такие фантазии практичные англичане первым же фрегатом отправили бы на вечное поселение в Австралию. Для перевоспитания тамошним весьма специфическим контингентом. Поэтому, едва дождавшись, когда Коменский закончил (в 1638 г.) перевод “Великой дидактики” с чешского оригинала на общепринятую в тогдашнем учёном мире латынь, парламент Его Величества (по предложению самого Бэкона Веруламского!), не скупясь ни на какие пожертвования в пользу протестантской “Общины чешских братьев” (Коменский состоял в ней епископом, а по совместительству был директором школы и преподавал почти все науки), тотчас (1640 г.) пригласил его в Лондон, для “осуществления своих великолепных планов” и научной переподготовки английских образованцев.

В Лондоне Коменский проработал целый год, хотя его настойчиво звал в свою страну шведский король на ещё более выгодных условиях. Это приглашение Коменский, в конце концов, тоже примет, но самое главное он сделал в Англии. Его британские “курсанты” оказались очень старательными и смыслёнными учениками. Они на “пятёрку с плюсом” усвоили новую, сказочно эффективную науку образования и не только внедрили её у себя, но развезли на своих бесчисленных кораблях по всему белому свету.

В 1642 г. английские переселенцы высадились на берегу Массачусетского залива в Америке. Там они основали своё первое поселение и построили (в 1644 г.) первую американскую школу по “типовому проекту” гениального педагогического архитектора, которая и положила начало триумфального марша “Великой дидактики” по всему Новому свету. И тем, что Америка представляет собой сегодня, она, пожалуй в решающей мере обязана этой “Педагогической Библии”, а поскольку Коменский был чистых кровей славянином, американцы имеют все основания благодарить и нас за своё экономическое чудо, за всё, что с ним связано.

К большому сожалению, история распорядилась так, что мы свой шанс упустили. И цари и вожди проглядели его. Сегодня это упущение можно было бы навёрсты-

вать, но вот беда – “субъективный фактор”: министерство народного образования и Российская академия образования никак не решатся обрубить пуповину, которая держит их на прусско-марксистском якоре. От этого все страдания нашей школы, все учебные муки детей, следствием которых и является самое страшное – невосполнимые потери в здоровье и трудоспособности.

Конечно, без конца такое положение не может сохраняться. Предел терпению уже наступил. Но где выход? В бесконечных шарлатанских “инновациях” вроде “развивающего обучения” или “управления качеством образования”? В министерских “припарках мёртвым” вроде 12-летки и единого государственного экзамена (кого экзаменовать – 90% двоечников и “натянутых троечников”)? Надёжное решение проблемы – единственное: немедленный отказ от “государственного образовательного стандарта”, т.е. от уравниловки и принудитовки, от “единого образовательного пространства”, т.е. от удушения земской инициативы, а главное – изгнание с позором извращенческой марксистской “педагогике” и “психологии” и полная реабилитация научной природосообразной педагогики, которую создал Коменский, которую донесли до нас другие её классики (Локк, Песталоцци, Дистервег, Ушинский и Макаренко) и которая с нарастающим успехом трудится во всех культурных странах.

Ну, а теперь, благословясь, к АКСИОМАМ:

Первая. Человек есть самое высшее, самое совершенное и превосходнейшее творение (Великая дидактика, гл. I);

Вторая. Семена образования, добродетели и благочестия заложены в нас от природы (Там же, гл. V);

Третья. Нет необходимости что-либо привносить человеку извне, но необходимо взращивать, выяснять то, что он имеет заложенным в себе самом (Там же);

Четвёртая. Врождены также человеку стремление к знанию и не только способность переносить труды, но и стремление к ним (Там же);

Пятая. Подобно тому как нет никакой необходимости принуждать глаз, чтобы он открывался и смотрел на предмет, так как он сам собою (стремясь от природы к свету) с наслаждением взирает на свет и воспринимает всё (лишь бы только не мешало ему сразу слишком большое число предметов) и никогда не может насытиться созерцанием, – точно так же наш ум жаждет предметов, сам всегда открывается пред ними, сам хочет созерцать всё, сам воспринимает всё, сам быстро всё усваивает; везде он неутомим, лишь бы только не был он подавлен множеством предметов и лишь бы всё ему предоставлялось для созерцания одно вслед за другим, в надлежащем порядке (Там же);

Шестая. Кто усомнился бы в том, что воспитание необходимо людям тупым, чтобы освободить их от природной тупости? Но поистине гораздо более нуждаются в воспитании люди даровитые, так как деятельный ум, не будучи занят чем-либо полезным, займётся бесполезным, пустым и пагубным (Там же, гл. VI);

Седьмая. Не может служить препятствием то, что некоторые дети от природы являются тупыми и глупыми. Это обстоятельство ещё более решительно требует универсальной культуры умов. Кто по природе более медлителен и зол, тот тем больше нуждается в помощи, чтобы по возможности освободиться от бессмысленной тупости и глупости. И нельзя найти такого скудоумия, которому совершенно уж не могло бы помочь образование (*cultura*). Как дырявый сосуд, часто подвергаемый мытью, хоть и не удерживает воды, но всё-таки теряет свою грязь и становится чище, так тупые и глупые люди, хотя бы и не сделали никаких успехов в образовании, однако же смягчатся характером настолько, что научатся повиноваться государственной власти и служителям церкви (Там же, гл. IX);

Восьмая. Как организм растёт и крепнет, не требуя никакого расширения и растягивания своих членов, если только его разумно питать, дать ему тепло и упражнения, так, говорю я, разумно доставляемые душе питание, тепло, упражнения должны сами собой переходить в мудрость, добродетель, благочестие (Там же, гл. XII);

Девятая. Образование не должно требовать больших усилий, а должно быть чрезвычайно лёгким (Там же);

Десятая. Питкой является для юношества:

I. Если его заставляют ежедневно заниматься по шести, семи, восьми часов классными занятиями и упражнениями да, кроме того, несколько часов дома.

II. Если оно бывает переобременено до обморока и до умственного расстройства (как это часто мы видим) диктантами, составлением упражнений и заучиванием наизусть чрезвычайно больших отрывков. Чего добьётся тот, кто предпочитает в небольшой сосуд с узким отверстием (с чем можно сравнить способности детей) вливать жидкость сразу, а не вводить её по каплям? Конечно, большая часть жидкости разольётся, и в сосуд попадает несравненно меньше, чем это можно было бы сделать при постепенном вливании. Совершенно неразумен тот, кто считает необходимым учить детей не в той мере, в какой они могут усваивать, а в какой только сам он желает, так как нужно помогать способностям, а не подавлять их, и воспитатель юношества, так же как и врач, является только помощником природы, а не её господином (Там же, гл. XVII);

Одиннадцатая. Правильно обучать юношество – это не значит вбивать в головы собранную из авторов смесь слов, фраз, изречений, мнений, а это значит – раскрывать способность понимать вещи, чтобы именно из этой способности, точно из живого источника, потекли ручейки (знания), подобно тому как из почек деревьев вырастают листья, цветы, плоды, а на следующий год из каждой почки вырастет целая новая ветка со своими листьями, цветами и плодами (Там же, гл. XVIII);

Двенадцатая. Не без основания было сказано: “Нет ничего более пустого, как знать и изучать многое”, т.е. то, что, однако, не принесёт пользы; а также “Мудр не тот, кто знает многое, но тот, кто знает полезное”. Сообразно с этим школьные работы можно будет сделать более лёгкими, внося в них некоторые сокращения.

Надо опускать:

- I. То, что не является необходимым,
- II. Чуждое,
- III. Слишком специальное. (Там же);

Тринадцатая. Чуждое есть то, что не свойственно натуре того или другого ученика. Как у трав, деревьев, животных есть различные природные особенности – с одними нужно обращаться так, с другими иначе и нельзя пользоваться для одних и тех же целей всем одинаково, – так существуют подобные же природные способности и у людей. Встречаются счастливы, которые всё постигают, но нет недостатка и в таких, которые в определённых предметах удивительно непонятливы и тупы. Иной – в спекулятивных науках – орёл, а в практической мудрости – осёл с лирой. Иной в музыке туп, а в остальном способен к обучению. У другого подобное положение имеет место с математикой или с поэзией, или с логикой и пр. Что здесь делать? Куда не влекут способности, туда не толкай. Бороться с натурой – напрасное дело.

...И если никого из учеников не будут к чему-либо принуждать против воли, то ничто и не будет вызывать у учеников отвращения и притуплять силу ума; каждый легко будет идти вперёд в том, к чему его (по велению высшего провидения) влечёт скрытый инстинкт, и затем на своём месте с пользой послужит Богу и человеческому обществу (Там же);

Четырнадцатая. Добродетель возвращается посредством дел, а не посредством болтовни (Там же, гл. XXIII);

Пятнадцатая. Академические занятия (в вузе – В.К.) будут подвигаться вперёд более легко и успешно, если, во-первых, мы туда будем посылать только избранные умы, цвет человечества, а остальных направим к плугу, ремёслам и торговле, смотря по их природной склонности.

Во-вторых, если каждый посвятит себя тому виду занятий, к которому, как это можно заключить по верным признакам, его предназначила природа. Ибо по природным дарованиям один является музыкантом, поэтом, оратором, физиком и т.д., в то время как другие более склонны к богословию, медицине, юриспруденции. Именно здесь слишком часто делается ошибка, так как по своему произволу, не обращая внимания на природную склонность, из каждого чурбана мы хотим сделать гения (*ex guovis ligno Mercurios fingere*). Отсюда происходит то, что, обращаясь к тому или иному занятию вопреки склонности, мы не достигаем ничего достойного внимания и часто располагаем большими знаниями в каком угодно постороннем деле, чем в собственной профессии. Поэтому было бы целесообразно, при окончании классической школы, устраивать публичное испытание способностей: на основании этих испытаний директора могли бы определять, каких юношей следует направить для дальнейшего образования в академию, а кого назначить на другие профессии; а из тех, кто намерен продолжать свои занятия в академии, директора должны определить, кто должен посвятить себя богословию, а кто – политике или медицине и пр., сообразно с тем, какая у молодых людей проявляется естественная склонность, и в связи с потребностями церкви или государства.

...Натуры высокодаровитые надо поощрять ко всему, чтобы не было недостатка в людях, получивших всестороннее образование и вполне обладающих мудростью.

Надо, однако, следить за тем, чтобы академии воспитывали только трудолюбивых, честных и способных людей. Они не должны терпеть лжестудентов, которые, подавая другим вредный пример бездействия и роскоши, расточают отцовское имущество и губят свои годы. Таким образом, где не будет никакой язвы, не будет и никакой заразы, – все будут устремлять своё внимание на то, чем следует заниматься (Там же, гл. XXXI).

* * *

Часть II.

Там, где доверились Коменскому

Школьная реформа в Бельгии

В Бельгии существует развитая сеть детских яслей и садов. Любой ребёнок может посещать детское дошкольное учреждение: до двух с половиной лет — ясли, а с двух с половиной и до шести лет — детский сад.

В соответствии с реформой 1983 года в стране введено обязательное школьное обучение для детей и подростков до 18-летнего возраста. В течение последних двух лет пребывания в школе учащиеся в возрасте 16-18 лет могут выбирать между полной программой обучения и сокращённой. Последняя отводит для освоения предметов 340 часов в год, или 15 часов в неделю. В оставшееся время учащиеся имеют право работать в частных мастерских, магазинах, на небольших предприятиях. Специалисты отмечают, однако, что в условиях безработицы (в стране около 500 тыс. безработных) и из-за недостаточной продуманности сокращённого курса обучения часть молодых людей в свободные от школы часы просто болтается без дела.

В Бельгии исторически сложились, а затем были конституционно утверждены три типа школьного обучения: так называемые “свободные школы”, городские или провинциальные школы, государственные школы.

“Свободные школы” на 90% являются католическими, открытыми и содержащимися церковью. Во втором случае учредителями выступают городские власти либо власти одной из девяти провинций Бельгии. Местные органы при этом имеют определённую свободу в распределении часов по предметам или практическим занятиям в соответствии с местными потребностями, учитывая фламандский или франкоязычный состав населения. Государственные школы полностью находятся на содержании государства. Однако оно субсидирует в значительной степени как “свободные”, так и городские и провинциальные школы.

Учащиеся начальных классов проводят в школе значительную часть дня. Расписание построено следующим образом: 4 часа занятий утром, затем обеденный перерыв до двух с половиной часов и ещё 2 учебных часа после обеда. Обеды в большинстве случаев платные.

После уроков ученики могут оставаться в школе для выполнения домашних заданий под присмотром учителей. Работа по усвоению и закреплению учебного материала проводится в основном в классе, а на дом даются минимальные задания.

В соответствии с реформой системы образования в начальной школе в качестве обязательного предмета вводится второй национальный язык (во франкоязычных школах — фламандский и во фламандских — французский). Обучение по всем предметам, кроме физвоспитания и второго языка, ведёт один учитель. В течение всех 6 лет учащиеся начальной школы сдают экзамены два раза в год — зимой и летом.

После получения свидетельства об окончании начального обучения ученик переводится в среднюю школу. Некоторое время назад в бельгийской педагогике отказались от тезиса *“не существует плохих учеников, а есть лишь плохие учителя”*. Успеваемость, по мнению бельгийских педагогов, определяется разным уровнем способностей учащихся и их разной направленностью. Если объективно квалификация учителя не вызывает сомнений, то оставление ученика на второй год для повторного прохождения программы не влечёт за собой ни дисциплинарных, ни общественных мер воздействия на педагога.

Признание различия в уровнях подготовки и способностей учащихся привело к созданию в средней школе специальных параллельных классов, так называемых “ІБ”, которые формируются из слабых учеников, испытывающих затруднения в освоении тех или иных дисциплин. Для таких классов разрабатывается особая упрощённая программа, что, естественно, сказывается при окончании средней школы. Теоретически допускается, что ученик из “ІБ” класса при наличии успехов может быть переведён в “нормальный” класс. Однако программа для отстающих составлена с упором на профессиональную подготовку.

Средняя школа включает в себя три двухгодичных цикла. Первый цикл — *цикл наблюдения*, с которого, кстати, начинается предметное обучение. Как и в начальной школе, учащиеся сдают два экзамена в год, а преподаватели выявляют наклонности детей, их способности к тем или иным наукам. Все они, за исключением класса “ІБ”, занимаются по общей программе и по единому расписанию. Решение о переводе ученика в следующий цикл принимает так называемый совет класса, который состоит из преподавателей.

Второй цикл — *цикл ориентации*. На основании наблюдений и по согласованию с родителями школьников ориентируют на изучение точных, прикладных либо гуманитарных наук. Здесь составляется более гибкое расписание. На пять обязательных предметов, таких, как религия или мораль, родной язык, а теперь ещё и второй государственный язык, история, география и физическое воспитание, отводится в общей

сложности 13-15 часов в неделю. Одновременно дирекция школы активно использует право увеличивать количество часов для изучения дисциплин, на которые ориентируется та или иная группа учащихся. В этот период возможны переходы детей из одной группы в другую, если в ориентации была допущена ошибка.

Одновременно осуществляется обучение основам некоторых профессий, также в соответствии с ориентацией. В течение второго цикла организуются специальные комиссии из владельцев мастерских, специалистов, представителей промышленных предприятий, которые дают заключение о степени освоения учениками профессиональных навыков.

И, наконец, третий цикл — *цикл специализации*. В соответствии с избранным направлением для школьников составляются расписания и программы, позволяющие им совершенствовать свои познания в науках, к которым они проявили наибольшую склонность. В заключение цикла юноши и девушки получают дипломы, дающие им право без вступительных экзаменов “записаться” в высшее учебное заведение, за исключением военных и некоторых вузов, которые готовят инженеров по ряду прикладных наук. Однако этого права оказываются лишёнными те, кто после начальной школы попал в класс “ІБ”, поскольку их программа была значительно слабее. Некоторые поступающие в вуз для углубления знаний продлевают своё пребывание в средней школе ещё на один год, в течение которого занимаются по особым программам.

Осуществляемая реформа предполагает, что с первого года обучения в средней школе в программу вводится предмет информатика. Правительство выделило соответствующие средства на приобретение для школ компьютерной техники. Многие фирмы проявляют большую активность, чтобы продать министерству просвещения свои образцы.

Другое нововведение — ограничения на переходы из группы в группу в период второго цикла, т.е. цикла ориентации. Такой мерой планируется стабилизировать состав учащихся в классах и сократить число учителей. Предусмотрены и другие меры, которые вызывают недовольство среди педагогов, поскольку вынуждают директоров школ “разрушать” сложившиеся педагогические коллективы.

В стране существует три типа высших учебных заведений: университеты (срок обучения до 5 лет и больше), вузы с программой обучения в 4 года и вузы с сокращённой программой обучения (3 года). Университетский диплом котируется выше. Так, учитель с университетским дипломом имеет право преподавать в старших классах средней школы, а выпускник пединститута с трёхгодичным курсом обучения допускается к преподаванию лишь в первых трёх классах средней школы.

Тимофеев Л., г. Брюссель., Учительская газета, 1986, 30 окт.

Время перемен

СНОВА И СНОВА ловлю себя на мысли: до чего же всё похоже, словно и не пересекала двух границ и сижу себе где-нибудь в Рязани или в Донецке. Те же проблемы, те же жаркие дискуссии, как и чему учить современных детей, нужен ли лоцман всей школьной флотилии, или положиться на капитана каждого судна и его команду? По одному ли фарватеру всем плыть? Почему весёлые и любопытные мальчишки и девочки, словно старики на садовой скамейке, дремлют на уроках или, напротив, становятся сатанински неуправляемыми? Почему школу они любят всё меньше и интерес к знаниям катастрофически падает? Почему, наконец, всё шире пропасть между учителями и родителями, всё отчётливее тяга подростков к неформальным объединениям? Почему, отчего?

Пока однозначных ответов у болгарских коллег нет. Есть искреннее и заинтересованное желание найти выход из реальной ситуации, сложившейся в народном образовании. Болгария раньше нас на четыре года начала перестройку в школьном деле. Пока, как справедливо говорили мне и в министерстве, и на местах, добиться желаемого результата не удалось. Речь шла о главном — о выпускниках школ. Их хотели бы видеть более образованными, воспитанными, более готовыми к трудовой жизни.

— До окончания школы держим взрослых людей в ползунках,— горько сострил директор главной инспекции министерства Зарко Гогов.

Мой собеседник был далёк от мысли защищать честь мундира. Напротив, то, как горячо и заинтересованно говорил он о необходимости нового подхода к решению проблем школы, оценивал новые, конструктивные идеи, рождённые жизнью, убеждало в том, что в высшем эшелоне болгарского народного образования уже образовался некий заслон консерватизму, убаюкивающему самоуспокоению.

— Единую общенациональную политику в области образования мы сохраним,— говорил Гогов,— но мы должны раскрепостить школу от жёсткой регламентации, от инструкций, предписаний и прочих указаний. Нелепо,— продолжал он, доверять коллективу учителей сотни детей, а выбрать себе руководителя запрещать. Кому же, как не учителям, нужен уважаемый, признанный по заслугам лидер?

Но вернёмся к разговору с Зарко Гоговым. Он показал мне увесистую стопку ярких, на вид очень привлекательных брошюр.

— Это то, что мешает свободно дышать школе,— заметил он,— что портит климат и отлучает детей от учителей. Это то, отчего мы мужественно отказываемся. Это наши предписания.

Не хотелось бы, чтобы у читателя сложилось впечатление, что школа в Болгарии остаётся теперь без руля, без ветрил. Разумеется, нет. Но учитель получает куда больше возможностей решать самому, какими методами и приёмами, выбрав какой учебник, дополнительную литературу, донести до учеников свою долю знаний, пробудить в них стойкую потребность пополнять запасы этого довольно скоропортящегося продукта в наш безудержно развивающийся век НТР.

Признаюсь, было приятно слышать, а главное видеть, как болгарские друзья ломают привычные стереотипы и как бы выводят недавно ещё пассивного ученика в соучастники на всех этапах учебного процесса, прислушиваются к его голосу на педсоветах (раньше-то, Боже упаси, его в эту святая святых), передают многие школьные дела ученическому самоуправлению.

У НАС БЫТУЕТ ФРАЗА: “Реформа школы буксует на учителе”. Трудно найти более несправедливое суждение. В Болгарии говорят иначе: “У нас учитель окружён невыполнимыми требованиями”. Куда более объективно.

– Годами общество дистанцировалось от школы, – объясняли мне, – семья тоже как-то постепенно устранилась от воспитания. Объявить учителя виновным во всех неудачах просто грех. Всем миром надо исправлять положение.

В стране идут сейчас большие изменения в управлении народным хозяйством. Создано новое министерство культуры, науки и просвещения. Название говорит само за себя. Ясно, что школа и по официальной линии управления выходит за узковедомственные рамки.

Отказ от жёсткой регламентации в работе школ даёт широкий простор инициативе и зависимости от возможностей каждой из них, от местных традиций и так далее. Например, уже далеко не первый год в республике практикуется конкурсное замещение вакантных учительских мест, однако до сих пор мнение педагогического коллектива практически не учитывалось при окончательном отборе кандидата. Теперь положение меняется. Коллектив получает право голоса. И уже начинает им пользоваться.

Много лет проработал в софийской гимназии имени А.С. Пушкина, где преподавание гуманитарных предметов идёт на русском языке, математик Максим Бурханларски. Об этом замечательном учителе, разработавшем принципиально новую теорию по составлению уравнений элементарной математики, на основе которой ему удаётся успешно учить и выучивать каждого ученика, неоднократно рассказывала газете болгарских учителей “Учительское дело”. Даже средние ученики Бурханларски дают фантастическое количество вариантов решений задач по алгебре и геометрии. Я видела тетради со ста и более вариантами. Все, кто учится у этого учителя, справ-

ляются без всякого труда с официальными контрольными работами не ниже чем на пять баллов (в Болгарии шестибальная система оценки знаний). Его ученики давно не знают, что такое домашнее задание, а главные уроки для них — увлекательные занятия, а не ненавистное обязательное отсиживание. Более семи тысяч математиков подхватили и пользуются открытием коллеги (это открытие, кстати, зарегистрировано в 1976 году институтом авторского права страны). Но... к сожалению, до последнего времени не было официального признания творческого поиска школьного учителя. “Ни нет, ни да!”. Только журналисты старались, только коллеги ехали учиться...

Теперь времена меняются. Учитель ушёл, было, в другую гимназию, хотел доказать, что совсем чужих ребят максимально быстро научит справляться с премудростями математики, но учителя-пушкинисты решили иначе: нечего такой жертвой (уход из родной школы) доказывать и так очевидное. Тайным, дружным голосованием избрали его обратно, причём на должность завуча.

– Признаюсь, я дрожал. Сколько же будет против?– рассказывал Максим,— а оказалось, все “за”.

Победа учителя. Победа коллектива. Победа демократии. Надежда на признание...

ПРОБОВАТЬ, ИСКАТЬ. А ПОДЧАС не бояться и рискнуть — в современной школе без всего этого, похоже, не обойтись. В знаменитой на всю Болгарию 21 варненской математической гимназии имени Петера Берона не побоялись многое изменить, хотя, казалось бы, чего ещё желать: ученики поступают по конкурсу после седьмого класса, учатся прилежно, во все вузы дороги для них надёжно накатаны. Но здесь убеждены: застояться, значит, отстать. И активно взялись за поиск... малышей. Так появились в гимназии младшие и средние классы для одарённых ребятшек. На первый взгляд не класс, а группа. Всего-то четверо-пятеро, а то и двое детей. Учат их по опережающей специальной программе. Отбор в такие классы очень жёсткий. И педагогический, и медицинский.

– Наша цель как можно раньше обнаружить не просто способных детей, а с выдающимися способностями и создать для них наилучшие условия, чтобы в конце концов страна получила специалистов высшего класса,— делился со мной директор гимназии Георгий Николов.

Это только одно направление поиска. Второе — исключительное доверие к каждому учителю, отказ от какого-либо вмешательства в его лабораторию.

Ещё новшество. Педагогический совет решил увеличить число часов на изучение иностранных языков. Вот вам и математический уклон. Здесь рассудили так: не

может современный специалист, например, в области электроники обойтись без английского. Огромный поток научной литературы идёт на русском. И его нельзя знать плохо. Разъяснили свои суждения ученикам и родителям, помудрили над расписанием. Первый год (восьмой обучения) иностранные языки получили по числу часов явное лидерство.

Всего в этой гимназии свыше тысячи учеников, а среди учителей — треть её выпускники. В целом коллектив — единомышленников. Свыше ста внеурочных занятий по интересам могут выбрать ребята в гимназии. Для этих подростков практически отпадает проблема профориентации.

...В ЛЮБОМ ДЕЛЕ ВАЖЕН настрой. Настрой болгарских педагогов всех рангов на добрые перемены в системе образования, на использование собственного и зарубежного опыта.

И впрямь хорошие слова: дорогу осилит идущий.

Орлеанская А., София-Москва, Учительская газета, 1988, 7 января.

**Удивляется каждый, кто побывал
в школе посёлка Тёрёбалинт под Будапештом**

Знают о ней не только в Венгрии. Едут делегации из соседней Австрии, из ФРГ, Англии, Франции, Италии, из многих других стран. И — не напрасно.

Удивляешься здесь на каждом шагу. Если в обычной школе 12 обязательных предметов, то здесь половину из них можно выбрать. Если в любой обычной школе полно отстающих, то в этой всего 3-4 человека. Если в обычной школе дети часто болеют, то здесь все здоровы. Если, наконец, в обычной школе 2-3 урока физкультуры, то здесь их шесть, а точнее, гораздо больше, потому что секции футбола, баскетбола, каратэ, дзюдо, плавания, лёгкой атлетики функционируют с предельной нагрузкой.

Спрашиваю директора, доктор Жолнаи:

Наша школа — экспериментальная. Поэтому нам были нужны и разрешение министерства, и солидные субсидии — более миллиона форинтов. Но те, кто теперь решает работать по нашей модели, в разрешении не нуждаются. Кто же станет возражать, если результаты лучше самых высоких международных стандартов? Основа нашей работы — типовой учебный план. Но к нему мы добавили двадцать предметов по выбору. В зависимости от способностей школьников, их интересов и склонностей составляем собственные учебные программы, сами их утверждаем на педагогическом совете и сами пишем учебники. Каждый учитель — автор учебника. Печатаем их на ротаторе. Сколько в вашей школе иностранных языков? Один? А у нас пять:

английский, русский, французский, немецкий и японский. Наиболее талантливые изучают сразу три языка, но в первом классе — только один, обязательный для всех. Русский язык тоже для всех, но только с 4-го класса.

— А японский?

— Этого языка у нас могло и не быть. Но нам повезло. Из Японии вернулась домой архитектор Киш Шандорме. Японским владеет, как родным. Когда мы спросили ребят, кто хочет его изучать, отозвались человек двадцать. Так архитектор оказалась за учительским столом. У Шандорме восемь часов в неделю, но платим мы ей больше, чем преподавателям европейских языков. Право распоряжаться фондом зарплаты принадлежит исключительно директору. Точно так же, как приём на работу.

— И никаких тренировок?

— Никаких. Все знают о наших порядках и принимают их добровольно. Разве не ясно, например, что написать учебник японского не каждому по силам? Точно такое положение и с учительницей Евой Галице. Она профессиональный балетмейстер. Благодаря ей все наши дети отлично танцуют.

— И когда же ваши школьники начинают выбирать предметы?

— С четвёртого класса, но родной язык, история, физкультура, обществоведение, литература обязательны для всех.

— А математика? Химия? Физика?

— Только по выбору! Конечно, у нас меньше математиков, чем в обычной школе, но зато какие это математики! На соревнованиях — первые и вторые дипломы, как правило, наши. И по физике также. И по химии. Но я не разделяю мнения, что математика — лучший предмет для развития мышления.

— И что же ваши ребята могут выбрать, если, скажем, с физикой они не в ладах?

— Я говорил уже: выбор большой. Можно даже выбрать ткачество, машинопись, стенографию.

Рядом с кабинетом директора в просторном зале группа ребятшек разного возраста разучивала чардаш. Танцоры, положив руки друг другу на плечи и образовав круг, старательно, но с азартом отбатывали сложные движения.

— Это самодеятельность?

— Нет, — ответил Жолнай, — обычный урок.

В кабинете японского языка дети — их было всего девять человек — вычерчивали в тетрадках сложные иероглифы и поочерёдно выходили к доске, упражняясь в разных формах японских церемоний.

— Чтобы знать язык, — заметил Жолнай, — надо знать и культуру народа.

“Математиков” мы застали в компьютерном классе. Они даже не заметили нашего прихода, поглощённые работой и фигурами, которые одна причудливее другой возникали на экранах дисплеев. Подошёл учитель: “Каждый ищет решение, которого нет в учебнике”.

Зашли в библиотеку. Огромный зал, удобные полированные столы с каким-то сложным подсветом, стеллажи. Библиотекарь Анна-Мария Магеш заговорила со мной на чистейшем русском языке (в прошлом году она окончила Ленинградский библиотечный институт).

– Работой я очень довольна, ведь пользование фондами у нас на полном доверии. Каждый может подойти к стеллажам и взять, что ему требуется. И ни одна книга не пропала.

Директор показал мне образцы учебных пособий, составленных педагогами. Приведу лишь их перечень: самосознание, окружающая среда и культура, человековедение, английский, немецкий, русский, французский, японский языки, икебана, природоведение, естествознание, растительный и животный мир, моделирование, шахматы, кроссворды, вычислительная техника, охрана памятников архитектуры, самообразование. Напечатано на ротаторе, аккуратно переплетено. На обложке фамилия автора и название пособия.

Школа в Тёрёбалинте работает в одну смену. Занятия начинаются в 8 часов, заканчиваются в 4 часа дня. С 12 до 14 часов — отдых. Многие проводят его в спортивных секциях.

И последнее. Иोजеф Жолнаи не только директор, но и учёный. Недавно одна за другой вышли две его монографии: *“Педагогика в тупике?”* и *“Педагогика рядом с практикой”*.

Кумарин В., Будапешт-Москва. “Учительская газета”, 1989, 31 января.

Красивый мальчик

– У тебя кашель? Может быть, пропустишь школу? — осторожно спросила я.

– Ты что!— сын выскочил из кровати и начал демонстративно делать зарядку.

О, господи! Уже вторую неделю он безумно спешит в школу. С чего бы это? Ему скоро 12, он учится ежедневно, кроме субботы и воскресенья, с 9 до 15 часов. И рвётся в школу, как... как... Я ищу сравнения. Как во двор к ребятам играть в футбол. Это единственное, с чем я могу сравнить его порыв. Но теперь он играет в регби.

В первый день ему сказали:

1. Как мы рады, что ты будешь учиться у нас! (Директор).
2. Какой ты красивый! (Учитель).

3. Он так хорошо одет, вы правильно выбрали форму. (Директор родителям в присутствии ребёнка).

4. Он не говорит по-английски? У нас 23 таких ребёнка, и нет никаких проблем — научим. (Учитель — нам).

Во второй день сын нам сказал:

1. Меня называют “дарлинг” (дорогой) и Павлик. И всех ребят так называют. И на листочках с заданием подписывают ласковое имя, как дома.

2. Когда учительница делает замечание, она говорит: “Извини, но мне показалось, что ты очень шумишь”. Но, если нужно, можно во время урока подойти к товарищу. (Тут, мам, я вообще обалдел!) И взять у него нужную вещь. За это замечание не делают, только не нужно мешать.

3. Когда мы расшумелись, учительница сказала, что все мы зелёные картошки и маленькие лягушки.

4. У них две оценки: хорошо и ничего, если не всё выполнил.

5. В туалете есть туалетная бумага! А все стенки разрисованы красивыми картинками.

6. Мы писали сочинение на тему “Ты веришь в НЛО?” с рисунками. Самые интересные повесили в коридоре.

7. Все ребята говорят “спасибо” и “извини”. Очень вежливые. Но когда надо подражаться — дерутся.

8. Ребята спрашивали, как меня зовут, сколько мне лет, где я живу, ну ещё что-то, я забыл. Нет, кто мой папа, не спрашивали. Им это неинтересно.

Через пять дней я увидела:

1. Им ничего не задают на дом!

2. Классную работу они делают на листках, где отскерокопировано задание: окружить нужный ответ, ставить нужное слово, списать правильную цифру... Как в разделе шарад и головоломок.

3. Один день в неделю полностью спортивный.

4. За две недели учёбы сын вместе с классом побывал на концерте в оперном театре, плавательном бассейне, и сегодня они едут в “Центр обучения жизни” — все поездки не после школы, а во время учебного дня! Естественно, экскурсии за счёт родителей.

Что такое “Центр обучения жизни” — это отдельный и очень интересный рассказ. А пока я с нетерпением жду сына из школы, обычной государственной (бесплатной) австралийской школы. Он с порога начнёт взахлёб делиться впечатлениями...

Илларионова Т., Сидней, Литературная газета, 1989, 13 дек.

“У нас все школы экспериментальные”

Главное впечатление, которое остаётся после посещения английских школ, - это то, что школы разные. Сложившаяся система образования в стране децентрализована, школам предоставлена большая самостоятельность. Не случайно на вопрос о том, есть ли в Англии экспериментальные школы, обычно отвечали: “У нас все школы экспериментальные”. И действительно, директора, учителя учебных заведений пользуются большой свободой. Каждая школа сама составляет учебный план и учебные программы. Конечно, они следуют рекомендациям органов управления образованием, но английские школы, пожалуй, наиболее автономны по сравнению со школами других стран.

В ПОДОБНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ школьного образования немало положительных черт. Учителя вовлечены в разработку содержания и методов обучения. Больше, чем при централизованных системах, учитываются региональные и местные особенности, интересы детей. Однако есть и минусы. Государственным органам управления трудно следить за поддержанием определённого уровня образования. Поэтому с конца 70-х годов в Англии началось движение за разработку общего “ядра” в содержании образования для всех школ, что позволило бы всем детям страны получать определённый минимум знаний.

В 1988 году правительство консерваторов приняло Закон о реформе образования, который усиливает центральную власть и вводит обязательное изучение во всех средних школах трёх предметов: английского языка, математики и естествознания, и ещё семи предметов, среди которых история, география, технология, иностранный язык, физкультура, искусство, музыка. Разрабатываются и общенациональные программы по этим предметам. Если принять во внимание, что раньше в большинстве средних школ обязательными были лишь английский язык, математика, физкультура и религия, то новый список предметов значительно увеличивает требования государства к образованию.

Всё это касается, однако, лишь неполной средней школы. В полной средней у учеников сохраняется большая свобода выбора. В некоторых школах на этой ступени вообще нет обязательных предметов.

В инструкциях Департамента образования и науки лишь указывается, что на обязательные предметы должно отводиться в неполной средней школе около 75 процентов учебного времени. Оставшееся время посвящается предметам по выбору.

ГОРДОСТЬ английской системы образования — начальные школы. Их работу приезжают изучать педагоги многих стран мира. Начальные школы располагаются отдельно от средних. Они, как правило, небольшие — на 150-300 учащихся. Учатся в них дети в возрасте от 5 до 11 лет.

Что же привлекает в начальных школах Англии?

Наиболее интересным, на мой взгляд, является организация содержания образования, а также методы и формы обучения. Дети изучают примерно те же области знания, что и в советских начальных классах — родной (английский) язык, математику, получают сведения по естествознанию, обществоведению, занимаются рисованием, физкультурой, изготовлением поделок. Однако содержание образования, как правило, **не разбито на предметы, а представлено в виде комплексных программ или проектов**. Английские педагоги считают, что дети начального школьного возраста воспринимают мир как нечто целостное, им легче заниматься по таким программам. На месяц, полтора или два планируется проект или тема для изучения. Например, тема “Мосты”. В неё включаются занятия математикой (счёт, измерения), родным языком (обсуждение, письменные работы), обществоведением (знакомством с типом мостов в других странах, в других эпохах), природоведением (экскурсии, наблюдение), рисованием (эскиз моста).

Одна из школ Лондона — начальная школа Гиллеспи (все школы имеют не номера, а названия или имена) расположена в старом кирпичном здании. Во дворе детская площадка, где дети играют во время перемен. Здесь есть место как для спокойных, так и для подвижных игр. В школе 195 детей. Работает и дошкольная группа для детей в возрасте от 3 до 5 лет. Занятия начинаются в 9 часов утра и заканчиваются в 15.45. В середине дня перерыв на обед, а также несколько перемен. Детей дошкольного возраста обычно после обеда забирают домой.

Ни в одной из начальных школ я не видела парт, тем более рядов. Дети сидят за столиками, которые легко передвигаются. Учителей начальных школ готовят к такой работе с детьми в небольших группах. В одном из классов 9-летние ученики были разделены на две группы по 10 человек. Одни делали задание по математике. Другие — за столиками, сдвинутыми в квадрат, готовили тесто для печенья. Учительница подходила то к одной, то к другой группе, помогала, объясняла, если что-либо было непонятно. Большое внимание уделяется практическим работам, опытам, экспериментам, особенно на занятиях по естествознанию.

Важное значение придаётся развитию социальных навыков, умению общаться. Когда 10-летняя ученица водила меня по школе, я обратила внимание на то, что дети

не ссорятся, мирно играют на перемене. Я спросила её, бывают ли у них ссоры, драки. Девочка ответила отрицательно.

Одно из самых больших впечатлений от начальных школ — свободная доверительная обстановка, которая в них царит. Этому способствует не только целенаправленная работа по воспитанию детей в духе терпимости, доброжелательности, но и сама организация учебного процесса. Программы не перегружены. У учителя есть время поговорить с детьми, обсудить их проблемы.

СРЕДНИЕ ШКОЛЫ в отличие от начальных, как правило, крупные — на полторы или две тысячи учащихся. В них занимаются дети с 11 до 16 лет (возраст обязательного обучения — 5-16 лет). Затем желающие продолжить образование в вузе или просто углубить знания, а также получить предпрофессиональную подготовку поступают в двухгодичную полную среднюю школу. Если до конца 60-х годов средние школы были разделены на три типа (грамматические, профессиональные и современные средние, дающие общее образование без права поступления в вуз), то теперь подавляющее большинство детей учится в объединённых или всеохватывающих школах. Родителям предоставлено право отдавать ребёнка в любую школу, если в ней есть места.

Обстановка в средних школах не такая свободная, как в начальных, но тоже достаточно демократичная. Учителя обращаются с учениками уважительно. Преподавание строится по предметам. Длительность урока в разных школах различна — от 35 минут до 1 часа. Если урок длится 35 минут (это происходит в большинстве школ), то проводятся сдвоенные уроки по тем предметам, на которые отводится чётное количество часов. В день — 8 уроков, или 4 сдвоенных с часовым перерывом на обед и двумя переменами. Учебная неделя во всех учебных заведениях пятидневная.

Предметов в средних школах Англии не так много, как в советских. Закон требует изучения десяти предметов, но в порядке, определяемом самими школами.

Сейчас доля обязательных предметов увеличилась. Но эта мера правительства встречает большое сопротивление учителей — многие выступают за большую свободу выбора, что стало в Англии традицией.

Кроме дифференциации по интересам, существует дифференциация по способностям. Реформа 1988 года вводит десять уровней содержания образования. Это означает, что учебный материал по всем предметам делится на 10 последовательных уровней для детей от 5 до 16 лет. Предполагается, что каждый ученик движется своим темпом. В каждом классе могут быть учащиеся трёх уровней, которым предлагаются соответствующие задания. Такое деление очень трудно провести в одном

классе. В школе могут создаваться группы из одарённых учащихся одной параллели по тому или иному предмету. Большое распространение получают временные группировки по успеваемости, особенно по математике и иностранному языку.

В английских школах нет перегрузки, характерной для советской школы. Учащиеся изучают меньше предметов. И программы не так насыщены — в них меньше абстрактного материала, меньше дат, фактов, теорем, формул, которые нужно заучивать.

Многие из школ по собственной инициативе разрабатывают курс “Личное и общественное развитие”. Обеспокоенные ростом проблем у молодёжи, таких, как наркомания, преступность, отчуждённость, английские педагоги начали вводить данный курс. В нём рассматриваются проблемы становления личности, отношений человека и общества, ученика со школой, полового воспитания.

Содержание и методы обучения в средней школе направлены на выявление и поддержание у учащихся интереса к учёбе. Существует большой выбор учебников — ярких, богато иллюстрированных, написанных живым, увлекательным языком, на уроках по естествознанию большая часть времени посвящается лабораторным работам, экспериментам. На занятиях по общественным дисциплинам большое место отводится обсуждениям, дискуссиям.

Интересовалась я в Англии и домашними заданиями. И опять — в разных школах всё по-разному. В начальных школах уроков, как правило, не задают. В одной начальной школе мне сказали, что задают уроки в старших классах два раза в неделю. В одной из средних школ каждый день задают домашнее задание по одному предмету.

По-иному происходит в английских школах и оценка работы учащихся. Здесь нет такого жёсткого контроля, как в советских школах. Домашние задания проверяются, но отметки за них не всегда выставляются. Регулярно по основным предметам проводятся контрольные работы (тесты успеваемости) — раз в две или три недели. Оценки ставятся по-разному. В одной школе учитель оценивал письменные работы 10-летних учеников словами в их тетради “Хорошо”, “Прекрасно” или “Подойди ко мне” (это означало “плохо”).

И ещё. Как и во многих других странах, английские учителя получают меньшую зарплату, чем представители многих других профессий. Однако условия работы, по крайней мере в тех школах, которые я посетила, показались мне лучшими, чем у нас в стране. Меньше наполняемость классов — за исключением школ в густонаселённых районах больших городов. Занятия идут в одну смену. В некоторых школах удобные учительские комнаты, буфеты для учителей. Большая нагрузка — составление

учебных программ учителями. Но это — одна из наиболее интересных сторон работы английского учителя, так как даёт простор для творчества.

Воскресенская И., "Учительская газета", 1991, № 15.

Если учитель в Америке скажет ученику: "Ты – дурак", его ждёт суд

Наталия и Олесь Сич — граждане Соединённых Штатов Америки. Ей 23, ему 28. Их предки жили на Украине. У Олесья и сейчас имеются родные на Ивано-Франковщине. Они приехали к нам во Львов вместе с десятью американскими школьниками — ребята будут учиться в обычной советской школе. Оба неплохо разговаривают по-украински. У Наталии уже здесь, во Львове, родился сын — Мартыанчик. Поэтому мы беседуем почти шёпотом.

– Наталия, надо думать, что главное событие вашей львовской жизни — это рождение сына?

– Да, мы очень рады, что наш сыночек родился на Украине, во Львове. Хотя, честно говоря, это прибавило хлопот. Я привезла с собой детскую одежду и разные другие нужные мелочи. Многие подарили знакомые. Спасибо им, ведь в магазинах почти ничего не купишь. К счастью, я сама кормлю ребёнка и избежала огромных трудностей с детским питанием.

– Наташа, личный вопрос, как вы познакомились с Олесем?

– Случилось так, что мы как члены движения "Украинская молодёжь — Христу" приехали в Рим, где отмечалось 1000-летие крещения Руси-Украины. Там и познакомились. Олесь к этому времени уже закончил Гарвардский университет и стал магистром ядерной физики и одновременно советологии. Я училась на художника. Потом год работала графиком в рекламной фирме.

– На каком же языке вы общаетесь в Америке?

– В своей семье Олесь говорит в основном по-украински. А мои родители, которые длительное время прожили в Югославии, говорят на сербско-хорватском...

(Здесь наша беседа ненадолго прервалась, пришёл из школы Олесь. Извинился за опоздание и присоединился к нашему разговору).

– Олесь, как вам живётся во Львове и работаете в школе? Что удивляет?

– В первую очередь удивляет почти полное отсутствие товаров и продуктов питания в магазинах. Совершенно не научился стоять в очередях — всякий раз испытываю при этом огромное унижение. Кроме этого, вода, которая подаётся по часам, — это ужасно. А нередко ещё и плохое давление в водопроводе, из-за чего не зажигается обогревательная колонка. Всё это создаёт колоссальные бытовые неудобства.

А работа интересная. Каждый день имею два урока в старших классах 53-й львовской школы. Преподаю английский. Шокирует, что у вас в большом ходу под-

сказки, шпаргалки и прочее. Это же настоящая имитация учёбы. К сожалению, никто не думает о том, что будет с ним после школы.

В американских школах, если замечается что-то подобное, то сразу ставится даже не двойка или единица, а ноль. И я с самого начала предупредил — буду преподавать как в американской школе. На первой же контрольной пришлось выгнать из класса одного паренька, который пытался мошенничать. Должен сказать, что в американских вузах действительно учатся. Все по доброй воле пытаются получить как можно больше знаний. В противном случае тебя просто отчисляют — и весь разговор.

— *Какие ещё открытия сделали вы для себя здесь, на Украине?*

— Я не думал, что идеология так глубоко проникла в сознание людей. Не мог представить, что система могла так много хорошего уничтожить в человеке. На первый взгляд, у вас все стремятся к демократическому устройству общества, а тоталитарная система сама собой проявляется на любом уровне — даже школьном. Например, в американской школе существует ученическое правительство, которое имеет настоящую власть. Я попробовал ввести это здесь, во Львове, но даже, казалось бы, передовые учителя испугались. В частных разговорах они, округляя глаза, спрашивают — неужели вы действительно собираетесь отдать власть в школе ученикам? Они убеждены, что ни в коем случае в школе не будет порядка. Америка уже 200 лет живёт при демократии, и мы ещё до сих пор, как мы считаем, не имеем её настоящей! Какой же трудный путь ещё предстоит пройти вам? Особенно удивляют меня отношения: учитель — ученик. Они очень напоминают схему гражданин — государство. Тот, кто “сверху”, постоянно поучает, дёргает, что-то запрещает тому, кто “внизу”. А сам стиль отношений?! Если бы в Америке учитель сказал ученику: “Ты-дурак”, его бы могли привлечь к суду.

— *А теперь вопрос, на который вы уже почти ответили: вам здесь трудно?*

— Знаете, в моральном плане гораздо тяжелее, чем в бытовом. Тут, например, существует культ коллектива, а у нас коллектив хорош только в том случае, если он — сообщество личностей, а не одинаковых существ. У нас, когда кто-нибудь хочет сделать свою жизнь лучше, то его понимают, уважают. А у вас, как я заметил, стоит кому-нибудь поднять голову чуть выше всех прочих, его дружно начинают тянуть вниз, к общему уровню. По-моему, часто это делается просто инстинктивно. Равенство в таком случае — это воистину страшная вещь. И поэтому меня раздражает, когда кто-нибудь из-за океана начинает давать советы, как тут, на Украине, всё можно устроить. Чтобы понять существующие проблемы, нужно здесь немножко пожить и понять: большинство проблем существует не вне людей, а внутри их самих. Конечно,

легко советовать, сидя перед экраном телевизора, когда в одной руке банка с пивом, а в другой — кнопка дистанционного управления. Но стоило мне пожить во Львове, и я понял (прошу не обвинять меня в излишнем пессимизме) нужно, чтобы сменились целые поколения, прежде чем здесь начнётся движение к нормальному обществу.

— А вы могли бы здесь жить постоянно?

— Конечно же, нет. Хотя многое мне здесь импонирует. Например, у вас более тёплые, непосредственные отношения между знакомыми людьми. Правда, с незнакомыми обращаются без лишних церемоний — сколько раз мне приходилось наблюдать грубые, хамские стычки в трамваях. Если без предупреждения прийти к знакомым в Америке, они это воспримут как проявление невоспитанности. У вас с этим проще. Это мне нравится. Но, к сожалению, всякая хорошая черта имеет свою обратную сторону. Нередко такая простота перерастает в бесцеремонность.

А вообще, несмотря на то, что время от времени впадаю буквально в отчаяние, мы с Наталией не жалуем, что приехали на Украину. Как бы там ни было, а мы получим хороший жизненный урок и посмотрим на свою жизнь там, за океаном, другими глазами.

Беседовала Г. Вдовиченко, “Учительская газета”, 1991, № 49.

Лучшая школа в Штатах?

Спросите об этом ребят, которые учатся в “Стайвесанте”

Придите в манхэттенскую школу “Стайвесант” (сокращённо “Стай”) и посидите немного в любом коридоре. Вы непременно дождётесь весёлой и шумной суматохи, которую устраивают здесь учащиеся после каждого урока. Болтливые девчонки, справляющиеся друг у дружки о новых учебниках, взятых в библиотеке. Громкие ругательства из уст ребят, которые стараются казаться мужчинами. Две подруги поздравляют с днём рождения сдерживающую свои чувства однокурсницу. До вас долетают весёлые крики мальчишек, которые играют в зверскую игру — “слона”.

Прислушайтесь к этому разноголосью повнимательнее. Не пройдёт и нескольких минут, как вы обязательно услышите от кого-нибудь слово “самое”. Самый умный. Самая высокая (оценка). Самое быстрое (решение задачи). Самая сильная (контрольная работа). Самый яркий (ответ). Самое трудное (задание). Самое, самое, самое... Самое лучшее!

Кто — *Рон Уильямс, 17 лет, выпускник 1994 года, продолжает образование в Гарварде.*

Интересы — Уолл Стрит (вы обязательно увидите моё имя когда-нибудь в рейтинге 500 самых богатых людей), теннис, европейский футбол, пение в стиле рэп. общение с друзьями (уж чего-чего, а этого мне хватает на троих).

Отношение к школе — Моё отношение к “Стай” можно выразить через моё отношение к математике. Собственно, победа на олимпиаде по высшей математике и помогла мне пробиться в “Стай”. Обожаю дифференциальное исчисление. Контрольные работы — для меня это настоящий восторг! Тогда на олимпиаде я получил по рейтингу 730 баллов, а для успешной учёбы в “Стай” надо постоянно иметь 800. Чувате?

– Если “Стайвесант” самая лучшая школа,– говорит учащаяся первого курса Стефани Функ,– то история здесь является самым лучшим предметом.

– Если “Стайвесант” самая лучшая школа,– вторит преподавательница английского и руководитель факультативного семинара по искусству ведения полемики Джули Шейнман,– то моя полемическая группа является самой лучшей группой.

Преувеличения для школы — вещь настолько же обычная здесь, как и школьные рюкзаки-бэги “Дженспорт”, философское понятие “вечного сомнения”, мешки под глазами и страсть к кафе быстрого обслуживания. Школа “Стайвесант”, однако, действительно является замечательным учреждением образования, расположенным в великолепном здании недалеко от берега реки Гудзон. И превосходные степени здесь — часть внутришкольной культуры, а желание соответствовать им — стиль жизни.

“Стайвесант” находится в Нью-Йорке, где понятие “государственная школа” принято ассоциировать с такими вещами, как преступность, кризисное положение и недостаточное финансирование. “Стайвесант” является одной из пятидесяти общенациональных школ, специализирующихся на математике и естественных дисциплинах, а также одной из трёх, куда принимаются только самые одарённые подростки и где самый сложный учебный план. Для того, чтобы попасть сюда, каждый подающий надежды абитуриент должен пройти вступительные экзамены, сдающиеся по системе SAT. Оценки, полученные на них, являются единственным критерием, которым руководствуются при зачислении в школу. Никакой “блат”, никакие деньги тут не помогут.

Те 750 мальчиков и девочек, которые ежегодно принимаются на первый и второй курсы “Стай”, приезжают сюда со всех концов города, являются представителями самых разных национальностей и выходцами из семей с самым различным уровнем дохода. В отличие от многих других престижных школ города в “Стай” учится большое количество так называемых “американцев в первом поколении”. И в отличие от

большинства частных манхэттенских школ, где белые дети составляют костяк состава учащихся, лишь чуть-чуть “размываемыми” национальными меньшинствами, в “Стайвесанте” белые учащиеся сами являются национальным меньшинством. Например, в прошлом году азиаты составляли 52% от всех учащихся и в ежегоднике “Стайвесанта” можно было наткнуться на целую страницу однофамильцев — Чанг. Но это вовсе не значит, что в школе не возникает национальных проблем и “землячеств”. При входе в столовую сразу же бросается в глаза “чёрный стол”. Другой пример. Один студент жалуется:

— Попробуй тут с кем-нибудь сойтись, если все требуют, чтобы ты говорил по-корейски!

Кто: Питер Сирэйтинг, 16 лет, учащийся выпускного курса, средний балл — А (соответствует нашей пятёрке).

Интересы — Биология и другие естественные науки. (В настоящее время исследует влияние работы мозга на двигательную функцию организма). Теннис (играет за школьную сборную).

Отношение к школе — Я пришёл сюда потому, что мне обрыдло моё окружение в Куинсе. Здесь я крепенький середнячок. Примерно сорок наших ребят работают в исследовательских лабораториях по всему городу. Загляните в любую больницу — и вы обязательно обнаружите там учащегося “Стай”, которого направляют в каком-нибудь направлении. Мы, так сказать, обладаем высокой конкурентоспособностью на рынке школьников, но с этим качеством надо обращаться с умом.

Итак, различий много. Общая черта одна: все 2700 учащихся школы имеют, что называется, светлую голову на плечах. Общая средняя оценка в “Стай” равна А (то есть пятёрка с минусом). И заметьте: учащиеся не делятся на “умных” и “спортсменов”. Члены школьной сборной по футболу успевают не хуже своих товарищей. В городе, где средний рейтинг по системе SAT составляет 796 баллов, в “Стай” он равен 1270 баллам. Полемическая группа здесь действительно замечательная. В прошлом году она в пятый раз победила на общегородском конкурсе “Линькольн-Дуглас Дибэйт” и в третий раз — на общенациональном чемпионате. И это только за последнее десятилетие! Работники школьной администрации страшно любят перечислять прославившихся питомцев “Стай”, среди которых, можно назвать, к примеру, учёных, нобелевских лауреатов Рональда Хофмана и Джошуа Ледерберга, критика Льюиса Мамфорда, актёров Джеймса Кэгни и Тима Роббинса, режиссёра Джозефа Манкевича. Здесь утверждают, что, если поспрашивать всех американских докторов

философии, выяснится то удивительное обстоятельство, что “диаспора” воспитанников “Стайвесанта” среди них окажется самой многочисленной.

Эта “особенная статья” является определяющей характерной чертой школы. На занятии по дифференциальному исчислению у старшекурсников, кажется, и воздух насыщен напряжением точно так же, как крупцами мела. В классе около трёх десятков человек. И всем им нравится напускать на себя вид школьников, не выполнивших домашнего задания: взгляд, неподвижно упёртый в линолеумный квадрат пола, ожесточённое поскрипывание карандашом в тетради, угрюмое всеобщее молчание в ответ на настойчивые вопросы учителя математики Ричарда Ротенберга:

— Кто скажет мне, как перейти от обычной дельта-функции к дельта-функции Дирака? Кстати, кто из вас может припомнить: в каком году Дирак стал лауреатом Нобелевской премии?

Однако несмотря на эту коллективную сдержанность, ребята знают ответы на эти вопросы, что выясняется сразу же, как только преподаватель перестаёт обращаться ко всему классу и начинает спрашивать каждого по отдельности. Вот Рон Уильямс поворачивается к своему соседу и что-то напряжённо шепчет. Этот юноша уже принят в Гарвард, поэтому имеет возможность расслабиться в последний школьный семестр. О чём же он тогда спрашивает своего приятеля? Договариваются о том, где пообедать? Подсмеиваются над однокурсником? Треплются “за жизнь”? Нет! Рон Уильямс на самом деле шепчет:

— Но, допустим “Т” стремится к нулю...

Кто — *Эмили Уайт, 18 лет, выпускница 1994 года, в настоящее время первокурсница в Корнеле.*

Интересы — *Я пока что не определила, что конкретно интересует меня. Понятия не имею о том, чем буду заниматься, скажем, лет через десять.*

Отношение к школе — *Я любила “Стай”. Уже на первом курсе научилась спокойно относиться к оценкам других. Вообще я считаю, что твой успех — это не отличная учёба, а ощущение внутреннего счастья. А до какой степени ты напрягаешься в школе — это личное дело каждого.*

В классе преподавателя физики Мюррея Кана тема урока — ядерный распад. Затрагиваются в связи с этим и такие вещи, как Манхэттенский проект, холодное топливо, а также вопрос о том, сколько потребуется урана для того, чтобы зарядить энергией весь Нью-Йорк...

“Стай” славится не только своими учащимися и не только теми знаниями, которые им даёт. “Стай” успела уже прославиться и своим новым зданием. Школа основана в 1904 году. Это было мужское учреждение трудового воспитания, расположен-

ное в ветхом доме на восточной стороне 15-й улицы. В 1992 году группа людей, в составе которой был школьный администратор Рене Лёвин, организовала переезд “Стайвесанта” на Чамберс Стрит. Однако о старом доме Рене вспоминает с ностальгией, свойственной только старикам. Он говорит о том, что там в течение многих десятков лет создавалась и лелеялась особая душевная атмосфера. В новом помещении недостаток этой душевности вполне, однако, компенсируется его размахом. Новый дом обошёлся школе в 150 млн. долларов. Здание имеет десять этажей в высоту. Этажи связаны друг с другом эскалаторами. Окна почти всех шестидесяти пяти классов выходят на статую Свободы. В здании размещается кафетерий на 650 мест, актовый зал на 850 мест, плавательный бассейн, фотолаборатория — которая одна потянула на 500 тыс. долларов! — спортзалы, в том числе и тяжёлоатлетический, залы, где проводят свои репетиции школьный оркестр и школьный хор, мастерская керамических изделий, изделий из дерева, пластмассы, мастерская электроники, комната архитектурного проектирования. И причём во всей школе нет ни одной мрачно-зелёной шторы, которые столь характерны для традиционных образовательных учреждений.

Кто — *Джессика Узан, 17 лет, учащаяся выпускного курса, средняя оценка “Б+” (то есть наша четвёрка с плюсом).*

Интересы — *Фламенко и балет (танцует с четырёх лет). Выступала в студенческом филиале “Балет Испаника” нью-йоркской профессиональной хореографической компании.*

Отношение к школе — *Поначалу мне очень понравилось в “Стай”, но потом я увидела, что для школы здесь слишком крутые требования. На экзаменах со всех сторон на тебя только и сыплется: “Что поставили? Что получила?” В престижный колледж попасть, конечно, хочется, но если там будет такая же ситуация, как в “Стай”, — мне крышка.*

Не школа, а колледж, не правда ли? У ребят здесь богатый выбор: 13 специализированных классов, 17 математических секций, 14 классов биолого-географического профиля, 95 кружков, 30 спортивных команд, 30 факультативов, посещение которых подчас играет решающую роль во время последующего поступления в колледж.

— Здесь у молодых людей настоящая жизнь, — говорит недавно ушедший на пенсию директор школы Абрахам Баумель. — Приходя к нам, они перестают быть маленькими детьми. Становятся независимыми людьми.

Действительно, одна дорога до школы и обратно у кого угодно воспитает чувство самостоятельности. Все переправляются на пароме острова Стейтен, погружают-

ся в мрачные туннели нью-йоркской подземки. Порой на дорогу туда и обратно уходит в день по два часа. Никакие школьные автобусы просто невозможны при таком размахе, 2700 учащихся.

Здесь любого можно застать в “альма матер” порой и в пять-шесть часов вечера. Либо занимаются, либо просто шатаются по классам. Без всякого надзора, разумеется. Каждый может выйти с территории школы, когда ему захочется. Проголодался и решил сбежать в ближайшую кафешку? Пожалуйста. Свидание у школьной стены? Пожалуйста. (Кстати, земля у стены сплошь усеяна сигаретными окурками и пробками от бутылок). Народу там всегда много, если позволяет погода.

Словом, учащиеся “Стай” обладают большой свободой. Но и ответственностью. И правда, их школа похожа на колледж. Только заметны два отличия. Во-первых, в “Стай” принимают и 13-летних. А во-вторых, требования и загруженность занятиями здесь подчас похлеще, чем в ином колледже. Мечта многих — поступить после окончания школы в элитарное учреждение “Айви Лиг”. Четыре года юноши и девушки надрываются в своих классах, даже не подозревая о том, что приёмная комиссия “Айви Лиг” никогда не потребует от них такого дикого напряжения.

Кто — *Су Ро Ким, 17 лет, выпускник 1994 года. В настоящее время учится в Рутгерсе.*

Интересы — *Бизнес, волейбол и борьба. Был членом школьной сборной по волейболу и по борьбе.*

Свободное время.— *После уроков в “Стай” шёл помогать родителям, у которых своё место на рынке в Восточном Гарлеме. Мама работает ежедневно. Захотелось снять с неё часть этого бремени. Считаю, что дети всегда могут сделать это для своих родных.*

Отношение к школе — *Я слышал, что там много корейцев, и думал, что окажусь среди “своих”, но на деле оказалось, что там много других ребят, неазиатов.*

С одной стороны, может сложиться впечатление, что у замечательных учащихся замечательной школы “Стайвесант” не бывает никаких проблем с поступлением в колледж. Но на самом деле проблемы есть. Рассказывает Кан, преподаватель физики и заместитель директора, который проработал в школе уже более 30 лет.

— Теоретически весь первый курс Гарварда можно было бы набрать отсюда. Но на самом деле из 91 нашего выпускника, подавшего заявление в Гарвард в прошлом году, поступили только 15. И между прочим, отвергли не самых глупых ребят, среди которых было много круглых отличников.

Так что учащиеся “Стай”, хоть и называют себя счастливыми, всё же напрягаются вовсю. Говорит первокурсница Этан Вин:

— В первый же день своей учёбы в “Стай” ты слышишь слова директора о том, что это, мол, лучшая школа в городе, в стране и во всём мире. Эти слова давят на тебя каждую минуту и невольно задаёшься вопросом: а кто же самый лучший из обучающихся? И невольно ввязываешься в эту гонку “на самого лучшего”.

Стефани Функ, миниатюрная девушка с детским личиком, так вся и пышущая жизненным энтузиазмом, разрывается между общественными школьными делами: благородное общество “АРТИСТА”, юношеская команда для интеллектуальной игры в Организацию Объединённых Наций, общество “Учащиеся против пьянства за рулём”. Её средний рейтинг — 99 баллов. О том, кто “дышит ей в затылок”, она знает немного. Только его имя и то, что в декабре ей удалось обогнать его всего на двадцать семь сотых балла. В прошлом семестре она носила в своей сумочке “зантак”. Знаете, что это такое? Несильный наркотик.

Говорит Джессика Узан, голубой мечтой которой в настоящее время является достижение приличного рейтинга:

— А то подходят всякие и постоянно спрашивают о том, сколько у тебя в активе. — Её средний рейтинг составляет 87 баллов. — В другой школе я была бы среди лучших с такой оценкой, а в “Стай” лишь пытаюсь удержаться на плаву.

Анна Меле, преподаватель биологии, а также ученический консультант, во всём винит родителей, а не школу:

— Они предъявляют к своим детям слишком завышенные требования. Кого ни спроси, всяк хочет, чтобы его отпрыск поступил в “Айви Лиг”. В результате у ребят появляется чувство того, что они уже не принадлежат самим себе.

Кто — Арима Джекобс, 18 лет, 1994 год выпуска, сейчас учится в Брауне.

Интересы — Медицина. В “Стай” была капитаном сборной по лёгкой атлетике и сменным капитаном “группы скандирования”, членом Лиги чёрных студентов и хореографом в ежегодном школьном мюзикле под названием “Пойте!”.

Отношение к школе — Поначалу я не хотела туда поступать. У меня дома в Краун Хейтс (Бруклин) все говорили о том, что “Стай” — слишком круто. Но со временем я полюбила “Стай”. И знаете, если бы я не прошла “Стай”, то не видать бы мне Брауна как своих ушей.

Всё-таки они ещё дети, и, как у всех детей, у них есть свои проблемы образца 1994 года. На доске объявлений расписано, как наиболее верно и быстро можно прийти к СПИДу. Висит рекламный плакат, на котором информация о том, как взять напрокат лимузин на выпускной вечер. Зовут на лекцию по безопасности, которую будет читать старший детектив нью-йоркской полиции Джозеф Борелли. Название лекции: “Может хватит нам вечно трястись от страха?”

Говорит учительница английского Шейнман:

— У нас учатся необыкновенные дети. Иной раз идёшь по коридору и видишь, что кто-то плачет. Подходишь, спрашиваешь: что случилось? Отвечает: “Я завалила контрольную по математике”! Понимаете, стремление быть на высоте посеяно в них и даёт неизбежные всходы. Страх неудачи — хуже этого для них ничего нет.

*Из журнала “Лайф”, (США), пер. с англ. Владимира Смирнова,
Педагогический калейдоскоп-дайджест, 1994, № 49-50.*

**Подготовка рабочих — задача общеобразовательная,
так считают в Японии**

Когда у себя в доме что-то не ладится, смотрят, как это устроено у соседей... Нынче у нас совсем плохи дела со средними профессионально-техническими училищами: преподаватели разбежались, учебные помещения давно заняты арендаторами, с каждым годом растёт недобор студентов. Если так дальше пойдёт, кто же будет работать на производстве и в строительстве лет через десять?

Во всём мире широко известны достижения экономического, научно-технического развития Японии. Сложная электронная промышленность, современное автомобилестроение, судостроение — конечно же, эти отрасли предъявляют высокие требования к квалификации рабочих. Как же в Японии готовятся кадры для современных предприятий?

Действующая в Японии система образования была сформирована после второй мировой войны при непосредственном участии американских специалистов. Поэтому по своей структуре она почти полностью копирует американскую: 6-летняя начальная, 3-летняя младшая средняя, 3-летняя старшая средняя школа, 2-4-летние колледжи и университеты. Обязательное образование составляют начальные и младшие средние школы. Зачисление детей в начальные школы осуществляется в 6-летнем возрасте.

Феномен японского образования последних десятилетий заключается в том, что, заканчивая обязательную младшую среднюю школу, даже не подавляющее, а абсолютное большинство японских подростков продолжает своё образование в старшей средней школе, где учиться вовсе необязательно по закону и, кроме того, обучение платное. Начиная с 80-х годов этот показатель упорно удерживается в районе 95 процентов.

Что же прельщает такое количество абитуриентов в старшей средней школе? Познакомившись с её учебными планами, мы делаем открытие: так вот в чём дело, оказывается, здесь есть профессиональное отделение, которое даёт подготовку по профилям промышленности, сельского хозяйства, коммерции, рыболовства, домоводства и др. Однако при ближайшем рассмотрении здесь нас ожидает подвох —

начиная с 70-х годов в среде японской молодёжи растёт непопулярность именно профессионального отделения. В наши дни уже три четверти абитуриентов выбирают отделение общеобразовательное, которое даёт учащимся академические знания.

Так где же в самом деле готовят квалифицированный персонал японских супер-энтерпрайзов?

С этим вопросом мы обратились к профессору педагогики Хоккайдского университета г-ну М. Такэда.

— Во времена быстрого промышленного роста нам действительно казалось, что потребуется готовить массовым порядком специалистов среднего технического звена для крупной промышленности, то есть высококвалифицированных техников и рабочих. Для этого в системе образования был создан специальный тип учебных заведений — средние технические колледжи. В них зачисляли выпускников обязательной школы, и длилось обучение пять лет.

В 1962 году были сразу открыты 19 таких технических колледжей с числом студентов около 3,5 тыс. человек. Предполагалось, что сеть их будет расти.

— И что же получилось?

— В настоящее время в стране продолжает существовать только 62 средних технических колледжа, ежегодно в них поступают всего около 0,5 процента выпускников младшей средней школы. Что же касается профессиональных отделений, то их прекрасно оборудованные классы стоят полупустые. В то же время абитуриенты буквально расшибаются на конкурсных вступительных экзаменах, и в классах общеобразовательной подготовки наполняемость доходит порой до 50 человек.

Попробуем разобраться, почему же так происходит?

Влечёт ли это за собой одновременное повышение роли высшего образования? Как это ни удивительно — нет, поскольку статистика свидетельствует, что в последние годы поступаемость в университеты и колледжи существенно не изменяется, в вузы идёт только около 30 процентов выпускников старшей средней школы.

Структура экономики Японии перестраивается. Японское общество вышло на рубежи постиндустриального этапа развития. Эти изменения влекут за собой перемены в его профессиональной структуре. На рынке труда постоянно снижается потребность в специалистах, обладающих “традиционным” техническим мастерством, и одновременно возрастает потребность в специалистах, имеющих хорошую общеобразовательную подготовку, обладающих широким кругозором и эрудицией. Такие рабочие могут быстро перестраиваться в условиях регулярного обновления и изменения технологических процессов.

В крупных компаниях в Японии сложилась система подготовки специалистов среднего звена и рабочих внутри предприятий на постоянно действующих курсах повышения квалификации. В этом случае качественное общее образование как основа для совершенствования или освоения новых специальностей ценится больше, нежели разряд по конкретной специальности.

Таким образом, многие абитуриенты старшей средней школы выбирают общеобразовательное отделение, **преследуя цель стать рабочими в хороших компаниях.**

Боярчук Юлия, к.п.н., "Педагогический калейдоскоп", 1996, № 44.

Взгляд на американскую школу глазами выпускницы

Рейчл Труздейл учится в одном из самых престижных американских университетов, в Йельском. А закончила она обыкновенную государственную школу. Думается, нашим читателям будет интересно узнать мнение об американской школе её вчерашней ученицы.

— Школа помогла прежде всего выбрать сферу интересов. Мне кажется, школа даёт не только и не столько знания, сколько помогает ученику найти себя. Особенно начальная: в первых классах как бы укладываются узоры мышления, дети находят свой собственный путь обучения, интересный для себя предмет, понимают, что им лучше всего удаётся. Мы решаем для себя, кем будем, и потом, в старших классах, выбираем себе курсы, готовящие к университету или к работе кассиром в магазине.

Школа даёт нам и некий социальный опыт, ведь она — маленькое государство, древнегреческий полис. Но, мне кажется, социальный опыт, который мы приобрели здесь, никакого отношения к остальной жизни не имеет — действительно, как если бы мы проводили детство и юность в другом государстве, другом обществе, устроенных авторитарно. Не слишком разумно. В публичной школе, как правило, абсурдные законы; кажется, меня в то время приучали выполнять приказы, и мы сыты этим, по моему, на всю оставшуюся жизнь. В идеале мы должны были стать винтиками большой машины, каждый из нас выполнял бы строго свои обязанности, ни о чём не задумываясь, как воины или крестьяне в платоновском государстве. Только управляли нами не философы, а школьная администрация.

Была ужасная история с нашей школьной футбольной командой. Команда хорошая, из здоровенных парней и красивых блондинок в группе поддержки, играла, выигрывала, участвовала в серьёзных соревнованиях. Выяснилось, что тренер заставлял этих ребят молиться перед матчем, молиться по-христиански. Это противо-

законно, потому, что не все были христианами. И школа вообще-то отделена от религии. Об этом написали в газете, тренер вынужден был прекратить свои “литургии”. Но только на две недели. Дело зашло так далеко, что он стал объяснять победы своей команды волей Божьей, просил других тренеров коллективно молиться. Вот вам ещё один пример маленького тоталитарного государства: ведь тренер самый главный человек в команде, он устанавливает свои порядки, свои законы.

В американской публичной школе есть и расовая проблема. Мой последний школьный год совпал с расовыми беспорядками в Лос-Анджелесе. Ни одного из моих друзей я бы не назвала расистом, но факт остаётся фактом: вдруг появилась определённая граница между белыми и чёрными. И как-то само собой получалось, уверена, что почти подсознательно, учителя определяли чёрных учеников на курсы более низкого уровня, готовившие к рабочим профессиям.

Наконец, в принципе школа должна давать нам знания, необходимые для того, чтобы в университете начинать не на пустом месте. С этим в американской публичной школе, как известно, тоже не очень просто. Например, учитель зарубежной истории как-то странно преподавал свой предмет. Слушать его было интересно, но он страшно перевернул факты. В результате ученики знали историю, им выдуманную почти наполовину.

Учитель керамики не давал нам лепить из глины, всё время рассказывал о себе, своих проблемах, допроситься же глины было невозможно.

Но были и отличные преподаватели. Они всегда могли интересно рассказать о своём предмете, заставляли нас работать, добивались от нас больших успехов.

Как бы я построила школьную программу? я бы подобрала хорошо подготовленных, действительно знающих преподавателей, обязательно хорошо владеющих английским языком. Представьте, не все учителя грамотно говорят по-английски. И ещё, я бы ввела обязательную общественную работу: ученики должны были бы помогать в больницах, в школах, где хотят. Ведь так нужно воспитать в ребёнке готовность помочь благородному делу, а главное, дать им элементарные навыки, хотя бы медсёстры. Не сомневаюсь, многие хотят быть полезными, но у них нет такой возможности – они ничего не умеют.

И всё-таки мне повезло, школа подготовила меня к поступлению в университет в основном: я хорошо знала математику и английский язык. На первом курсе было сложновато: сказывались пробелы в моих знаниях зарубежной истории и литературы. Пришлось догонять ребят, закончивших частные школы. Тех, кто поступал на филологические факультеты, именно наша школа подготовила очень плохо. Тут как повезёт...

Записала Ирина Прусс., Педагогический калейдоскоп, № 16-1996.

Из цикла “Чужая азбука” (Учительская газета)

“Хотите помочь? А мы для чего!”

— так отвечают родителям американские учителя.

Лилиана Витаутовна Костина окончила отд. английского языка Вильнюсского университета. Работала вожатой в Артеке, в лагере “Океан”. Семнадцать лет преподавала английский язык в школах Литвы, в московской школе № 970 и в московской русско-литовской школе № 1247. Учитель первой категории, руководитель методобъединения, член жюри олимпиад по английскому языку. Работала шесть лет вожатой в американских летних детских лагерях. С прошлого года переехала жить в США.

Так сложились наши семейные обстоятельства, что летом прошлого года мы переехали жить в США.

— *Лилиана Витаутовна, у вас дочка-третьеклассница. Каково было ваше первое впечатление, когда вы привели её в американскую школу?*

Первым человеком, кого я увидела, была директор школы. Она так улыбалась, словно давно нас ждала, хотя понятия не имела, кто мы такие. Я тоже учительница, но меня такое радушие обескураживало... Второе, что удивило, это плакат в холле школы “Я люблю себя!”, а пониже — “Мы учимся все вместе, но каждый идёт к знаниям своим путём!”. Забегая вперёд, скажу: это один из основных принципов современной американской педагогики: у всех детей разное развитие, поэтому важен индивидуальный подход в достижении конечной цели образования. Каждый идёт к итогу своим путём: кто-то медленнее, кто-то быстрее... Я проработала в российской школе 17 лет. У нас был совсем другой принцип: детей подстраивали под общее правило. А там наоборот: правила подстраиваются под учеников, под каждого.

— *Эта американская школа — государственная?*

— Да, обычная, государственная, бесплатная. У школы два здания. В одном учатся дети 1-2 классов, в другом — 3-4-го и 5-го. Моя дочь была принята в третий класс, то есть во вторую ступень начальной школы.

— *Итак, девочка пошла 2 сентября в школу. Она боялась?*

— Наверное, немного, но она свободно говорит по-английски, и это сразу снимало главные проблемы. В классе на уроке два учителя. А у моей дочери — даже три.

— *Одновременно три?*

— Да, так положено в начальных классах. Первый учитель ведёт урок. Второй, который называется помощником учителя, весь урок ходит по классу между партами и заглядывает в листы. И если видит, что у ребёнка возникают какие-то затруднения, наклоняется к нему, тихонько объясняет или помогает решить или записать. Если, по

наблюдениям помощника, не поняли несколько учеников, он даёт знать об этом главному учителю, и непонятное объясняется всё ещё раз... Этот простой пример, один из множества, как раз и показывает тот самый индивидуальный подход к обучению.

– *А дети знают, кто главный учитель, а кто помощник?*

Понятия не имеют. Это знает только администрация школы. Для детей они оба просто учителя.

– *Оба учителя готовятся к уроку одинаково?*

– Да. Они вместе составляют план урока и могут друг друга заменить, если возникает какая-то ситуация.

Но независимо от того, кто главный учитель, а кто помощник, каждый должен раз в два года сдать федеральный экзамен — тестирование. Тестирование проводится пять раз в году в определённый, заранее известный учителям день. Ты выбираешь удобный для тебя месяц и день и едешь в определённый городок, где проходит это тестирование.

– *Это не напоминает нашу аттестацию?*

– Это совсем другая форма. Она исключает зависимость учителя порой от низкого уровня квалификационной комиссии. От заранее сложившихся стереотипов на конкретного учителя, избавляет от ненужных обид и нервозности.

– *Учитель подтверждает или повышает этим тестированием свою квалификацию?*

– И подтверждает, и повышает. Каждый год в тесты закладываются новые вопросы.

– *То, что вы рассказываете, очень поучительно. Но вернёмся в третий класс, где учится ваша дочь. Итак, в классе два учителя. Вы сказали, что есть ещё и третий?*

Когда мою дочь принимали в школу, директор не спросила, что и как дочь проходила в российской школе. Попросила только представить табель успеваемости за второй класс: директора не интересовало, отличаются программы или нет. К ученику, который до этого учился в другом государстве, а теперь будет учиться в американской школе, прикрепляется учитель английского языка. Так делают во многих штатах, в том числе и в штате Мэн, где мы живём. У такого учителя может быть три-четыре ученика: это его полная ставка.

– *И как такое обучение выглядит на практике?*

Два раза в неделю этот учитель сидит за одной партой с таким учеником все уроки. И если видит, что ученик что-то не понял, не знает по-английски какие-то слова или термины, он помогает.

США — многонациональное государство. В южных штатах, например, где 90% не говорят по-английски, в школе дети учатся по-испански.

— *Наше государство тоже многонациональное.*

— Российская школа предполагает, что, скажем, если ребёнок любой национальности приходит учиться в русскую школу, он обязан владеть русским языком. И если у него трудности, то все хлопоты по обучению ложатся на семью: чаще всего надо брать частные уроки.

— *У нас говорят: “Ты обязан учиться”, “Ты должен сидеть тихо”...*

— Слова “должен” и “обязан” американский учитель никогда не произносит. Я бы сказала, главная задача учителей — заинтересовать ученика темой урока. Любой хороший учитель и в России, и в Америке стремится к этому. Но мне думается, американскому учителю это сделать легче: российские программы глубоко академичны. Они порой не дают возможностей учителю чувствовать себя в теме урока свободно. В американской школе все программы больше носят прикладной характер.

— *А если это проиллюстрировать на третьем классе, где учится ваша дочь?*

— Ну, например, у них английский язык — это и литература, и письмо вместе. На основе текстов современных американских писателей, которые чаще всего представляют простые житейские истории-рассказы, изучаются и литература, и язык...

Помню, как мы с дочкой бились во втором классе над понятием вычитаемое, слагаемое, разность. А как сложно зазубривали таблицу умножения! Все термины на следующий день бесследно исчезали из её памяти. Никаких этих терминов в программе третьего класса американской школы нет. Что я имел — что я получил — вот и всё объяснение задачи, и никаких терминов.

Детей вообще не вызывают к доске. Это принцип. Все отвечают с места. Парты группируются по две, по три, четыре. Можно сидеть даже друг напротив друга, что называется, глаза в глаза. И необязательно лицом к доске, если в этом нет необходимости. Поэтому и главный учитель, и помощник ходят между партами. Это не хаос. Это способ детям почувствовать себя комфортно, раскрепощённо... Понаблюдав, как хорошо в таком “хаосе” детям, я подумала, что класс — это как бы продолжение его детской комнаты, где малыш создаёт этим хаосом удобный для себя мир. И только позднее, когда малыш растёт, он превращает этот “хаос” в удобный только для него одного порядок.

— *Вы нарисовали идиллическую картину. Но дети есть дети, они балуются, кто-то кого-то может ударить, обидеть. Кто-то мешает классу, дурачиться...*

— Отметки по поведению как таковой нет. Она распадается на несколько отдельных оценок: мотивация к учёбе (то есть по российским оценкам — прилежание),

мотивация к общению, экологическое сознание, соблюдение школьных правил, интерес к определённым предметам...

– Как школа общается с родителями?

– Родительский собраний как таковых вообще нет. После окончания первого триместра (учебный год разделён на три триместра) я получила листок, где было написано, что будет родительская конференция и просьба сообщить удобное для меня время. Я не поняла, почему должна назначить время, если это конференция. Пошла в школу, и мне объяснили, что конференция — это встреча учителей с семьёй одного конкретного ученика. В течение одного дня в удобное для родителей время с ними встречаются учителя.

Мне был выделен час, и я общалась с теми тремя учителями, о которых я уже рассказывала.

– И о чём шла речь?

– Они комментировали оценки за триместр. Все оценки на отдельном листке, дневников у учеников вообще нет.

– А куда же ребёнок записывают задание на дом?

– На дом ничего не задают. Я видела передачу по американскому телевидению, посвящённую проблемам школы, где возмущённая мама говорила о том, что её сын девятиклассник, вместо того чтобы заниматься спортом после школы, вынужден час выполнять домашнее задание. Это безобразие, возмущались мама и ведущий.

– Скажите, а на той конференции вам говорили “вы должны”, “вам надо подтянуть дочь” по какому-то предмету?

– Таких слов родителям никогда не говорят, даже если ученик не успевает по какому-то предмету... Мне тогда вспомнилась моя московская школа, как я сама при полном классе родителей на собрании произносила эти слова. Я понимаю теперь, как это неуважительно, резко...Когда я на той же конференции напомнила американским учителям, что я сама семнадцать лет проработала в школе и, если нужно в чём-то помочь дочери, я это с охотой сделаю, они улыбнулись и ответили: “А мы для чего?”

– Школа не перекладывает с себя ответственности за знания ученика на родителей?

– Ни в коей мере... Хотела бы ещё добавить. Я не умаляю заслуг российской школы, которой я отдала столько лет жизни. У каждой страны свои традиции педагогики, которые зависят от многих причин: исторических, семейных, экономических, от менталитета нации. В вашей газете, я сама это читала, много пишется о зарубежной школе, и в частности об американской. Я хотела просто обратить внимание, не “вгры-

заясь” в теорию педагогики, как мне кажется, на интересные, сложившиеся в Америке отношения: учитель-ученик-семья.

Афанасьев Игорь, “Учительская газета”, 1998, № 24.

**“Только сейчас в Англии я начинаю понимать,
как же мы корёжим наших детей!”**

Среди учащихся самой большой и самой прославленной лондонской средней школы, Холланд Парк скул, преподаватель “сайенс” (физика-химия-биология) миссис Пиротта имеет репутацию “очень серьёзной учительницы”. Что “в переводе” означает: миссис Пиротта в меру строга, в меру требовательна и блестяще знает свой предмет. Между тем не все её ученики в курсе того любопытного обстоятельства, что всего 5 лет назад миссис Пиротта была Ольгой Владимировной Чижовой, преподавателем из города Петербурга, а ещё раньше — блестящей выпускницей Ленинградского политеха, подающим надежды молодым астрофизиком. Судьба, однако, распорядилась так, что астрофизик из Питера вышла замуж за подданного британской короны и — превратилась в английскую учительницу.

— Признайтесь, Ольга, легко ли далось вам это превращение и не почувствовали ли вы себя в британской школе десантником, высадившимся на чужую планету?

— О нет, я совсем не чувствую себя десантником. Скорее даже наоборот, я пребываю в очень домашней атмосфере. У нас просто замечательный педагогический коллектив, здесь такая взаимопомощь, такое чувство локтя, о которых в своей питерской школе я, пожалуй, и мечтать не могла. Впрочем, может быть, в Лондоне мне просто повезло со школой? Что же касается моего собственного становления как британской учительницы, то, конечно же, сначала было очень и очень тяжело. Здесь абсолютно другие дети. Здесь абсолютно иной подход к детям. Здесь непохожие на наши законы общения учителя с учеником. Здесь учащимся позволено делать то, что никогда и ни при каких обстоятельствах не позволили бы делать в нашей российской школе. Проблемный, не желающий учиться ребёнок может сделать жизнь британского преподавателя сущим кошмаром: срывать уроки, ходить на голове, орать, включать магнитофон, выбегать из класса. Какая там дисциплина в нашем понимании этого слова! Некоторые классы просто стоят весь урок на рогах. Анархия, полная анархия! Хотя по-английски это называется свободой...

— И что же, британский педагог в ситуациях подобных бесчинств бесправен? Вы просто-напросто обязаны всё это терпеть?

— Нет, почему же. Мне дозволяется отчитать ученика, выгнать его из класса, накричать на него, если уж нервы совсем сдадут. Можно написать “донос” его классному руководителю или руководителю курса (это как бы надзорное звено всех классов данной ступени). После моих жалоб ученика могут поставить на так называемый ежедневный отчёт, когда после каждого урока он сам будет подписывать рапорт директору школы о своём поведении — это, надо признать, очень многих смутьянов приводит в чувство. Наконец, я могу позвонить родителям трудного ребёнка и, если мне улыбнётся редкое счастье, найти в их лице поддержку. Редкое, потому что, как это водится и у нас, в России, трудные дети, как правило, приходят из трудной семьи. Здесь тоже таких семей не счесть. Есть, правда, одна очень деликатная разница. В Британии существуют семьи, где попросту не признают грамотность. Звоню одной такой маме и слышу то, чего в России, честно говоря, слышать не приходилось: “Моему сыну не нужен ваш предмет. Ему вообще не нужны науки. Он у меня и писать-то толком не может...”

— Не секрет, что программы английской школы гораздо легче наших российских программ. Значит ли это, что в Британии учат хуже, чем в России? И если да, то в какой же мере миф о блестящем западном образовании — реальность?

— Я могу ответить однозначно и определённо: с точки зрения качества знаний российское образование, несомненно, лучше: богаче, разностороннее. Те ребята, которым довелось учиться сначала в российских школах, а затем оказаться в британских, с изумлением обнаруживают, что в 8-м английском они проходят по точным и естественным наукам то же, что проходили в 6-м российском, в 10-м классе здесь учат то, что у нас — в 8-м... У наших школ принципиально разные ориентиры: российская школа по своей программе рассчитана на сильных учеников, британская, наоборот, — на слабых.

— То есть вы хотите сказать, что наше образование строится по закону джунглей — выживает сильнейший? А здесь, как в санатории, — уход за немощными?

— Примерно так. Со слабыми здесь действительно нянчатся. В школах работают психологи, чтобы помогать проблемным детям преодолевать различные комплексы и фобии. Есть специальные группы поддержки для детей иностранцев, для которых английский — второй язык. Мало того, в школах существуют так называемые отделы специальных нужд. В них работают преподаватели, специализирующиеся на проблемных детях — тех, кому по тем или иным причинам учёба даётся трудно. На

наших уроках частенько присутствуют два учителя одновременно: один, предметник, ведёт урок, а другой, из отдела спецнужд, в это же время занимается исключительно своим подопечным, выступая для него эдаким поводырём. Эти индивидуальные наставники — страшно дорогое удовольствие для госказны (мы же с вами ведём речь о государственной школе!) и в конечном счёте для нас, налогоплательщиков. Но что делать, такова философия этого общества, таковы его приоритеты! Здесь вообще считается великим грехом невнимание ко всякого рода инвалидам. К сожалению, страдают при этом именно одарённые, яркие ребята, которым приходится снижать планку и которые зачастую остаются без должного участия педагога. Именно поэтому многие родители при малейшей материальной возможности стараются отдать своих детей в частные школы. Другое дело, что такая возможность в Англии существует не у многих — частное образование здесь безумно дорого.

Правда, и в государственной школе у способного, талантливого ученика тоже существует пространство для манёвра. В Великобритании, к счастью, нет той жёсткой прикованности ученика к классу своей возрастной ступени, которая существует у нас в России. Он может перепрыгивать на год вперёд, если покажет очень хорошие результаты на экзаменах и если его родители пожелают, чтобы он учился классом старше. Наконец, после 9-го класса все учащиеся по результатам экзаменов разделяются по двум категориям — более сильных и более слабых. И старшие классы делятся уже соответственно по уровню предлагаемых в них программ на “фундаментальные” и “повышенной сложности”.

— Если бы вам самой пришлось выбирать, где учить вашего ребёнка, в британской школе или в российской — преимущество изучения английского языка, чур, не в счёт! — куда бы вы его определили?

— Честно говоря, не знаю. Это очень трудный вопрос, на который я пока ещё не имею ответа. Благо мой Мэтью ещё маленький, и думать о школе нам пока рановато. Скажу так: если ребёнок способный — лучше отдать его в российскую школу, если слабый — лучше в английскую. Я твёрдо уверена лишь в одном — в здешних школах ребятам живётся счастливее, чем в наших. Здесь дети раскованы и свободны. В нашей же школе ученик находится под огромным прессингом — жёсткой дисциплины, плотной программы, постоянных требований, вечного “нельзя”, “не положено”, “не имеешь права”. Наконец, у нас чудовищно нервозна экзаменационная система.

— А разве в Британии не сдают экзаменов? Насколько мне известно, здесь их тоже предостаточно!

— Конечно, сдают. Но с абсолютно иным настроем. Помните, как мы боялись до дрожи в коленках завалить экзамен, получить плохую отметку — это же был конец света! А в здешней школе экзамены для ученика — такая заурядность, такая рутина! Здесь многие просто забывают прийти на экзамены: проспал — и все дела! Я в прошлом году как идиотка обзванивала своих учеников, чтобы они сделали одолжение и явились на экзамен, иначе школа будет оштрафована за низкие показатели. Здесь никто не трясётся: ну не сдал — сдам на следующий год, какие проблемы! Те, кто в старших классах не получают высший балл, так называемый, “эйлевэл”, и не могут поэтому поступить в университет, не делают из этого никакой трагедии. Они остаются ещё на год в этой же самой школе и чувствуют себя при этом невероятно комфортно. В России, другие условия, другие законы — одно сказать, армия!— я всё это понимаю... Но даже чисто психологически мы не готовы жить, как он. Возможно ли представить подобное у нас — не поступить в институт и вернуться доучиваться в свою же школу? Это же, помимо всего прочего, ещё и стыдно! У нас вопрос “поступлю — не поступлю” — это вопрос жизни и смерти!

— В британской школе к ученику никогда не обратятся по фамилии — только по имени. Что за этим стоит?

— В российской школе потому и обращаются по фамилии, что у нас каждый ребёнок, как винтик, ему пытаются жёстко указать его место, подчинить субординации. А здесь ученик — такая же полноправная личность, как и учитель, у него абсолютное право голоса, и он волен заявлять “это хочу, а это не хочу”. Он может сказать “мне плохо”, “я этого преподавателя не люблю, и вообще у меня нет с ним нормальных взаимоотношений!”. Он может нести такое!... У нас на это сказали бы: экая чушь, какое это имеет отношение к делу? Сиди и слушай урок! А здесь совсем не так: здесь это имеет прямое отношение к делу!

На фоне российского учителя его британский коллега — мученик; на его голову такое валиться! Учитель может идти по коридору со стаканчиком чай, его чуть ли не сбивают с ног — и этому нельзя возмутиться. Но это не значит, что мы растит разнужданных идиотов, просо здесь не ограничивают свободы, боятся — давить.

— А где же воспитывается знаменитая английская вежливость?

— Гм-м, честно говоря, затрудняюсь ответить. Школе это явно слабо удаётся. Во всяком случае, если ученик откроет передо мной дверь или посторонится в коридоре, я, наверное, от удивления просто потеряю дар речи.

— А почему здесь не принято вызывать учеников к доске, почему редко спрашивают на уроке, почему не задают домашних заданий?

— Всё потому же: не давить, не создавать стрессовых ситуаций. Не задают домашних заданий, потому что не принято много работать. Позанимался в школе — и довольно! На уроках здесь царствует такое понятие, как “дискуссия”. Но дернуть ученика к доске? Зачем? Ведь если он не готов, не знает — он будет нервничать, он почувствует себя дураком, выставленным на посмеище всего класса. Это травма, и подобное в этом обществе просто не позволительно. И тебе ученик может запросто ответить: “Не пойду!” Он может сказать: “Я сегодня не готов отвечать”, и это нормально, это — не проблема! Сама атмосфера здесь в британской школе иная — расслабленная, без нашей гонки, без нашего вечного “давай”. Только сейчас в Англии я начинаю понимать, как же мы корёжили наших детей. Не уверена, нужно ли получать это самое замечательно образование такой ценой? Что с того, что мы, россияне,— самая образованная нация в мире? Что с того, что у нас кочегар читает наизусть Пушкина, а у них даже выпускник университета зачастую не знает самых элементарных вещей? Так или иначе, но у них каждый находит свою нишу в обществе и это общество в целом тоже весьма неплохо функционирует. А у нас — одни сбои, и применения нашим познаниям — нет...

— Однако сами британцы не в восторге от своей системы образования. Для них это сегодня едва ли не самый больной вопрос.

— Это действительно так. Я должна признать, что внимание к проблемам школы в государстве просто огромное. Вы, наверное, обратили внимание, школьная тема не сходит с первых полос газет, это едва ли не главная новость каждого дня: сегодня реформируют зарплату учителей, завтра уменьшают численный состав классов, послезавтра звучит вопрос о том, как обветшали школьные стадионы — обсуждает вся страна! Вся страна участвовала в кампании по компьютеризации школ, ведущие фирмы были привлечены в качестве спонсоров. Проблемные, неуспевающие школы показывают по телевидению, их директоров демонстративно увольняют (недавно в одной такой школе отправили в отставку весь персонал). И наоборот, опыт успешных школ широко пропагандируется. О чём это говорит? По меньшей мере о том, что британская школа, в отличие от российской, не обижена вниманием со стороны правительства и общества в целом.

— Испытывает ли здешняя государственная школа материальные трудности? Знают ли в Британии, что такое нехватка бумаги, учебников, отсутствие компьютеров?

— В общем-то, нет. Судите сами: мы бесплатно раздаём детям учебники, карандаши, ручки, тетради. Здесь вообще не принято что-либо приносить с собой на урок — всё выдаётся в классе. То и дело слышишь: миссис Пиротта, дайте карандаш,

дайте тетрадку! Здесь достаточно компьютеров, здесь бесплатно можно пользоваться Интернетом.

– *Сколько зарабатывает учитель в британской средней школе?*

– Лично моя зарплата — 20 тысяч фунтов стерлингов в год (примерно 31 тысяча долларов), зарплата директора — 65 тысяч фунтов. Конечно, это очень приличные деньги.

– *Возможно хотя бы гипотетически представить, что британским учителям задержали зарплату?*

– Боже упаси! Это абсолютно не реально. И если даже по каким-то чисто техническим причинам подобное бы вдруг случилось, то “пострадавшим” наверняка выплатили бы потом некую неустойку: ведь здесь, как вы знаете, вся жизнь — в кредит. И если тебе задержат зарплату, ты в свою очередь задолжаешь выплату ссуды банку за дом, за машину, за обучение ребёнка в какой-нибудь эдакой частной школе... Нет, это просто невозможно. Представляю, какой здесь тут же поднимется скандал!...

Дмитриева Ольга, Лондон, “Учительская газета”, 1999, № 17.

По классу — босиком

Чтобы хорошо жить в Дании, высшее образование вовсе не обязательно

Начало учебного года у датских школьников каждый раз определяется особым образом, исходя из количества учебных дней в предыдущем году, а также продолжительности летних каникул (в Дании они в два раза короче, чем у нас, — всего полтора месяца). В итоге “первое сентября” приходится то на начало августа, а то и вовсе на конец июля. Что касается малышей, “первый раз в первый класс” они идут почему-то на два дня позже остальных школьников. Примечательно, что никто из них, не говоря уже о старшеклассниках, в первый день в школу как на праздник не идёт: никаких цветов учителям, никаких белых рубашек и тем более построений и приветствий. Для первоклашек всё торжество на первом уроке свелось к открыванию большого ящика с подарками.

Нас с моей сестрой Машей определили в восьмой класс. Ребята там примерно моего возраста, лет тринадцати-четырнадцати. В класс мы вошли вместе с учителем, он нас представил. На какое-то время воцарилась тишина. Как выяснилось позже, о России восьмиклассники имели весьма смутное представление.

Учитель предложил мне занять свободное место рядом с высоким худым парнем, одетым весьма непримечательно. Единственным “украшением” был ярко-белый чуб (правда, вскоре, на большой перемене, он зачем-то этот чуб себе прямо в кори-

доре взял и отстриг ножницами). На моём стуле, как и на всех других, лежала мягкая подушечка, обшитая тканью, когда-то очень яркой, но потускневшей не только от регулярного сидения на ней, но и из-за неформального использования на перемене. После урока, как только учительница вышла, ребята стали резвиться, брызгаться друг в друга водой, а потом подушками вытирать лужи на полу. Не своими, конечно, а тех, кто ушёл завтракать...

Маша оказалась за одной партой с девицей живописного вида, одетой по последней моде: широченные брюки клёш, юбка до колен, толстые вязанные гетры, также расклешённые, закрывающие ботинки на мощной платформе. Одежды, надетой на ней вполне хватило бы на троих. И это при том, что стояла жаркая погода!

Нам повезло: первым был урок английского. Мы оказались в равных условиях. Более того, когда в самом начале учитель попросил меня рассказать немного о себе, о России и я вышел к доске, то очень скоро мне пришлось говорить медленнее, потому что далеко не все ребята успевали понимать. Вообще они очень удивились, что в России, оказывается, знают английский. Особенно после того, как Маша (она на два года младше) стала отвечать на вопросы. Мы же их английский понимали без труда. Английский язык датчане учат так же, как и в наших обычных школах, — класса с пятого, причём не очень интенсивно. Зато к моменту окончания практически все по-английски говорят свободно. Жизнь учит лучше, чем школа. Вся страна — с нашу Московскую область. Сто километров отъехал — и датский язык кончился. Волей-неволей приходится учить другие языки.

Первая перемена оказалась очень короткой. Её хватило только на то, чтобы перейти в другое здание, где находился кабинет физики. Половину урока учитель объяснял, что такое солнечное затмение. Судя по всему, это была внеплановая тем — через несколько дней как раз ожидалось такое затмение и Дания должна была попасть в его полосу. Остаток времени все дружно кипятили воду, каждую минуту записывая показания термометра.

На перемене вернулись в основное здание. Тут я заметил, что перед тем как подняться на второй этаж, часть ребят переобулись в домашние тапочки — аналог нашей “сменки”, остальные просто разулись и пошли в одних носках. После звонка одна девочка, не успевшая допить на перемене кефир, поставила пакет прямо на парту и на уроке, не торопясь и, главное, не таясь, допивала его. Прямо как в кафе.

На уроке датского языка был диктант. Однако настроение у ребят после полу-часовой перемены было явно нерабочим. Поэтому минут 10-15 ушли на подготовку, а на самом деле оказались просто потерянными. Всем были розданы листочки, в которых под каждое слово было отведено место чёрточками разной длины (в соответ-

вии с длиной слова), а все знаки препинания уже расставлены! Оставалось только вписать слова. Учительница, сидя на столе, начала диктовать. Все принялись писать, но не ручками, а карандашами, поскольку так легче было делать исправления. Мой сосед по парте, закончив писать, разрисовал свой листок немыслимым образом, скомкал его и протянул учительнице. Я замер, ожидая, что сейчас произойдёт. К моему удивлению, учительница разгладила листок и как ни в чём не бывало положила его в общую стопку.

Набор основных предметов в датских школах похож на наш, однако единых программ нет. Учитель может учить, как ему вздумается, лишь бы потом его ученики смогли сдать выпускные экзамены.

Урок физкультуры начался почему-то в обычном классе, а не в спортзале. Оказалось, что нам предстоит соревноваться в беге с ориентированием. Для этого тренер включил диапроектор, показал на экране план школьной территории и места, где спрятаны 12 контрольных пунктов. Потом разбил всех на пары, выдал карты, сказал, кому какой пункт искать, и мы побежали. По-моему, это было очень лёгким занятием, совершенно не сравнимым со спортивным ориентированием в лесу! Во всяком случае мы с моим напарником Сэнди выиграли.

Посещая датскую школу, через некоторое время я почувствовал важное отличие от наших школ — это крайне демократичная обстановка. Так, здороваясь с преподавателем, можно запросто крикнуть: “Хай, Ингрид!” и весело помахать рукой. Многие учительницы, даже весьма пожилого возраста, ходят в шортах и с рюкзаком, а когда жарко, то по классу шлёпают босиком. Подход такой: хочешь учиться — учись, не хочешь — сиди, валяй дурака, только не мешай другим. В этом всё дело: ученик твёрдо знает, что **имеет право** ничего не делать и ему за это ничего не будет. Но он также понимает что другие **имеют право** заниматься. Как-то раз после физкультуры одна девчонка заявила в класс с обмотанной полотенцем головой. Видно, помыла и высушить не успела. Так и сидела весь урок в “чалме”.

...Через несколько дней мы продолжили обучение в другой школе, перебравшись из Фаборга в Оденсо (это, кстати, родина Андерсена). Жили мы на ферме у папиных друзей Йоргена и Ингрид. Владения Йоргена — 8 гектаров земли, у него 75 овец. Но при этом он работает в местном университете. Ну а Ингрид — учительница. Как раз в её школу мы и ездили, причём вместе с ней на велосипедах: 13 км туда, 13 обратно.

Для велосипедов у всех школ сооружены огромные крытые стоянки. Ну а тем ученикам, кто идёт пешком, дежурные старшеклассники помогают переходить дорогу.

В школе в Оденсе есть специальное отделение для детей с умственными отклонениями. Они занимаются в том же здании, только в одном его крыле, никак не отгороженном.

Что касается домашних заданий, то датчанам их задают мало. За час-полтора любой может справиться. Кроме того, программа гораздо легче, чем у нас. Да и требования ниже. Практически все старшеклассники два-три раза в неделю по вечерам работают: в супермаркетах, кафе, на автозаправках. С одной стороны, деньги на карманные расходы у родителей просить не принято, а с другой — многие начинают всерьёз задумываться над выбором дальнейшей профессии.

И ещё одно отличие школьного обучения в Дании — любой, кому надоело ходить в обычную школу, может перейти в альтернативную, таких там много. В них преподаётся гораздо меньше предметов, а больше времени отдаётся освоению профессиональных навыков, а также занятиям для души: музыка, турпоходы.

Все датские школьники спокойно относятся к образованию. В университеты берут всех желающих, да и поступают туда только те, кому это действительно нужно. А чтобы хорошо жить в Дании, высшее образование вовсе не обязательно...

Зимин Андрей, Учительская газета, 24 окт. 2000 г.

Часть III.

Там, где продолжают искать “собственный путь”

Замкнутый круг?

ПИСЬМО...

В этом году я закончила среднюю школу. Надо идти в самостоятельную взрослую жизнь. А подготовлена я к этой жизни? Пробую анализировать. Школу я закончила на хорошо и отлично. Родители хотят видеть меня в институте. В каком? Какая разница, какой институт! (слова моих родителей). Да с родителями мне не повезло. А школа, учителя?

Расскажу только один эпизод из школьного “воспитания”. На районную предметную олимпиаду нас пришло много. Задачи оказались трудными. Мы сидели и переглядывались. Что же делать? И вдруг — неожиданное. Входит в класс моя учительница и кладёт на парту все решения задач. Затем началась беготня и других учителей. Какой у них был вид? Стыдно за них. А потом — грамота за первое место. И так повторялось на каждой олимпиаде. А десять лет на воспитательных часах говорили о честности, справедливости и т.д.

Значит, права моя мать: воспитательные часы — это теория, а на практике... Неужели все говорят одно, а делают другое? Как же жить?

Лена Т., Киев.

И КОММЕНТАРИЙ...

Вот уже и до олимпиады, этого изначально свободного, творческого состязания вне школы, докатилась свойственная иным школам погоня за показателями!.. Уже о чём столько писали, бичуя “процентоманию”, уже первое место и грамота на олимпиаде, как утверждает письмо,— “липа”.

Вдумайтесь: не смекалка и знание воспитанников, а бессовестность, изворотливость воспитателей вступают в состязания! А потом классный час, на котором “о честности и справедливости”... А потом — выпускной вечер, на котором о светлых прямых дорогах, служении вере и правде...

Да кого же мы хотим вырастить?

Из всех зол, которые подстерегают человека — и общество — в его движении и росте, самое злое зло — вот оно: “Говорят одно, а делают другое”. Разрыв между

словом и делом. Сталкиваясь в лучшем случае с необязательностью, которой оборачивается этот разрыв, а в худшем — с общественным лицемерием: с трибуны святыне истины, а за ней, трибуной, жизнь, достаточно хладнокровная, вне этих истин, — молодой человек, в силу своей молодости склонный к категоричным обобщениям, задумывается: “А не все ли так поступают?...” Прибавим сюда родительское “благословение”, “Теория одно, а практика другое”, и мы получим источник сомнения Лены в истинности самих истин. Вот откуда вопрос-крик: “Как же жить?”

Но Лена уже живёт. Это только почему-то считается, что жизнь начинается после школы, а социальный опыт складывается за её порогом. Первые крупинки такого опыта мы можем увидеть уже в этом письме.

Обратите внимание на деталь: “Так повторялось на каждой олимпиаде”. Значит, было время задуматься не только учителям, но и самой Лене? Ну, хорошо, в первый раз растерялась от неожиданности, поддалась искушению — так хотелось быть первой... Ну а потом-то? А потом снова шла, снова брала чужое и снова выдавала за своё. И, наконец. 1-е место. Грамота. Она ведь приняла её. И только тогда, когда и олимпиада, и школа, и учителя — всё это осталось позади, было написано анонимное письмо в редакцию... Перечитаем его: в нём нет муки человека, пошедшего на компромисс, страданий солгавшей совести, горьких упреков себе. От отца и матери Лена просто отмахивается небрежно: “С родителями мне не повезло”. Учителей — судит: “Стыдно за них”. А за себя ей не стыдно... Но ведь это и есть тот самый разрыв между словом и делом, против которого Лена протестует.

Вот он, замкнутый круг...

Часто встречаешься с ним: приходят в редакцию письма с возмущением против взяток — а сами авторы писем их давали, сообщают об это спокойно, дескать, они ведь жертвы, и только. Кричат, что “блат” заел, а сами норовят к дому только нужных людей привадить. Ворчим, обличаем, судим — в анонимках, после, а не во время собрания, дома, за чашкой кофе, у пивного ларька, осмелев, охмелевши...

Ну а кому размыкать замкнутый круг? И тут частенько готов выход: “Вы, Иван Петрович, наша совесть. Пусть совесть не спит!”, “Что-то вы, Мария Петровна, уже давненько начальство не критикуете, оно и подрастусилось”. А сами сторонкой. А сами — шепотком...

В это же самое время, год назад, в редакцию пришло письмо от другой десятиклассницы. По совпадению — тоже Лены. Только с фамилией и точным адресом. Лена Серебрякова столкнулась в своей школе с теми же методами воспитания, что и Лена Т. И вступила в конфликт. Серьёзный: достаточно сказать, что она, лучшая ученица школы, перестала сдавать экзамены на аттестат зрелости (См. статью “На

косогоре” в нашей газете 10 августа прошлого года). В чём угодно может упрекнуть себя Лена Серебрякова — только не в том, что думала одно, а делала другое.

Трудно ей было?

Ей и сейчас трудно — хотя директора школы освободили, и Лена сдала экзамены, и с аттестатным баллом “5” поступает в институт. Трудно всякому, кто борется, а не ждёт, видя зло, чтобы с ним боролись другие — безопасных идеалов, как известно, нет.

И всё же, поговорив о следствиях, вернёмся к причинам. Письмо Лены Т. не указывает ни адреса школы, ни фамилии учителей: узнают ли они себя? Узнают. А узнав, пусть остановят себя, когда, столкнувшись с апатией или цинизмом своих воспитанников, они в негодовании и растерянности всплеснут руками: “В школьных сочинениях — одно, а в жизни — другое. Откуда это в них?”

Да всё оттуда же: из поступков, которые противоречат словам.

Руденко И., “Комсомольская правда”, 11 августа, 1976 г.

Бесталанные ученики?

“Дорогая редакция! Обращаемся к тебе с большой нашей тревогой. Мы учимся в старших классах — восьмом и девятом. И с учёбой попали в тупик. Нам никак не одолеть программу по математике, физике, химии. Многого не понимаем, а зубрёжкой не всё возьмёшь. К каждому параграфу по двадцать задач, одна мудрёнее другой. Решаем их дома до умопомрачения, но они у нас не получаются. Приходим на урок, наполучаем двоек и — новую порцию непонятных нам задач. И так изо дня в день, из года в год

Учителю нет времени сидеть на одной теме до тех пор, пока её усвоят все ученики. Один-два поняли, и дальше... Самим же нам не разобраться — такие заумные учебники. Мы думаем, что и вы не решили бы многие задачи из учебника геометрии для 9-го класса или из алгебры. Наверное, у авторов учебников такая память, что они один раз прочитают что-нибудь, и помнят всю жизнь, а для нас эти учебники — ужас! Вот и ходим мы в “дебилах”, как называют нас учителя: отупели от огромного количества информации, ничего уже не хочется. В школе нас ругают, дома упрекают, и никому не понять, что мы просто бессильны осмыслить то, что пытается объяснить учитель, что написано в учебнике. Почему так: упрекать нас в неблагодарности можно, а вот сделать доступной программу — нельзя? Тихие молчат — смелые дерзят. Одних лечат, других ругают, попадает и родителям. Стыдят всех. И никому не понять, что разбитые окна — это протест против непосильной программы. Если так

будет продолжаться, то средняя школа будет выпускать психов, а не всесторонне развитую личность.

Нас гонят в ПТУ. А там специальность — штукатур да каменщик. А мы хотели бы стать воспитательницами, медсёстрами. Но для этого надо иметь среднее образование, которое нам никак не одолеть... Ну, выводят нам тройки (2, 3, 2, 3 — в результате 3), но это нечестно, всё равно мы материала не поняли. Честнее было бы, если бы в свидетельстве за 8 классов или в аттестате стояло бы: алгебра — неуд, история — отл., геометрия — неуд, труд — отл., и т.д. И нисколько не унижительно: ясно, что человек имеет гуманитарные способности. А вот с кличкой “дебил” ходить унижительно. И родителей жалко: чуть что — “напишем на производство, лишим премии”. Что они могут сделать? Они же в этом учебнике сами не разбираются и помочь нам не в силах.

Или формировали бы классы математические и гуманитарные. Не на кого было бы пенять — сами себе выбрали направление.

Что это за юность, если голова вечно болит от непосильной учёбы? Не хочется ни петь ни веселиться. Непонятная учёба — это просто каторга.

Просим нам, дорогая редакция, дать ответ: что нам, ученикам со средними и плохими способностями, делать? Как одолеть программу?

Будет внимательно читать вашу газету, ждать ответа.

13 подписей. Вильнюс. “Комсомольская правда”, 1978 г., 12 марта

Самообман

Средняя норма удобна, пожалуй, для середняков, но мы нередко ориентируемся лишь на усреднённые показатели — эта мысль, ставшая лейтмотивом статьи писателя З. Балаяна “Суть посредственности”, вызвала у читателей спор. Одни не согласились с ней, но большинство, как оказалось, разделяет точку зрения автора, настаивает на продолжении разговора. Сегодня писатель размышляет над полученной почтой.

Начну с письма, автор которого просил не называть имени, хотя он его и не скрывал. “Прочитал я “Суть посредственности”, и первое, что пришло в голову,— “лёд тронулся”. В самом деле, у нас почему-то считается зазорным говорить вслух, в открытую о способностях человека, вернее, об отсутствии способностей. А почему, собственно? Стыдно не иметь к чему-либо способностей? Но разве такое может быть стыдным?! Не думаю, что у кого-либо вызывает протест ставшая популярной песня, в которой недвусмысленно говорится: “Трус не играет в хоккей!” Выходит, если я не играю в хоккей, значит — трус? Мы ведь таких выводов не делаем. Мы просто видим,

что творится на хоккейном поле, и дух захватывает. И всякий раз убеждаешься, что это действительно мужественные люди. И ничуть не страдаешь от того, что ты так не можешь и не сможешь. И тебя не мучает пресловутый комплекс неполноценности...”

Письмо длинное, обстоятельное. История, рассказанная в нём, не могла оставить равнодушным. И после некоторых раздумий я рискнул отправиться в один из городов Северного Кавказа. Встретил меня человек лет пятидесяти. С заметным брюшком. Вид явно не спортивный, и пример со спортом для него, видимо, чистая случайность.

— Да ведь в статье “Суть посредственности” вы сами часто ссылаетесь на спорт! И это вполне понятно,— говорит мой новый знакомый. — В спорте действительно критерии осязаемы. Если уж ты не способен толкнуть двести пятьдесят шесть килограммов, значит, не способен — и всё тут. И из этого никто не делает трагедии. Если же тебе попытались объяснить, что ты, мягко говоря, не соответствуешь профессионально занимаемой должности, что ты бездарный специалист, то тут хлопот не оберёшься. Нужны ощутимые доказательства. А их трудно найти.

— Критерии не те, что в хоккее,— вставляю я слово.— Да их, собственно, и нет, критериев. Иногда, правда, предлагают тесты...

— Да что тесты! — машет рукой собеседник. — Что тесты? Модная панацея века! Человек средних способностей практически может ответить на тысячу вопросов. Но вот древние говорили, что всезнайство — это ещё не ум, не мудрость. Они утверждали, что невозможно довольствоваться знаниями, полученными из вторых рук, ибо “чужое” знание может кое-чему научить, но по-настоящему мудрым человек может быть только собственной мудростью...

Он горячиться, вскакивает и прохаживается по комнате.

— Ошибочно думать, что многознание есть достоинство. Важно не количество, а качество знания. А любые тесты, конечно, в первую голову определяют “многознайство”, но не ум, не талант, не потенциал личности.

— Вот оно что! Любопытно. — Рискуя быть неучтивым, я бросаю в костёр беседы нечто резкое, может быть, не слишком корректное: — Относите ли себя, извините за прямоту, к очень способным людям?

— Трудно ответить на такой вопрос. Вот видите, сами извиняетесь, как изволили сказать, “за прямоту”. Мы ведь все не приучены давать себе самооценку... Что обо мне говорить? Я всего лишь младший научный сотрудник. Правда, я в школьные годы был победителем многих физико-математических олимпиад и школу окончил с золотой медалью, но вот чемпионским характером никогда не обладал.

Вот его рассказ, записанный мною почти дословно:

— С Андреем, моим нынешним начальником лаборатории, сидели за одной партой. Он был старше меня: в младших классах в то время, бывало, ещё оставляли на второй год за неуспеваемость. Андрей, естественно, в классе был самым рослым, самым представительным. Чувствовал преимущество: его никто не мог обидеть. Мало того, перед ним, бывало, лебезили, заискивали, искали у него защиты слабые. И он привык к своему превосходству, хотя сильно хромал по всем предметам, пожалуй, за исключением физкультуры. Мне даже пришлось его “подтягивать” по просьбе классного руководства.

Поступили с Андреем в один и тот же институт. Тогда не было никаких конкурсов аттестатов, как и вообще больших трудностей при поступлении в вуз. Спортсменам делались поблажки. Андрей был разрядником. Учились в одной и той же группе. Все пять лет. С Андреем мы оставались друзьями. Но, как бы это поточнее выразиться, друзьями по инерции, что ли. У него был свой круг близких людей. Андрей был заводилой, без него не обходились кутежи. Словом, компанейский, весёлый, но, как говорится, бесшабашный парень.

Прошли годы, я уже работал в крупном НИИ научным сотрудником, заведующий нашей лабораторией вышел на пенсию, и нам прислали нового начальника. Когда заместитель директора стал его представлять, я обомлел: Андрей! Выяснилось, что он уже успел где-то “поруководить” аналогичным коллективом, но то ли не сработался с сотрудниками, то ли иная была какая-то причина, но решил перейти к нам. Прошёл слух, что есть у него влиятельные в нашей сфере знакомства. В это легко можно было поверить, зная его общительный, весёлый нрав. Но Андрей никогда не отличался способностями в науке, да и вообще прилежанием в деле. Может, переменился, стал другим? Оставалось лишь надеяться.

Увы, он не изменился. Не очень-то “погружался” в дела лаборатории, скользил по поверхности. В нашей работе нуждаются десятки предприятий. И мы вроде бы делаем своё дело. Но, как показывает жизнь, рекомендации наши или бывают запоздалыми, говоря профессиональным языком — морально устаревшими, или просто в своей сути неверными. Как мы остаёмся целёхонькими — одному Богу известно. Любые жалобы каким-то образом удовлетворяются. Бывает, на помощь приходят смежные лаборатории. А их, этих самых смежных, четырнадцать штук. И со всеми Андрей поддерживает контакты, приятельские отношения. Когда же, случается, сгущаются тучи, он идёт к своим влиятельным знакомым, возвращается, как правило, с хорошим настроением...

Смотрю порой на моего однокашника, и мне становится жаль его. Я вижу, как много усилий тратит он, чтобы хоть каким-то образом прикрыть свою несостоятельность, свою посредственность.

Одно письмо и одна судьба. Возвращаясь из командировки, я всё время думал о ней. Как могло случиться, что посредственность перевесила способности на весах деловой карьеры?

Мне захотелось вновь перечитать почту, вызванную статьёй “Суть посредственности”

У значительной части корреспондентов “ЛГ” встречается одинаковая мысль о том, что у посредственных руководителей, как правило, и предприятия (институты) бывают посредственными. При “типовых” усреднённых требованиях, ко всем одинаковых, посредственный руководитель может жить себе припеваючи. Ведь к нему не придерёшься. Что “положено”, он выполняет. И он, представьте себе, весьма хорош для середняков в коллективе.

По мнению читателей, одна из распространённых бед в сфере управления связана с тем, что люди садятся не на своего коня. В письмах много примеров: строитель является в образе директора мебельной фабрики, архитектор руководит оптическим предприятием, механик “шефствует” в электронике...

“Среднестатистические ориентиры,— пишет Л.Баранов из Днепропетровска,— помогают посредственности чувствовать себя уверенно. Конечно, тут проявляются и всякие случайности, а чаще всего можно обнаружить протекцию. Середняк, посредственность может годами руководить предприятием, которое при средних нормах всегда сможет всеми правдами и неправдами, авралами да приписками выполнять план...”

Инженер В.Вдовин из Анджана: “Нужные не средние, а максимальные нормы — они и есть предельно оптимальные задания для человека. Требования по большому счёту, пожалуй, исключили бы такие понятия, как престижные и непрестижные профессии”.

Экономист А.Шапошников из Ленинграда: “Человеку, лишённому музыкального слуха и голоса, никогда не придёт в голову мысль стать оперным певцом, каждый знает, что в искусстве, как и в спорте, действуют только максимальные требования, напряжённые нормативы. Кроме всего прочего, они воспитывают умение самокритично относиться к себе, к своим данным. Нет голоса — значит, нет. И нечего тут паниковать. Нет таланта организатора производства — нечего лезть в организаторы. Однако лезут. В оперном театре человека без слуха освистывают. А на производстве посредственность будут терпеть. Критерии другие: “в среднем” он подходит. А были

бы требования максимальными, вряд ли человек, лишённый божьей искры организатора, полез бы в сферу управления. Не полезет, если будет твёрдо знать, что сёрность не пройдёт.”

С читательской почтой я ознакомил автора труда “Принцип выбора нормативов при управлении” Б.Б. Мелик-Шахназаряна. Богдан Багратович согласился:

– Средняя норма плоха уже тем, что, достигнув её, человек считает себя удовлетворённым. Достиг, мол, своей цели, а стало быть, и выполнил долг до конца. Это и к коллективу относится.

– Но разве нельзя идти дальше, если позволяют способности и возможности? Скажем, добровольно выполнить более напряжённую норму?

– А фонд зарплаты? Кто-то выполняет две нормы. Сосед по станку видит, что тоже сможет выполнить. И таких, предположим, найдётся много. Значит, нужно всем платить двойные ставки? Лимит зарплаты не позволит. Он, лимит, тоже среднестатистический.

– Наше общество — динамично развивающееся. Значит, по логике вещей, любая средняя норма устаревает буквально на глазах. Выходит, её надо менять чуть ли не ежедневно?..

– Ничего не поделаешь. Оптимальные требования всегда стремятся вперёд в полном соответствии с динамикой общественного прогресса. Надо учитывать и конкретные ситуации, обстоятельства, условия. Если вернуться к спорту, то можем вспомнить, что конькобежные рекорды регистрируются отдельно, в зависимости от места расположения катка. Равнинные и высокогорные. И справедливо — условия разные. Но разве правильно, когда по одной и той же норме должен работать водитель, получивший новую машину, и тот, кто, подобно Козлевичу, денно и ночно возится со своей дряхлой “Антилопой-Гну”?..

Я начал этот обзор почты с рассказа о судьбе человека и закончить хочу тем же. Вот одно из писем, лежащих на моём столе. Автор его — московский педагог Б.Щукин:

“Четверть века работал в школе, и хоть до пенсии далеко, но говорю в прошедшем времени — работал. Я оставил школу. Двадцать пять лет собирался совершить этот шаг. Но не решался. Духу не хватало. Думал, полюбится. И вот, наконец, решился. Началось это давно.

В школе, помню как сейчас, все в один голос утверждали — у меня блестящие математические способности. Мне действительно легко давалась математика. С детства интересовался техникой. Ещё пацаном научился довольно лихо водить мотоцикл и машину. Сам ремонтировал. Изобретал. Однако родители, да и учителя

тоже, желая, видимо, сделать из меня круглого отличника, заставляли по полдню сидеть за учебниками по литературе, которая не нравилась мне, да и плохо давалась. О математике никто не беспокоился. С ней же у меня не было никаких хлопот. Её, видите ли, Бог дал. А вот “литературой” обделил.

Значит, надо тренировать то, что тебе не дано Богом. Вот я и тратил всё своё время на так называемые гуманитарные предметы. Да ещё вдобавок ко всему в девятом классе не повезло. Пришёл новый учитель по математике. О таких говорят “плохой человек”. Невзлюбил я его. И из-за него вконец забросил некогда любимый предмет. Родители добились своего. Я “выровнялся”. Но во мне филолог не родился. Зато погиб техник, математик. Родители и школа, казалось, сделали всё, чтобы из меня воспитать посредственного специалиста. Сейчас я работаю на автозаводе. Люблю свою работу. Но чувствую, как много потеряно. И потеряно безвозвратно. Так я стал жертвой средних норм, о которых вы написали в “Литературной газете”. Ведь по этим самым, с позволения сказать, нормам при моих худых способностях, лингвистических и гуманитарных, удалось стать отличником! По ним же я проработал четверть века. И лишь с великим опозданием пришёл к выводу, что всё это было самообманом, переросшим в личную драму. Так пусть пример мой, я бы даже сказал, судьба моя станет другим наукой...”

К этой исповеди комментарии не нужны. Тут, как говорится, ни убавить, ни прибавить.

Балаян Зорий, “Литературная газета”, 1981 г., 1 июля

Школа-гигант. Зачем?

Слово “гигантский” стало привычным для нашего словаря. Заводы, электростанции, пашни, железные дороги, нефтепроводы — всё у нас огромное.

Однако в стремлении к масштабности мы иногда увлекаемся. Забываем, что гигантское хорошо только там, где оно оправданно. Наблюдательные люди давно заметили, что в маленьких школах и дети и педагоги гораздо ближе друг к другу. В маленькой школе и дружба крепче, и отношения мягче. Старшие нежно заботятся о младших, те платят старшеклассникам сердечной привязанностью. А ведь этим отношениям цены нет. Они делают характер, формируют моральный облик человека.

Чтобы воспитывать (а не только учить!) своих питомцев, педагоги, и прежде всего директор школы, должны иметь исчерпывающие знания о каждом ученике. *“Обширность и многолюдство учебного заведения,— писал К.Д. Ушинский,— никогда не должны превышать пределов возможности личного наблюдения и влияния глав-*

ного воспитателя... Опаснее всего для заведения, если в нём набито столько воспитанников, что наблюдение за ними становится для главного воспитателя невозможным... Такой же точки зрения придерживался А.С.Макаренко.

Если это так, то чем объяснить, что наше просвещение получает год от года всё больше школ-гигантов, в которых не только школьники — педагоги встречаются друг с другом, как прохожие на улице?

Объясняют примерно так: большая школа лучше вписывается в современные городские микрорайоны. Но разве это аргумент? Это всё равно, что в большом городе строить просторные квартиры, а в маленьком обходиться клетушками.

Есть и такое соображение: а не всё ли равно, сколько в школе учеников? У каждого свой класс, свои учителя. Это доводы тех, кто видит в школе только учебное заведение, для кого воспитание — тайна за семью печатями. Правильно, для учебного процесса в одной школе можно иметь хоть тысячу классов. Но воспитание ставит предел: если школьников больше, чем несколько сотен человек, процесс нравственного формирования становится неуправляемым.

В Донецке, на живописном берегу Кальмиуса, построили настоящий школьный дворец. Каждый класс, точнее кабинет, оснастили самой современной техникой. Кабинет директора оборудовали, как диспетчерскую большого завода. Нажал кнопку — и на экране телевизора 7-й “Б”. Нажал другую — 10-й “Д”. Сиди и наблюдай. И вот ведь парадокс. Не сидится директорам в этом кабинете. Не смотрится на экран. Бегут они из этого дворца. Один из талантливых директоров Г.А.Коликов разъяснил: *“Ухожу в Марьинский детский дом. Согласен каждый день ездить тридцать километров в один конец, но воспитывать 2.500 человек с помощью телевизора я лично не могу. Воспитанию нужен коллектив, а как его построишь при такой количестве народа?”*

Нельзя сказать, чтобы гигантомания в школьном строительстве процветала спокойно. Не раз пресса бросала в неё громы и молнии доказательной критики. Несколько лет назад министр просвещения СССР писал: “Многоэтажное строительство в городах, увеличение численности городского населения выдвигает проблему организации всё более крупных школ с численностью учащихся 2,5 тысячи и более. Несколько десятков таких школ уже работают. Но вот проблема — чрезмерно большой школой трудно руководить. Нам предстоит научно определить оптимальный размер школы в городе”.

Но гигантоманию не только критиковали. Ей противопоставляли разумную альтернативу. Ещё в 70-е годы родилась идея школьного комплекса, суть которой состоит в том, что две, три и более школ, каждая на 700 учащихся, строятся на одной пло-

щадке и соединяются короткими переходами с общим для всех зданий многоцелевым блоком. В блоке располагаются актовый зал, рассчитанный на количество учащихся одной школы, столовая, несколько спортивных залов, центр управления техническими средствами, бассейн, библиотека, мастерские.

Каждая школа возглавляется своим директором. Многоцелевым блоком руководит административный директор, который отвечает за хозяйственное состояние всего комплекса. Учебная нагрузка учителей решается в масштабах комплекса: если в одной школе часов не хватает, их можно получить в другой. Но, как показал опыт, практической необходимости в этом не возникает. В таком же порядке организуется кружковая работа, функционируют факультативы, размещаются учебные кабинеты. Что касается воспитательной работы, то здесь каждая школа выступает как автономный коллектив. Строителям остаются дорогие их сердцу пропорции, а педагогика получает управляемый воспитательный процесс.

К слову, наши друзья в ГДР сразу оценили эту идею. В 1970 году они познакомились с описанием комплекса, а спустя полтора года построили в городе Котбусе пробный образец. Теперь в республике сооружение школьных зданий ведётся исключительно в виде комплексов.

Немецкие коллеги пошли дальше. В состав комплекса они, кроме общеобразовательных школ, стали включать детские сады, профессиональные училища. По субботам и воскресеньям часть многоцелевого блока поступает в распоряжение жителей микрорайона (за небольшую плату). Здесь устраиваются концерты, торжественные и деловые встречи.

...Есть на Украине в Полтавской области молодой город Комсомольск. Энергичным, творческим оказалось руководство города. Школьный комплекс понравился ему с первого взгляда. И городская школа № 3, в которой обучалось 1.600 человек и архитектурное решение которой почти идеально соответствовало идее комплекса, была поделена на три коллектива, соответственно с тремя комсомольскими и тремя пионерскими организациями. Завучей поставили директорами, организаторов внеклассной и внешкольной воспитательной работы — завучами, а сам директор Василий Дмитриевич Масный стал административным директором. Лишних денег не понадобилось.

Эксперимент прошёл без сучка и задоринки. Новая структура школы стала привычной уже через две-три недели. Между тремя коллективами быстро установились деловые контакты. Заметно окрепли порядок и дисциплина, повысилась личная ответственность педагогов за воспитание и обучение школьников.

Но так, к сожалению, бывает, что перспективные начинания держатся волей и убеждённостью, энтузиазмом их авторов. Через полтора года В.Д.Масный уехал в Умань заведовать кафедрой педагогики. Его преемник не смог — а может, и не захотел — продолжить работу так, как она замышлялась. Пришлось вернуться к прежнему положению вещей.

И тем не менее главное было сделано. Комплекс обнаружил значительные преимущества по сравнению со школой-гигантом. И если бы теперь, когда полным ходом идёт реформа школы, органы просвещения взяли ясный, определённый курс и на школы-комплексы, то это решение, несомненно, получило бы поддержку на местах. Нашлись бы чуткие к новому, напористые люди, способные гарантировать успех новому делу.

Кумарин В., Москва. "Труд", 1985, 21 июня.

Школа с уклоном в будущее

Ежегодно наблюдаю, как тысячи молодых людей штурмуют вуз. Подавляющее большинство остаётся за барьером. То есть получает страшный эмоциональный, психологический, нравственный удар.

Никогда не мог понять, почему мы не бережём молодое поколение и зачем ему начинать самостоятельную жизнь со стресса.

Постоянно слышу упрёки в адрес школы: она не готовит людей для практической жизни, не воспитывает гражданина, гармоническую развитую личность. Жду, кто же и когда объяснит, почему школа не отвечает запросам общества. Жалуются на перегрузку, на неудачные программы, методики... А главное противоречие школы как системы остаётся не раскрытым.

Между тем оно было заложено, когда после революции из всех типов школ именно гимназия стала постепенно прообразом советской школы.

За сорок послевоенных лет школа менялась лишь "косметически" (раздельное обучение — совместное; одиннадцать лет — снова десять; политехническая — снова обычная и т.д.), но никто почему-то не вгляделся в корень её неверно устройства.

Главное противоречие современной школы заключается в том, что её массовый характер и трудовая направленность не сочетается с устаревшим элитарно-гимназическим принципом изучения "предметов" или так называемых "основ наук". Это противоречие поддерживается всеми специалистами так называемых школьных "наук", и они будут до последнего вздоха защищать свои "основы" в том объёме, какой им удалось протащить в школу на сегодняшний день. И все схватки, все сра-

жения идут по линии “часов”, которые то сокращают, то возвращают в школьную программу. И нет в системе народного просвещения специалистов по... народному просвещению, которые сумели бы подняться над ведомственными спорами, чтобы решить проблему глобально: чему и как учить.

Ключом к такому решению, на мой взгляд, является формула из документа ЦК КПСС по школьной реформе: школа должна готовить к жизни.

Забудем про опыт гимназии и чисто теоретически посмотрим, что значит быть готовым к жизни. Это значит, что нужно владеть знаниями и навыками, которые условно можно разделить на четыре полностью равноправных цикла: грамотность, этика, эстетика, здоровье (физическая культура).

Грамотность. Это умение не только читать и писать на родном языке. Это такое же знание иностранного языка. Это арифметическая грамотность. Это умение общаться с компьютером, знать язык программирования. Иметь общее представление о науках.

Этика. Это воспитание человека для жизни в обществе. Здесь проблемы мировоззрения, поведения, умения ориентироваться в обществе, владеть собой. Это знание законов и социальных норм общества, своих прав и обязанностей как гражданина. Тут и проблемы семьи. И социальная грамотность (куда и как обратиться в обществе для разрешения жизненных проблем).

Если для первого цикла школа в принципе готова, имеет большой опыт преподавания, то второй цикл почти не разработан. Например, литература имеет колоссальное значение для воспитания гражданского чувства. Но сегодня преподают не литературу, а основы литературоведения, а точнее, судя по газетным дискуссиям, “препарирование” классических произведений. Но для второго цикла требуется иной ракурс преподавания литературы: и классика, и современные произведения должны давать лишь материал для размышления человека о месте в обществе.

Эстетика. Это совершенно не изученная, не решённая и практически не начатая работа в школе — воспитание эстетического чувства в молодом человеке. Это снова литература, но опять в ином ракурсе — просто научить любить книгу, возбудить острое желание читать. Это и музыка, пение, и рисунок, графика, живопись. И танец, конечно. В общем, вся эстетическая сфера, без которой воспитание молодёжи нельзя считать полноценным.

Легко объяснить, почему у нас эстетическое воспитание оказалось в загоне. Ученик гимназии получал ещё и домашнее воспитание, барышни непременно пели и брэнчали на фортепьяно. В гимназии, взятой как модель государственной единой школы, естественно, не нашлось места для эстетического цикла. Сетка часов оста-

лась почти неизменной. Отсюда и расхожее мнение, что из гимназии почему-то выходили “культурные” люди, а из нашей средней школы — не очень.

Физическая культура. Понятно, что гармонически развитый человек должен быть здоровым, владеть своим телом, знать, что происходит в его организме, уметь оказать себе и другим первую медицинскую помощь. Этот цикл абсолютно равноправен с тремя другими, а для всей последующей жизни — чуть ли не самый важный. Не понимаю, почему детей освобождают от уроков физкультуры по медицинским показаниям, когда давным-давно существует лечебная физкультура. Ни один школьник не должен быть лишён этих занятий, но каждый имеет право на индивидуальную программу. Коли перенёсших инфаркт лечат физическими упражнениями, то странно освобождать детей от самых жизненно нужных им движений.

Но учитель не должен готовить разрядников в школе, его основная забота — массовость и здоровье учеников. Я бы даже дисквалифицировал учителя, который особое внимание уделяет спортсменам, у них есть своя база и свои тренеры.

Пресловутых домашних заданий быть не должно. Если каждый день посвящать один урок предмету каждого цикла, то никакой нужды в домашних заданиях не будет. Субботу следует отдать физкультуре, быть может, в сочетании с познавательными экскурсиями и турпоходами. Несправедливо загружать детей обычной работой шесть дней в неделю при пятидневке у родителей.

После учёбы в такой школе в течение 8-9 лет (больше не нужно) общество получит полноценный “продукт” — гармонично развитую личность. В последний год в рамках этического (или, лучше сказать, социального) цикла особое внимание должно быть уделено вопросам профориентации, чтобы 15-летний выпускник мог сознательно выбирать свою будущую специальность.

Вы спросите, а где же наука — математика, физика, химия, биология, история, география? Думаю, одного часа в день, то есть пятого урока, достаточно на все эти дисциплины.

Ещё раз подчеркну: ни одна из них в отдельности не может быть приравнена (а значит, и уравнена в часах) с названными выше циклами.

Рассмотрим это положение на примере математики. Сегодня она занимает пятую часть всей школьной программы. Кто-нибудь скажет мне: зачем? Кто из вас, нематематиков, решал в быту квадратные уравнения? Кто хоть раз воспользовался теоремой о внутренних углах треугольника? Почему же никто не спросит о тех потерях, которые несут одно за другим целые поколения, не имеющие времени изучить медицину, музыку, ремёсла и т.д.? Сколько математики нужно для жизни — столько она и должна занимать детского времени, ни больше, ни меньше.

Только массовым гипнозом могу объяснить тот факт, что никто за десятилетия не взялся оспорить стереотип: математика-де развивает дедуктивное мышление, которое жизненно необходимо культурному человеку. Но ведь это не так! Дедуктивное мышление составляет лишь небольшую долю среди прочих его видов. И требуется оно исключительно учёным-теоретикам. Даже в прикладной математике — как чётко разъяснено в недавно вышедшей монографии — дедуктивное мышление, как правило, мешает, а главную роль играет мышление рациональное (по “здоровому смыслу”).

Теперь окинем взглядом так называемую “систему” знаний по математике. Откуда взялась та геометрия, которую изучают школьники? Из Древней Греции. А что за алгебра, которой мы мучаем детей? Это создание пятнадцатого-шестнадцатого веков. Недавно колоссальным напряжением внедрили в школу интегралы (может быть, скоро уберут). Это создание семнадцатого века. Вот и всё. Вы думаете, что в последние триста лет математика не развивалась? Да нет же, последние триста лет — время интенсивнейшего развития этой науки, чрезвычайно богатого, идейного, культурного... Где же её открытия в школьной программе? И о какой вообще “системе” мы ведём речь?

Если сравнить с литературой, то это всё равно, что закончить её изучение былинами и парой летописей. Зачем же называть этот предмет “основами науки”, “систематическими знаниями”?

Примерно такое же положение со школьными физикой и химией, хотя из-за описательности многих их частей ситуация здесь полегче. Но всё же кто из нас знает формулу равноускоренного движения или реакцию омыления жиров? Да и не нужно в жизни это знать...

По-моему, учителю обидно пять лет заставлять детей учить формулы, реакции, решать задачи, чтобы выпускник немедленно выбросил их из головы и никогда вновь не возвращался к этим материям.

Думаю, что одного урока в неделю хватило бы, чтобы школьник получил некое представление о математике. Ни в коем случае не “систематичность” её изучения — это всегда будет ложная систематичность (как сегодня). Но именно представление! Нужны живые, непринуждённые рассказы о неевклидовой геометрии Лобачевского, пространствах большой (даже бесконечной!) размерности, о симметрии в алгебре, об экстремумах, об изопериметрах, о парадоксах бесконечного и т.д. и т.п. Умело преподнесённые, все эти темы вполне доступны школьнику начиная с 5-го класса. Много тем есть и для младших классов — орнаменты и бордюры, паркеты и кристаллы, правильные многоугольники и многогранники... Никаких иных целей, кроме повыше-

ния культурного уровня, преподавание математики не должно иметь. И отметки здесь неуместны, и экзамен просто недопустим.

Одного часа в неделю достаточно, чтобы дать представление о любой школьной “науке”, позволить хотя бы одним глазком взглянуть на её увлекательнейшие пейзажи и возбудить желание к дальнейшим, более детальным экскурсиям.

Историю культурный человек должен знать. Но не так, как её преподают в школе: уйма подробностей, всё засушено-пересушено, ничего не говорит ни уму, ни сердцу — и нет целого представления. Обратите внимание, какой интерес вызывает историческая беллетристика, даже не лучшего качества. Вот симптом неблагополучия нашего преподавания истории. То есть само прошлое людей интересует, но из сухого учебника они взять ничего не могут и вынуждены черпать сведения из беллетристики, литературы. А богатая историческая литература остаётся вне школы.

Конечно, никакой систематичности (литературоведческой) не должно быть и в преподавании литературы, писатель советского периода должен непринуждённо сменяться классиком, и, наоборот, по разным поводам — несколько раз.

Что касается географии, то — да простят меня специалисты — я разделяю мнение г-жи Простаковой. Во всяком случае, несколько обзорных лекций-рассказов в течение года вполне достаточно, чтобы дать представления о странах и континентах, климатических зонах, знаменитых путешественниках и экономических принципах международной торговли. Нельзя же десятилетиями делать вид, что телевидения не существует! А разве сравнится один цветной научно-популярный фильм, скажем, об Исландии с параграфом в учебнике, для которого будто специально искали и нашли авторов, не владеющих литературным языком.

Рассказы о науках должны быть поставлены так, чтобы ученик сам захотел узнать больше в свободное время. Открываются неограниченные перспективы для факультативных курсов во второй половине для (на продлёнке). Здесь же необходимо наладить обучение и трудовым навыкам (не профессиям!) Нужно, чтобы ученик мог починить проводку, сменить у крана прокладку, сколотить скворечник, врезать замок, приготовить обед и работать с иглой.

Спросят: а кого набирать в вузы? Откуда мы возьмём инженеров, учителей, гуманитариев, физиков? Тут другое дело, которое не надо путать со школой.

Отбор кандидатов в студенты — дело настолько важное, что его нельзя доверять Министерству просвещения. Просто потому, что это не его задача. И до тех пор, пока оно, это министерство, будет стоять на распутье — готовить ли молодое население к жизни или к дальнейшей учёбе в вузе? — оно будет губить оба дела. Его контингент — дети от шести до четырнадцати лет. Оно обязано выпустить их из шко-

лы здоровыми, воспитанными, культурными, умелыми. Без отвращения к учёбе. Желательно — ориентированными на определённую профессию, с учётом личных качеств интересов и способностей.

После этого за дело должны взяться другие — Комитет по профтехобразованию, Министерство высшего и среднего специального образования, а также Министерство культуры.

Основная масса подростков поступает в училища и техникумы, где она получает профессию. Здесь и нужно преподавать основы тех наук, которые нужны профессии. Если школа справилась со своим делом, то никаких других предметов не нужно. Только специальные знания — до мельчайших подробностей, чтобы от зубов отскакивало! Сейчас же мы потому и выпускаем из техникумов неполноценных специалистов, что они распыляют внимание на ненужные школьные предметы.

Сейчас — после реформы — старшие классы школы оказались в ложном положении. Фактически у них одна задача — готовить в вузы, но с этой задачей они не справляются.

Позвольте же вузам самим готовить своих будущих студентов! Зачем нам весь первый год “выбивать” из студентов ошибки школьного образования, школярское мышление, зачем 17-летних учить работать с азов, когда проще этому выучить 15-летних? Дайте вузам набрать по своим тестам в течение года, скажем, по 300 человек на каждые 200 мест факультета для двухлетнего предварительного обучения. Назовите эти два года учёбы “подготовительными курсами”, или как хотите иначе, колледжем, например. Вот где мы начнём систематическое изучение науки с самого начала и в формах, нам нужных! Иногородние одарённые дети могут жить в интернатах при вузах. Компьютер будет непрерывно следить за успехами претендентов и располагать их в ряд. И если к моменту перехода — безэкзаменационного — в основной состав студентов ученик имеет 215-й номер, то никакого стресса он не испытает: сам видит, что успехи его недостаточны. Сама собой отпадает лотерея вступительных экзаменов, исчезают неврозы и ломка судеб. Этот 215-й ученик не пропадёт, он всего лишь — выпускник “спецшколы” с уклоном, если говорить нынешним языком, но это не мифический “уклон”, а глубокие знания, которые не достаточны для вуза, но годятся для работы в среднем звене.

Зато вуз получит студентов, которых он знает и в которых уверен. Это, в частности, решит и проблему отсева.

Конечно, определённый процент мест надо оставить для абитуриентов “со стороны”. Здесь экзамен — и очень строгий! — необходим. Но такой абитуриент заранее знает, на что он идёт...

Всё это явится стройной и эффективной системой обучения и воспитания нашей молодёжи — строителей нашего будущего.

*Постников М., проф., д.ф.-м.н., лаур. Ленинской премии,
“Литературная газета”, 1987 г., 25 марта.*

Письмо-откровение

Если честно

Исповедь одного человека, который нашёл в себе силы рассказать о своих неблагоприятных делах, но до сих пор остающегося на перепутье.

Уважаемая редакция! Истерзался тысячью сомнений, прежде чем сесть за письмо. Всё-таки решился.

Я один из тех, кто садился в самолёт и летел в далёкий Донецк к Шаталову. Летел с полным отчаянием в душе.

В школе проработал два года после окончания Свердловского пединститута. Никогда не думал, что будет так трудно, что с математикой по полкласса, а часто и больше, не будут справляться. Чего я только не перепробовал, чтобы увлечь ребят, научить! В общем, разуверился в том, что можно учить всех и учить хорошо.

У Виктора Фёдоровича был всего на двух уроках, но ожил, начал что-то делать, выдумывать. А в школе опять — непробиваемая стена незнания, неусвоения. Уже и сомневаться начал в своих способностях. Закралась колючая мысль: а могу ли вообще давать уроки? Одним словом, запутался. Запутался и в мыслях своих, и в поступках.

В первый год учебная нагрузка у меня была 31 час, во второй — 37. Вёл и физику, и математику. Плюс классный руководитель у выпускников-восьмиклассников. Удивлялся: со знаком качества это невозможно сдуть. А мне в ответ: “Тебе что, деньги не нужны? Зарабатывай, да помалкивай”.

И стал я “зарабатывать”. Видимо, чего-то не понимаю, но в нашем коллективе считается вполне нормальным думать о зарботке как о конечном результате педагогического труда.

Взялся писать в газету не по причине жалобы на судьбу, а потому, что постоянно задаю себе вопросы: “Кому необходимо всеобщее обязательное среднее образование в таком виде, в каком оно сейчас даётся?” Ведь если честно, то мы в своей школе только тем и занимаемся, что формально переводим учеников из одного класса в другой. “Ни одного отстающего рядом!” — это в журнале. А на деле? Директор школы считает: “Из-за чего расстраиваться? Из-за полнейшей фактической необра-

зованности детей? Не стоит. Переводить и выпускать — вот наш долг перед государством. Оставлять на второй год? Ни-ни. Всё равно до академиков не выучим. А хорошими рабочими ребята будут. Так что выписывайте им свидетельства — и до свидания”. Попытался задать встречный вопрос: “А зачем тогда вообще учить?” Получил в ответ неодобрительные взгляды.

Вот и стал делать, как другие. Областные контрольные за учеников писал. На экзамене в восьмом классе задачи тоже решал, потом ученикам списывать давал, тройки ставил за красивые глазки. И жил бы чудесно, да не могу и не хочу! Ужас охватывает, когда представляю, как же я самолично детские души уродую, какими негодяями их в жизнь выпускаю. И что обидно. Когда липовые журналы оформлял (по заочной школе), когда контрольные за учеников делал, когда выписывал липовые свидетельства — слыл хорошим учителем. Даже на районной конференции моё имя среди лучших упомянули. А как воспротивился всей этой гадости и лжи — оказался врагом школы.

Началось с заочников. Есть при нашей восьмилетке учебно-консультационная группа, куда ходят получать среднее образование те, кто его не получил в своё время. Дело нужное, но не такое, чтобы ни за что ни про что получать аттестаты. А у нас что получилось? Два месяца все заочники (многие попали в школу под давлением комиссии по делам несовершеннолетних) учились на шофёров, а весной к нам явились: извольте, мол, выдать аттестаты. Стало нам ясно, кому экзамены сдавать. Сели учителя, да и написали на экзамене сочинения за учеников. Зарплату получил я за все эти дела 210 рублей. Чем плохо? Но мне эти деньги до сих пор руки жгут. Говорят, что если один раз нечестные деньги получил, то и второй захочется. Не захотел!

Стал бояться окончания учебного года. Отношения с учениками совсем испортились. Они ждут, требуют высоких оценок — я отказываюсь заниматься обманом. Перед экзаменами дал слово быть твёрдым и школьников предупреждал: “Ни одной подсказки, показывайте, чему научились за год”. И вот итоги. Школа у нас маленькая, всего 49 человек. В четвёртом классе из восьми учеников пять неуспевающих, в пятом классе из пяти учеников — четыре не успевают, у девяти восьмиклассников трое неуспевающих.

Переживал страшно, места себе не мог найти. И удивился хладнокровию коллег.

Теперь я не удивляюсь, почему в четвёртый класс приходят ребята, которые не только таблицы умножения не знают, но и вычитать не умеют. С себя, конечно, вины не снимаю. Убедился: за год можно детей выучить. Но как учить правде и честности,

когда школа держится на обмане, подлоге? В такой обстановке и самого безудержно тянет на обман. И я продолжал... Написал протокол педсовета по заочной школе, хотя его не было... Получил строгий выговор.. И правильно.

Уехал в отпуск к родителям — нет мне покоя. Им всего не расскажешь. Изголодали меня вопросы — как быть, как мне работать в школе? Может, правы те, кто говорит: никто ещё не умер от незнания математики. А как же тогда реформа школы, результаты обучения? Как же дети?

Уйти из школы? Боюсь, что с сентября всё начнётся сначала.

С уважением.

А. Се-в., Омская обл.

От редакции: Несколько дней пролежало на столе письмо. Читали его и перечитывали, ужасаясь глубине падения учителей.

Издержки работы школы, как принято говорить, общеизвестны. Но чтобы вот так явно, открыто, не таясь, преподавать детям ложь, подлость, цинизм? Да педагоги ли это? Да место ли им в школе?

Мы ругаем урокодателей, тех, кто превратился в “механического” передатчика знаний, кто искусственно выделяет из процесса познания воспитательные составные. Здесь обучение и воспитание накрепко слиты воедино. Но какое же это “обучение” и какое “воспитание”? Вряд ли и хорошими рабочими станут выпускники этой школы. Слишком уж негативные уроки они получили.

Молодой учитель нашёл в себе мужество обнаружить свою нечестность, свой моральный провал. Перестройка, говорим мы, это поворот к правде, это честность во всём. Но и это полдела. Бороться со злом, не повторять старого — вот что ещё предстоит. Готов ли к бою учитель? Найдёт ли силы? Поддержат ли его в коллективе? Эти вопросы сегодня главные.

“Учительская газета”, 1987, 3 сентября.

Контрольная по геометрии

Проверяя тетради, учительница ПТУ обнаружила в одной из них вместо задач по геометрии — задачу для себя. Опуская имя хозяйки тетради, мы представляем то, что в ней было написано, на ваш суд.

* * *

Класс занят решением задач: кто думает, кто норовит списать. А мне не хочется ни думать (я ведь и не умею думать, будто нет головы), ни списывать (не позволяет

то ли совесть, то ли слабое зрение). Глаза мои пусты, как и голова, которая давно перестала соображать в математике.

Я глупо себя веду, но если бы и решала контрольную, всё равно меня, по всей вероятности, ждала бы двойка.

Я очень глупа, но помимо этого ещё и очень злая и плохая девчонка. В душе у меня обида и горечь от собственной тупости и слабости. У меня спрашивают ребята, сделала ли что-нибудь — и я в ответ с горечью, саркастически улыбаюсь. Я не способна стать умнее, обречена на двойки и не могу даже ждать помощи. Странно, что я это пишу на контрольной, но пускай мне попадёт, ведь это — правда.

Я чувствую себя одиноким, забытым созданием. Я ни на что не надеюсь. Пишу и боюсь не знаю чего... А, всё равно.

А на улице осень...

* * *

А теперь представьте, что эта девочка возвращается домой и её ещё ругает мама...

“Учительская газета”, 1987, 12 ноября.

Не ходите, дети, в школу...

В тягостные, чреватые неприятностями периоды жизни постоянно вижу один и тот же сон: учусь то ли в шестом, то ли в седьмом классе, весь июнь идут дожди, и радио объявляет, что в виду осенней непогоды каникулы сокращаются до одного месяца. И я, трудный и уже лысеющий отец семейства, просыпаюсь в холодном поту и с чувством такой отчаянной безысходности, какая может быть только в детстве: выбора нет, надо идти в школу.

За что я так ненавижу её? Ведь, казалось бы, мне ни разу в жизни не пришлось пережить публичного, у доски, позора и унижения не выучившего урок двоечника — записной отличник. Мне жутко везло на хороших учителей. Один всего лишь пример: наша Мария Николаевна в пятом ещё классе запретила в руки брать школьные учебники по литературе, и я до сих пор благополучно не знаю, что же там было написано. Отец с матерью к нашим, детей, школьным успехам всегда относились с редкостной в других семьях отстранённостью, на родительских собраниях бывали по великим только праздникам, от силы раз в год. Упреждая прочие догадки, вынужден добавить, что с самыми разными людьми схожусь очень легко, и был просто обречён как один из лучших учеников школы заниматься общественной работой. Вроде бы

мне лично и нечем школу попрекнуть. За исключением одного, сугубо личного обстоятельства. Человеком в ней я себя не чувствовал.

Хорошо бы забыть школу, как кошмарный сон, или перелистывать в памяти только светлые её страницы.

Не получается. Вон оно, дорогое и единственное, семи лет от роду, чадо пыхтит над своими рисунками. Сверстники его уже всю отбывают школьную повинность, тянут, так сказать, минпросовскую лямку. А мы его в школу не отдали, точнее, не послали, поскольку и сам он туда не рвался.

... Немного анализа, отягощённого личными воспоминаниями. Учение по самой своей природе занятие творческое, а значит, радостное. И та божия искра любознательности, что с большей, меньшей ли силой, но освещало лицо и душу каждого психически здорового ребёнка, только разгорается от новых знаний. Без них же гаснет. А что же происходит в школе? Подавляющее большинство первоклассников (по крайней мере так было в нашем детстве) рвётся в школу, им интересно. Уже в третьем классе с охотой идёт на занятия едва ли половина.

Можно строго доказать, что при всех своих профессиональных изъянах наша массовая школа одно делает профессионально — отбивает у основной массы детей само желание учиться.

Нет места разбираться в причинах. Их много, даже слишком много. На мой взгляд, так в основе всех бед — монополия Министерства просвещения на народное образование. Для сравнения: при всех недостатках высшей школы беды вузовского образования всё-таки менее значительны. У абитуриента есть (пусть и ограниченная) возможность выбора. Студент тоже волен выбирать — продолжать образование или уйти, специализироваться по той кафедре или иной, выбрать одного научного руководителя или другого. И лишь школьник находится в крепостной зависимости от карьерного чиновника и даже Юрьева дня по прежнему не имеет.

Ещё раз повторю: учение — это творчество, и только поэтому в нём взращивается личность — и ученика, и учителя. Наша родная общеобразовательная школа понимает учение как дрессуру, а потому на дух не переносит ни талантливого учителя, который, естественно, ни в какие методические рамки не вписывается, ни талантливого ученика.

Я сам терпеть не мог (и не могу), когда мною командуют. И, строя модель вероятного школьного будущего для сына, прекрасно вижу, что к школе с её «высокими» требованиями он не готов. Да, он читает с трёх лет, осознанно владеет арифметическими действиями, прекрасно знает политическую и географическую карту мира. Более того, он очень усидчив: пять-шесть часов работает за своим столиком без

отрыва от дела. И работоспособен. Но... Вот он освоил клавиатуру пишущей машинки и не желает писать ручкой, стесняется своего корявого почерка. Но какое дело школе до наших личных трудностей? Ученик должен приноравливаться к школе, а не она к нему.

Кстати сказать, мы не считаем, что у нас необычный ребёнок. Или более одарённый, чем другие дети. Просто и у нас, и у него было время (в дошкольных учреждениях он вообще не был, жена до трёх с половиной лет сидела с ним дома) вместе заниматься тем, что было интересно и ему, и нам. Поэтому кое в чём он продвинулся далеко (любимый учебник — “Пособие для поступающих в вузы по биологии”), а в музыке, как и я, круглый ноль.

Но в какой класс его посадить? В первый, как в своё время меня? Так я вплоть до пятого класса валял дурака и не ошалел от безделья только потому, что читал запоем всё, что попадало под руку. В третий? В пятый? Но он же ещё кроха, да к тому же не умеет писать. И кто будет его защищать от наших ангельски жестоких деток?

А подумать, так что за нужда вообще идти в школу, высиживать тоскливые часы в душных и переполненных классах, раздражать замороченных перегрузками и рутинной учителей? Пусть у наших родителей не было выбора: война, голод, до образования ли было? Но неужели я, закончив школу с золотой медалью и один из лучших вузов страны с отличием, имея опыт преподавания и в средней школе, и в высшей, дам ему одному худшие или меньшие по объёму знания, чем школьный учитель тридцати-сорока не очень прилежным ученикам?

Ну а отправлять ребёнка в школу за познанием изнанки жизни можно, но попозже, лет эдак в двенадцать-четыре, когда основа личности и системы жизненных ценностей укрепятся и никакие влияния пресловутой “Среды” не собьют с избранной дороги. Кстати сказать, и нужда в друзьях, в общении со сверстниками просыпается обычно к этому сроку.

...Меньше всего мне хотелось бы навязывать свою точку зрения другим родителям или призывать: “Делай, как я!” Обстоятельства, из которых вынуждены исходить мы, могут быть незначимы или вообще не существовать для массы других людей. А если я взялся за перо, то движет мною в первую очередь не желание лишний раз лягнуть отечественное народное образование. Школа в тупике, надо искать выход и кто сказал, что он один?

Путь, который выбрали мы, труден. И трудности эти навязываются извне. Здорovýй ребёнок не ходит в школу. Какая беда! Казалось бы, требование всеобщего среднего образования и всеобщего посещения школы — вещи разные. А для мин-

просовского или минздравовского чиновника уклоняющийся от школьной повинности — дезертир. Добавьте сюда чадолубивую общественность ребят во дворе — не дай бог, они узнают, что кто-то живёт не так, “как все”. Затравят. По инстанциям затаסקают. Поэтому, надеюсь, читатель извинит мою вынужденную анонимность.

Чего я хочу? Чтобы не мешали. Оставили в покое. А если кого-то волнует, чему ребёнок дома научился, то я бы только приветствовал ежегодные контрольные испытания наподобие экзаменов кандидатского минимума. У семьи должно быть право выбирать, какая форма обучения ей удобнее.

И последнее. Решать за кого-то, даже если это собственный ребёнок, не в моих правилах. И если, скажем, на будущий год или через два года он вдруг засобирается в школу, если его туда потянет — только порадуюсь. Но неволить не смогу и не буду.

Сергей, “Комсомольская правда”, 1987, 5 декабря.

...Ученик.

“Нам нужна реформа. Даже революция школьной жизни”

Мы учимся в 9-м классе. И что же? Среди нас вроде все добросовестные ребята, учим каждый день уроки (каждый день шесть). Сидим до полуночи. А в результате — “трояк”. Так как же это объяснить?

Мы с 8.00 до 14.00 в школе, 14.00-15.00 — обед. 15.00-19.00 делаем уроки. 19.00-20.00 — ужин. 20.00-1.00 — делаем уроки. Вот наш режим! А ведь ещё хочется и не отставать от времени, смотреть передачи по телевизору и читать книги, газеты, журналы, нам хочется всё познать. но и хочется, чтобы голова осталась цела и не треснула от всего этого. Как живут ребята из институтов? У них занятия парами. Почему бы нам не сделать так же уроки? Знания будут более углублёнными. А сейчас мы хватаем самую поверхность всех наук.

Многие из нас не знают, куда пойти учиться, и вот почему: виноваты наши поверхностные знания (урывки из предметов). Мы войдём в жизнь какими-то посредственными людьми.

Нам нужна реформа. Даже революция школьной жизни.

9-й класс, г. Куйбышев., “Комсомольская правда”, 1988, 26 января.

Аттестат инвалидности

Учёба в школе глазами врача

Несколько лет назад, как помнит, видимо, читатель — и особенно имеющий маленьких детей, — в обществе заинтересованно обсуждалась проблема начала школьных занятий с шести лет. Проводились эксперименты, обсуждались научные данные, высказывались мнения. Кончилось дело тем, что послушались тех, кто был “за”, и новый порядок ввели. Теперь, увы, приходится вновь выслушивать тех, кто был “против”. Потому что, как утверждает статистика, теперь ясно: постановка учебного процесса в школе прямо влияет на ухудшение здоровья ребят. И дело не только в шестилетках — просто на их примере лучше видно, насколько велик разрыв между тем, что требуется для сохранения и нормального развития здоровья наших детей, и тем, что сегодня есть. Об этой проблеме корр. “Труда” беседует с зам. министра здравоохранения СССР А. Барановым, который курирует проблемы материнства и детства.

— Александр Александрович, какова объективная картина здоровья школьников? Как на них сказывается нынешняя организация учебного процесса?

— Как правило, болезни ребёнка вызваны условиями жизни — тем, как он воспитывается, что и когда ест, каковы его физические и психические нагрузки. И роль школы в этом процессе очень велика. По данным специальных исследований, к десятому классу хроническая заболеваемость у детей увеличивается в 4-6 раз. У нас принято деление детей на группы по состоянию здоровья, так вот первая группа — “абсолютно здоровые” — среди десятиклассников сейчас фактически отсутствует. Каждый выпускник школы вместе с аттестатом зрелости “получает” и какое-то функциональное отклонение здоровья, а многие — и целый “букет” недугов.

— Но ведь могут сказать, что эти болезни обусловлены генетически, так при чём здесь школа?

— Да, есть большая группа заболеваний с наследственной обусловленностью. Но необходимо знать твёрдо: они возникают только в том случае, если на ребёнка действуют неблагоприятные внешние факторы. То есть без “пускового механизма” — окружающей среды — такие болезни не начнутся. Язва желудка и двенадцатиперстной кишки, почечные, гипертоническая, желчнокаменная болезни считались прежде исключительно “взрослыми”. А сегодня мы их находим у детей, причём за последние 10 лет язвенная болезнь, например, участилась вдвое. Почему? Потому, что резко изменились условия, непомерно возрос объём учебных нагрузок, усложнились программы, увеличился поток информации, появились спецшколы с ещё более напряжённым режимом — словом за 30-40 лет характер занятий школьника стал совершенно другим. Длительность выполнения домашних уроков стала в 2-3 раза больше, а двигательная активность ребят — в 2-3 раза меньше.

Так что связь между ухудшением здоровья детей и ростом сложности и объёма школьной программы — прямая.

— Чем же болеют нынешние дети?

— Прежде всего много заболеваний нервной системы, это явное следствие перегрузок. Если к первому классу нарушения нервно-психической сферы выявляются у 15 процентов детей, то к десятому они есть уже у 50%, да ещё в виде так называемого астенического состояния. Я говорю о неврозах, нарушениях поведения, характера... Нарастание числа таких расстройств идёт очень быстро, причём темп их выше в школах-интернатах и особенно высок в детских домах — здесь они встречаются вчетверо чаще, чем в обычной школе.

Очень волнуют нас неинфекционные болезни органов пищеварения, о чём я уже частично сказал. Сейчас каждый десятый школьник имеет заболевание органов пищеварения...

— Как бы аттестат язвенной зрелости?

— Что-то вроде... Затем — поражения эндокринной системы. Согласно ряду данных, за последние 10 лет ожирение в школьном возрасте выросло примерно в четыре раза. Причины — гиподинамия и нерациональное питание.

Не выбирая слов, скажу, что питание в школах безобразное, так что многие ребята от него попросту отказываются. Из-за этого перерывы в приёме пищи достигают семи и более часов — вот она откуда, язва желудка. Этот вопрос неоднократно поднимался на разных уровнях, но нигде — за исключением, пожалуй, республик Прибалтики — никаких успехов не наблюдается. Нет базовых столовых, комбинатов школьного питания, продукты поставляются низкого качества, хотя все кругом дружно декламируют: "Всё лучшее — детям!" Лозунгов-то полно, а есть этим самым детям приходится Бог весть что, потому как всё поистину лучшее уходит в кафе и рестораны, где выручка больше. В самой школе пищеблоки кадрами не укомплектованы, да и кто из дипломированных работников пойдёт на зарплату в 80 рублей?

Колоссальная для нас проблема — зрение. Сегодня у каждых 16 из 100 ребят оно резко снижено. Особенно остра ситуация с шестилетками: уже к концу первого года обучения у каждого четвёртого из них выявляется либо близорукость, либо предшествующее её состояние.

Нельзя не сказать о группе болезней, как мы говорим, опорно-двигательного аппарата. Они возникают прежде всего из-за отсутствия необходимой мебели. В школе должны быть парты 6-8 номеров, чтобы каждый ученик мог сидеть в естественной позе. Однако бывает обычно не больше двух номеров — отсюда различные искривления позвоночника и так далее. 80 процентам шестилеток, имеющих рост до

130 сантиметров, нужны парты размера “А”, но они отсутствуют полностью. Похоже, что у работников мебельной промышленности не развит родительский инстинкт. Ну, не о чужих — о своих бы детях и внуках подумали...

– *Есть ли возможность хоть как-то компенсировать неправильную позу на уроках? Ведь пока плановые органы и промышленность развернутся...*

– Да, на их разворотливость даже в условиях хозрасчёта я не надеюсь. Пока что как временный выход из положения надо бы увеличить объём движения школьников. Но тут другая скала — программа. По всем медицинским показаниям, ребёнку надо минимум 8 часов в неделю заниматься физкультурой, причём активно, в программе же предусмотрены лишь два часа.

– *Скажите хотя бы коротко, что происходит при недостатке движения?*

– Нарушаются все обменные процессы. Плохо работают сердечная мышца, мозг, печень, почки — то есть все органы переходят в пассивный режим. Такой ребёнок больше подвержен инфекционным и простудным заболеваниям, у него откладывается жир — вот почему у нас так много слишком полных детей, что само по себе уже является болезнью, но это ведь и фактор риска тяжелейших недугов — сахарного диабета, гипертонии, впоследствии и инфаркта миокарда... Чётко установлено: 40 процентов заболеваний взрослых своими истоками уходят в детский возраст, в 5-7 лет.

– *Почему именно в этот возраст?*

– В принципе у детей есть три критических периода: первый год жизни, 5-6 лет и 12-14 лет. В эти годы идёт бурный рост длины и массы тела, приводящий к неравномерному развитию отдельных органов и систем организма, из-за чего они начинают работать несогласованно. Скажем, сердце не справляется с нагрузкой при быстро увеличившейся массе тела — и вот слышны шумы, нарушается функция.

Такие функциональные нарушения в критические периоды могут прогрессировать — особенно если условия для развития ребёнка неблагоприятны. Тогда вероятна хроническая болезнь. И наоборот, если условия жизни станут оптимальными, угроза заболевания может исчезнуть без всякого медицинского вмешательства. Вот почему забота о здоровье детей в критические периоды должна быть особая.

Вернёмся к теме шестилеток. Вы теперь знаете, что возраст — уже фактор риска, а плохие условия в школе переводят риск в болезнь. Ведь ни о каких особо благоприятных условиях, которые должны были быть созданы для маленьких первоклашек в соответствии с благими намерениями Минпроса, сегодня и речи нет! Спальня, отдельный пищеблок, набор необходимых комнат, специальные режимы —

где это всё? Что там говорить, если и классы-то сплошь и рядом уже двойной численности!

— Из всего, что вы рассказали, можно сделать вывод, что многие школы — а их у нас сейчас 135 тысяч — должны быть по санитарно-гигиеническим соображениям закрыты, как закрываются цехи, где не обеспечен необходимый уровень охраны труда, или производства, дающие вредные выбросы выше допустимых концентраций.

— На мой взгляд, ситуация в принципе близка к этому. И мы всячески будем сейчас добиваться, чтобы на всех уровнях государственного и общественного управления было осознано: положение критическое!

— Есть ли это понимание в Госкомитете по народному образованию?

— Насколько мне известно, сам комитет ещё в стадии организации, и задавать вопросы рановато — новые люди, новые заботы. Ему в наследство досталась масса замечательных совместных приказов двух ведомств — Минпроса и Минздрава, которые, казалось бы, регламентируют дело и по отдельным позициям, и в целом — не хватило только одного: они не выполнялись. Виноваты здесь и просвещенцы, и медики. Надо ли перечислять взаимные претензии? Давайте лучше посмотрим, что нужно сделать, не откладывая, специалистам обеих отраслей. И в первую очередь я назову проект новой школы. Тот, что есть, не позволяет сохранить здоровье учеников. Имеющиеся сегодня проектные предложения содержат ряд обязательных элементов — прежде всего несколько спортивных залов, бассейн, открытые площадки для игр, зал лечебной физкультуры, физиотерапевтический кабинет (долечивать ребят после простудных заболеваний).

Само собой нужна “щадящая” программа, в полной мере учитывающая требования медицины. Нельзя откладывать решение и других названных проблем. Мы, в частности, в 1988 году начинаем эксперимент по переходу к новой системе медицинского обеспечения учащейся молодёжи — будем создавать специальные центры лечебного, оздоровительного и культурно-просветительского направления. Думаем перейти к обслуживанию школ по бригадному принципу: кроме педиатра, здесь нужны и психоневролог и окулист, а главное, конечно, профориентация... Не удивляйтесь, это тоже огромная проблема: сегодня каждый третий выпускник из-за болезни не может выбрать профессию по душе — ограничения. А если бы врач вмешался вовремя, то склонности ребёнка можно было бы как-то скорректировать в соответствии с его здоровьем.

— Вы назвали поразительную цифру: 40% заболеваний взрослых обусловлены условиями жизни и детства. То есть почти половина нынешнего объёма работы

здравоохранения — не что иное, как ликвидация негативных последствий обучения. Вместо того, чтобы выпускать в жизнь высокообразованных и гармонически развитых граждан, мы с упорством, достойным лучшего применения, штампуем пациентов для поликлиник и больницы... Не накладно ли для государства?

— Ещё как накладно! Давайте посчитаем: если вычесть расходы на науку и содержание аппарата, то окажется, что миллиардов шесть будет “школьных”. Думаю, пора понять: чтобы не допустить огромных (и противоестественных!) трат, надо наконец направить достаточно средств на создание нормальных условий обучения детей. Ведь и ребёнку понятно, что затрата относительно небольших сумм сегодня избавит нас от огромных потерь завтра.

Главный же ущерб — не экономический (как бы ни был он велик), а нравственный: разве объяснишь человеку, что свою неизлечимую болезнь он получил только потому, что ведомства никак не могли между собой договориться, как подчинить школьную программу требованиям медицины?

Вёл беседу В. Белицкий, науч. обозреватель “Труда”, “Труд”, 1988, 25 июня.

Зачем?

Я — старшеклассница, закончила 9 классов. Что мне дала школа? Я вот сравниваю с образованием Джейн Эйр и героинь других романов — эти девушки умеют всё: культурно разговаривать, вести себя в обществе, за столом. Умеют хорошо рисовать, вышивать, играть на музыкальном инструменте. Знают иностранный язык.

Что умею я? У нас были уроки труда, но я не умею шить. У нас были уроки музыки, но я не знаю даже музыкальной азбуки. У нас были уроки рисования, но я не умею хорошо рисовать. У нас есть уроки французского, но я не знаю так хорошо этот язык, чтобы читать или говорить на нём. Я не умею танцевать. Я не умею пользоваться столовыми приборами, (в столовую у нас в школе галопом бегут). Я не могу в обществе свободно говорить о литературе, о музыке, об искусстве. Вы подумаете, что я неуч. Нет. Я хорошистка. Имею четвёрки и пятёрки. Но почти все мы такая серость.

Я не знаю, что я могу предложить. Но я бы не такое хотела получить образование. Я поступлю в институт, но и после его окончания получу диплом — кусочек бумаги и всё.

Я понимаю, должна помогать семья. Ну, а если отец и мать не получили такого воспитания, и дети будут такие, как они, и дети детей. Замкнутый круг?

Может, что-то можно придумать?

Моё письмо без подписи, и я боюсь, что вы на него не обратите внимание. Но так хочется, чтобы его люди прочитали, предложили бы своё. Может, что-нибудь и получится. Стыдно сознавать, что наша культура на низком уровне, но факт.

В.К., Полтавская обл., "Учительская газета", 1989, 2 сентября.

“Со здоровыми-то детьми — горе, а с больными вдвое”, —

так говорила моя мудрая бабушка. А она умела

Рожать малышей-крепышей

Седьмой сын появился у бабушки в 42 года. Богатырь, служил в морфлоте подводником. Но это когда было... Сегодня не многие могут похвастаться хорошей наследственностью: экологические бедствия, загрязнённые химикатами продукты и вода, частые стрессы сделали своё чёрное дело.

А мы по-прежнему беспечны, давая жизнь детям. Как будто рождение здорового или больного ребёнка — чистая случайность. И это несмотря на то, что наследственных заболеваний насчитывается более 3 тысяч.

Во всех цивилизованных странах на каждый миллион жителей обязательно есть хоть одна медико-генетическая консультация. В Москве на 9 миллионов человек — всего две. О провинции и говорить нечего. Со всей страны едут люди в научно-консультативный отдел при Институте клинической генетики и профилактики наследственной патологии.

Причём приезжают, к сожалению, уже после рождения больного ребёнка.

Обратилась семья из Подмосквья. Первая дочь совершенно здорова. У второй девочки деформация кистей, двухсторонняя косолапость, врождённый вывих тазобедренных суставов. После её рождения ни у родителей, ни у врачей не возникло подозрений на плохую наследственность. И только появление третьего ребёнка — мальчика с такой же патологией — заставило врачей направить мать и отца на генетическое обследование.

Начинается оно с составления родословной. К стыду нашему приходится признать: удаётся это редко, что очень затрудняет работу врачей. И всё же определили: родители несут в себе рецессивные гены, которые, объединяясь, вызывают болезнь. Для каждого их ребёнка риск составляет 25 процентов. Если бы это выяснилось сразу после рождения больной девочки, а ещё лучше — вообще до рождения детей, то всё время следующей беременности будущая мать находилась бы под контролем врачей научно-консультативного отдела.

Есть много способов определить здоровье плода ещё в период беременности. С помощью ультразвукового исследования устанавливают пол ребёнка. А этого уже достаточно, чтобы дать прогноз по некоторым болезням. Если женщина беременна мальчиком, риск “схватить” наследственную гемофилию (несвёртываемость крови) составляет для него 50 процентов, Девочкам эта болезнь не передаётся. Вспомните историю царской семьи Николая II: гемофилией страдал царевич Алексей, а четырёх его сестёр такая участь миновала. Но даже если бы они вышли замуж за совершенно здоровых мужчин, их сыновья могли бы унаследовать тяжкое заболевание.

Чтобы узнать, поражён ли плод болезнью Дауна, которая сопровождается умственной отсталостью и врождённым пороком сердца, определяют хромосомную патологию в околоплодной жидкости. Здесь гарантия — 100 процентов: либо “да”, либо “нет”.

Исследуя клетки плаценты, кровь зародыша, можно распознать некоторые заболевания, связанные с нарушением обмена веществ. Это уже хирургическое вмешательство, но если есть необходимость... Риск осложнений ничтожно мал — доля процента. И медицинские инструменты — одноразового пользования.

Но вот все обследования позади. Семье предстоит решить самый трудный вопрос: рожать или не рожать. Если родители считают, что не стоит обрекать на муки себя и больного дитя, женщине делают терапевтический аборт. Если же, не смотря на предостережения врачей, они всё же хотят иметь ребёнка и готовы его выхаживать, то получают подробные рекомендации. Согласитесь, лучше заранее настроиться на преодоление трудностей. Хуже, если родители узнают о несчастье, когда вылечить малыша уже невозможно.

Из Перми привезли на консультацию шестилетнюю девочку. У неё врождённая ломкость костей: ходить не умеет, да и ползает плохо. А ведь определить эти отклонения можно было ещё в период внутриутробного развития плода при помощи ультразвука и рентгена.

Из Саратовской области приехали в научно-консультационный отдел убитые горем родители. У их десятимесячного сына страшный диагноз: тяжёлая умственная отсталость. Видимо, в роддоме не сделали обязательного анализа крови малыша на уровень фенилаланина, не назначили ему соответствующую диету, исключаящую аминокислоту. После несложного лечения ребёнок рос бы здоровым и не уступал бы в умственном развитии сверстникам. Каждый упущенный день делал процесс всё более необратимым, приближая мальчика к инвалидности.

При генетическом обследовании выяснилось, что мать и отец несут в себе гены, вызывающие заболевание, риск появления второго больного ребёнка достаточно

велик. Женщине рекомендовали в случае рождения ещё одного малыша тут же пройти исследование на фенилаланин.

— Медико-генетическую службы необходимо развивать,— утверждает заведующий научно-консультационным отделом кандидат медицинских наук Александр Николаевич Петрин. — Это позволит выявить семьи с наследственными заболеваниями и начать их профилактику до появления больных детей. Средств потребуется в несколько раз меньше, чем содержание интернатов для инвалидов детства, оплачивание бюллетеней по уходу за тяжело больными ребятишками.

Действительно, почему в нашей стране больше озабочены выводением породистого скота, селекцией растений, чем дородовой профилактикой наследственных болезней? Разве здоровье будущих поколений не дело государственной важности?

... Встревоженная молодая москвичка очень волновалась: в начале беременности она перенесла грипп. Не отразится ли это на здоровье ребёнка? Врачи назначили необходимое обследование и выявили: родится двойня. Правда, один зародыш чуть меньше другого. Но ничего страшного нет, и риск появления больных детей минимален. Всё будет хорошо!

Ольга Тихонова, "Куранты", 1991, 22 июня.

“Класс, в Сибирь шагом марш!”

— А ты что?

— А я не хочу из своей школы переходить.

— А она что?

— Говорит, не хочешь — заставим. Сама не уйдёшь — весь класс выкинем. Как думаешь, выкинут?..

Если бы я умела молиться, я бы каждый день просила: Господи, дай людям доброты и терпения. Потому что, наверное, больше некого просить. И нечего больше просить, если даже в школе взрослые ненавидят детей, а дети — взрослых. А когда эти дети вырастут, они будут ненавидеть всех. И никому не смогут поверить, потому что живут во лжи, и в своей, и в той, которой окружают их взрослые. И можно ли сойти с этого порочного круга?

— ...А говорят, в прошлом году тоже один класс разогнать пытались, девятый. Так ребята корреспондента позвали из газеты — и всё дело замяли. Может, и вам пригласить кого-нибудь?

А началось всё с того, что восьмой “Б” вручил директору школы заявление с просьбой сменить классного руководителя. “Мы не находим с ней общего языка”,—

написали ребята. Почему они сочли возможным совершить такой поступок? Не потому ли, что любимое слово директора — “демократия” и о демократии здесь говорят много и с удовольствием? “Мы имеем право, вы имеете право...”.

Однако поступок класса возмутил учителей до глубины души. “Как они посмели? Да посмотрели бы сначала на себя...”. И тогда было созвано очень “демократичное” собрание, где каждый учитель смог выплеснуть на своих учеников всю злобу и обиду, на какую только был способен. Понятно, что из лучших побуждений, желая детям только добра. Ученики отвечали тем же. Но уже без учительских добрых побуждений, а от самой настоящей обиды и нелюбви. Учителя предприняли в педагогических целях следующий шаг: отказались вести уроки в 8-м “Б”. Только трое из них заявили своё несогласие с трудовым коллективом и не отказались от класса.

На следующий день ученики пришли на урок физики. Учитель захлопнул дверь перед ними. В тот день у них было только два урока.

Потом было ещё одно собрание, уже вместе с родителями. Там было много всего: было выплёскивание взаимных обид, были обвинения, и слёзы, и даже чтение вслух “правил учащихся” и “служебных обязанностей классного руководителя”. Не было только добра и терпимости, не было даже попытки понять, что же происходит на самом деле. А ребята превратились в обвиняемых.

В чём обвиняются восьмиклассники? Вызывающе ведут себя на уроках, прогуливают, девочки красятся, грубят учителям, школьными предметами не интересуются, потом и вовсе: видели вечером... нашли записку... Описывать это собрание более чем неприятно. Вот дословно эпизод учительского выступления: “Этому классу я открыто говорю: мне легче, когда вы стоите за дверью. Пусть лучше я буду объяснять эху. Вот ты, Бабков, сколько раз я твой портфель вытряхивала? Ты чего на меня уставился? Я этот класс учить будут только при одном условии: разделить его на две части, и за уроки в плохой половине доплачивать мне 25 процентов...” Другой учитель: “В этом классе учить детей нельзя. Они необучаемые”. Третий: “Я для себя наметил 8 человек и согласен их учить. А от остальных — отказываюсь”.

Директор: “На сегодня государство даёт учителю право избавить себя от общения с вашими детьми. И я никого принуждать не буду. Мы будем учить группу ребят, состав которой определим общим решением на педсовете. Остальных можете или забрать из школы, или платить нам за их обучение по 50 рублей в месяц. Запишите наш расчётный счёт...”.

Да, они трудные, эти дети. Они прогуливают, они хамят, они ведут себя вызывающе. Они плохо учатся и гуляют по вечерам. Так что же, единственный педагогический метод — избавиться от них? Выгнать на улицу? Авось в соседней школе под-

берут? Или, может быть, лучше сразу — в Сибирь, по этапу? Самое странное, что ни разу за этот трудный вечер не был произнесён вопрос: а почему они такие? Пришли они семь лет назад в школу несмышлёнышами, и стали в школе из них лепить людей. Так, может быть, и доля учительской вины есть в том, что такими они получились?

“Есть ещё вопросы?” — спросила директор. И тогда прорвалась, может быть, самая больная боль. Встали две девочки и обратились к директору: “Почему вы сказали, что мы состоим на учёте в милиции? Мы сходили и узнали: на учёте мы не состоим!” Выходит, до сих пор ещё верят. Пока верят — ещё не всё потеряно, ещё можно предложить верить не в это зло, а в добро, например, в то, что они очень хорошие внутри, и нужно только вытащить это наружу, сразу всё изменится.

На этом собрании не хватало троих учителей — тех самых, которые не отказались от класса. “Вы же обещали, что будут все наши учителя!” — “вызывающе” упрекнули дети директора, проглотив очередную ложь и обиду. Если семь лет их воспитывают такими методами — понятно, что, едва ощутив прорезавшиеся зубы, они начинают кусаться.

Я потом долго разговаривала с учениками и с учителями. Мне показалось, что дети добрее взрослых. Они, по крайней мере, ещё не разучились говорить: “Конечно, мы виноваты”. Хотя за этой фразой следует длинный список “но”. А взрослые уверены в своей правоте. Учителя говорили тет-а-тет: “Конечно, мы можем их учить. Но мы должны выступить против них единым фронтом, показать, что они неправы...”. Но получилось, что педагоги и в самом деле не могут. Уже не смогли — ни научить, ни воспитать. Ни даже “удержать в рамках”. Может быть, они и раньше использовали не совсем педагогические методы — пытались зло победить злом? Теперь глотают валерианку и корвалол, но не отступаются.

Интересно, что история эта явилась полной неожиданностью для родителей. Они и на собрании долго не могли взять в толк — что же происходит. Удивлялись прогулам, двойкам, поведению. И столько им плохого было сказано об их детях, и в присутствии детей, что многие, уходя, обещали сегодня же снять ремень и напомнить ребёнку правила поведения в школе. Цепная реакция злобы — тот же замкнутый круг. Злоба совершила его полностью: учитель — родители — дети — учитель.

Родителей тоже можно обвинить. Даже нужно. Но ведь дети за отцов не отвечают. И они не виноваты в том, что родились не в фешенебельных небоскрёбах, а в лимитных общежитиях. Правда, следуя этой логики, надо признать, что и учителя не виноваты в том, что им достались такие плохие ученики. Но, в отличие от детей, они обязаны быть профессионалами. Тем более, что сейчас есть несколько методик для

таких “необучаемых”: и дифференцированное обучение, и выравнивание, и поддержки.

Я не хочу называть номер этой школы. Не хочу множить злобу. (По неофициальным данным, там сейчас разгорается ещё один конфликт — на этот раз с девятым классом, который тоже грозит разогнать).

“Вы чья мама?” — спросила меня в коридоре учительница. Я — мама своего ребёнка. И мой ребёнок тоже, выходит, сможет услышать однажды: “Мы не хотим тебя учить”? Господи, дай людям доброты и терпения...

Соловьёва О., “Московская правда”, 1990, 20 ноября.

Школьник болен “пофигизмом”

О школе, как вообще, так и собственно о своей, трудно сказать что-либо определённое. Уже давно она перестала вполне выполнять свою основную функцию — наделять основами образования. Спросите любого школьника старше пятого класса, зачем он ходит в школу, и один ответит: “За аттестатом”, другой: “За общением”, третий: “Хрен его знает”, “За знаниями” — не ответит практически никто. В нашем сознании школа — нечто неизбежное, место, где, особо не напрягаясь, можно провести лет 9-11, по возможности с наименьшим вредом для здоровья. Вспоминается случайно услышанный ответ выпускника родителям будущего первоклассника на вопрос, можно ли отдавать ребёнка в эту школу: “Смотря чего вы хотите. Если того, чтобы он остался цел и относительно спокойно прожил эти годы,— пожалуй, да. А если того, чтобы чему-нибудь научился,— лучше не надо”.

Недавно наша школа стала школой-вузом, над ней взял шефство один из институтов, облегчив поступление туда выпускников, в старших классах появилась специализация, хорошим ученикам платят стипендию. Вроде бы отличные перспективы... Но нет! Без перемен в психологии учеников, да и некоторых учителей, невозможны перемены в школе. Если же попробовать подыскать слово, которое вполне отражалось бы эту психологию, я думаю, им стал бы “пофигизм”.

...Урок математики. На доске вузовский преподаватель рисует единичный круг. В классе царит весеннее настроение. Между партами по своим делам не спеша ходит народ. Идёт оживлённая беседа о вчерашней дискотеке: кто кому дал по морде. У окна четверо пишут “пульку”, в углу двое влюблённых жгут костёр из бумаги прямо на парте. Все при деле...

Учащемуся в школе наплевать, за редким исключением, на всё, что происходит в ней. Он просто не видит цели, стоящей того, чтобы ради неё прикладывать какие-

либо усилия. Тот, кто хочет чего-то добиться чаще делает это где угодно, только не в школе. Многим же просто всё по фигу. Желание учиться пропадает к классу пятому, когда уже никому не взбредёт в голову поднять руку или, того хуже, проявить инициативу. А предметов, где действительно интересно, оказывается очень и очень мало.

В чём же причина такой ситуации, ставшей, на мой взгляд, типичной? Хочется обвинить учителей. Но тогда вспоминается один человек, который, не будучи педагогом по образованию, захотел работать в школе и пришёл к нам. Он пытался изменить привычную и малоинтересную схему преподавания истории: проводил деловые игры, помногу рассказывал и всё придумывал и вводил что-то новое. А ученики отмахивались от него, как от назойливой мухи, и он никак не мог с нами совладать. Против него ополчилась и администрация, в результате его просто выжили из школы. Как-то печально сознавать, что идеальный учитель — человек, обладающий не только любовью к детям, выдумкой и знанием предмета, но и железной рукой и нервами.

Можно обвинять молодёжь в “пофигизме” и бездуховности, но ясно, что этот “пофигизм” не упал с неба, и что-то заставило школьников махнуть на всё рукой. Я не знаю, что надо делать, чтобы сделать школу лучше, знаю лишь, что сделать это наверняка можно, хотя бы потому, что в каждой из них есть хоть один предмет, на котором люди действительно учатся.

А пока: урок информатики.

— Всё, ребята, я понял, что гражданская война, резня и кровь в этой стране неизбежны. Это точно.

— Ну хоть бы пять лет её, Николай Владимирович, не было.

— Почему пять?

— Через пять лет меня здесь уже не будет.

— А что так?

— А что здесь делать?

Владимиров Иван, ученик 10-го класса. “Куранты”, 1991, 28 июня.

Учиться, учиться, а после — лечиться?

Начался новый год, а вместе с ним у родителей начались и проблемы. О некоторых из них размышляет кандидат педагогических наук Валерий Аксёнов.

Школьники испытывают боли в спине.

Проблемы со спиной чаще всего начинаются как раз в детстве. Каковы здесь причины? В начальной школе ребёнок весит примерно 25 кг, а носит по 8-10 кг в рюкзаках (хорошо ещё, если на плечах). В средней же школе при собственном весе в 40 кг

он уже носит 10-15 кг. А ведь к моменту полового созревания хрупкость скелета у подростков значительно увеличивается.

Конечно, детей нужно учить правильной осанке. Но не стоит ли задуматься над этой проблемой и преподавателям, которые требуют каждый для своего предмета общую тетрадь в 150 листов и сверх того один или два учебника. Нужно облегчить ранец школьника. Скажем, дети могут пользоваться тетрадками со вставляющимися страницами. Таким образом, им не надо будет носить бесполезное число пустых белых листов. Преподаватели могли бы разрешить детям и “ротацию” учебников, когда дети приносят в школу учебники по очереди.

И ещё. Эргонометрические тесты школьного оборудования доказали, что наклонные парты хотя и создают проблемы скользящих и падающих авторучек, но позволяют писать, уменьшая боли в затылке. Для дома необходимо было бы приобрести секретер или мини-парту с наклонной поверхностью. И долой уроки за обеденным столом.

Еда на ходу.

Среднее время ежедневного сна учеников младших классов — 10 часов. И это нормально. Однако что касается еды, дело тут обстоит сложнее. Исследования показали, что ребёнок имеет всего 15 минут на утреннюю подготовку к школе. Его зачастую заставляют идти к столу в тот момент, когда он ещё толком не проснулся и, естественно, есть не хочет, спешка тут вредна и утром, и вечером. Надо оставлять утром ребёнку больше времени: разбудить его раньше и ставить перед ним еду только после того, как он умылся, оделся и привёл свои вещи в порядок. Тот же совет и для старших школьников. Известно, что 85 процентов из них уходит в школу натошак и к половине одиннадцатого они все испытывают гипогликемию — недостаток сахара в крови.

Да и завтраки в школе — тоже проблема. Дети не хотят их есть, они невкусны и к тому же, по утверждению диетологов, неполноценны. Так что лучше сытно поесть перед школой, а в школе просто перекусить захваченным из дома бутербродом и яблоком.

Не старайтесь делать гениев из ваших детей.

Основываясь на идее, что ребёнок в грудном возрасте несёт в себе задатки музыканта, писателя, пловца, полиглота, некоторые учёные предлагают развивать с рождения интеллектуальный потенциал малыша во имя его блестящего будущего. Они игнорируют тот факт, что развитие ребёнка зависит от того, как запрограммирована его генетическая природа и как будет воздействовать на него окружающая среда. И как бы рано ни стимулировалось развитие ребёнка, исследования показывают,

что дети развиваются примерно в одном темпе. Что касается стимуляции умственных способностей, раннего интеллекта, то крайности в этой области являются причиной психосоматических нарушений, расстройств сна и пищеварения.

Из газеты "Женские дела", с сокр., "Педагогический калейдоскоп", 1994, № 35-36.

**Н. Константинов: "Между олимпийскими успехами
и уровнем образования в стране почти нет связи..."**

С 1962 года Константинов — организатор олимпийского движения. С 1980-го — инициатор Международного турнира городов, президентом оргкомитета которого остаётся по сей день.

Строгий смокинг с бабочкой легко меняет на походное обмундирование. А по летней столице предпочитает разъезжать в трусах и майке на выдавшем виды велике.

Когда он ходил в седьмой класс, его маму вызвал в школу учитель математики Владимир Иосифович Фёдоровский и торжественно сообщил: у сына незаурядные математические способности. Самому же Коле посоветовал принять участие в олимпиаде. На вопрос мальчика, что это такое, популярно пояснил: "Это как контрольная работа. Любители писать контрольные собираются в Москве и соревнуются, кто лучше напишет". В свои тринадцать лет Коля обладал достаточно скептическим складом ума, чтобы подумать про себя: "Есть же такие идиоты!! но я не в их числе"...

В пятидесятых закончил физфак МГУ. Несколько лет преподавал здесь физику. И вдруг всё бросил и подался в школу. Самую обычную. Чего ради? Вы удивитесь, но в самом престижном университете страны ему не хватало ... свободы.

Впрочем предоставим лучше слово самому герою.

— Переменной участи я обязан своему научному руководителю Александру Кронроду. В 1962 году я начал работать в 7-й школе, где организовывал первые математические классы и вместе с коллегами по МГУ готовил новые программы.

— *В чём, если кратко, суть вашей методики?*

— Самостоятельная проработка (исследование) учеником новой темы. На полугодие он получает серию задач разной сложности, которые должен решить. А потом — постепенно — разбираем всё вместе.

Методика эта успешно приземлилась в ряде московских школ с углублённым изучением математики — в 57-й, 91-й...

— *Ваше кредо?*

— Не мешать ученику.

— *Правила, которыми руководствуетесь в общении с детьми?*

– Первое: не влихивать халву железной ложкой. Иначе говоря — энтузиазм учителя должен иметь пределы.

И ещё, как это ни странно: энтузиазм ученика должен быть больше энтузиазма педагога. Хотя любовь к своему ремеслу — необходимое условие успеха.

Второе: избегать “внештатных ситуаций” на уроке. Опытный капитан дальнего плавания, отвечая на вопрос корреспондента, какие приключения случались с ним в море, ответил: “Конечно, в море всякое бывает. Но я осторожный человек, и у меня, слава Богу, обошлось без приключений”.

У хорошего учителя, как у того капитана, не должно быть никаких ЧП. Хотя, признаюсь, следовать этому правилу трудней всего. Я сам люблю импровизации, сур-призы.

Помню, как-то один из моих учеников вызвался декламировать стихи собственного сочинения. На уроке. Это было настолько необычно и так нас всех захватило...

– Ваше главное педагогическое открытие ?

Внезапное осознание того, что людей, оказывается, можно чему-то научить...

...Я убеждён, – внезапно меняет тему разговора Константинов, – что секрет поколения 60-х, давшего миру столько талантов, кроется в том, что год рождения большинства из них пришёлся на 1945-й, смешавший в себе горечь войны и радость победы. В Советской России всплеск математики совпал с самыми тяжёлыми послереволюционными годами.

– После первой встречи я запомнила такую вашу фразу: “Эпохи меняются — олимпиады остаются”. Так ли уж талантливо нынешнее поколение? Не даёт сбояв ваша теория?

– Талантливых и, главное, заинтересованных ребят немало. Олимпиады продолжают пользоваться популярностью, хотя с фантастическими в этом смысле 60-ми это безусловно несравнимо. Ценно и то, что дети участвуют в олимпиадах совершенно бескорыстно.

– Евгений Викторович Ткаченко любит приводить статистику олимпиадных побед как доказательство благополучия в образовании. С другой стороны, известно: на олимпиады каждая страна выставляет, простите мне это сравнение, самых “породистых щенков”. Вам как специалисту можно доверить роль эксперта в споре: есть ли связь между общим уровнем образования в стране и результатами олимпиад?

– Связь очень косвенная, а отличие — огромное.

Приведу такую аналогию. Если повышенная температура — признак болезни, то нормальная — вовсе не показатель здоровья.

Некоторые государства тратят колоссальные усилия на подготовку олимпиадной команды (6-10 человек). Это Румыния, Америка, Китай. И если показуха — самоцель, тогда объективно оценить уровень образования по итогам этих состязаний невозможно.

Как объяснить тот факт, что Ангарск или башкирский Белорецк дают стабильно высокие результаты на международных соревнованиях по математике? Думаю, прежде всего это связано с давними и крепкими традициями и в какой-то мере — с заинтересованностью местных властей.

Вы удивитесь, если я скажу, что главной математической Меккой России признан... Киров. Лет десять назад туда приехал по распределению выпускник Ленинградского университета Игорь Рубанов. Он сделал там блестящую карьеру, воспитав целое поколение замечательных учеников. Так что теперь мы вправе говорить о традициях Кировской математической школы.

Ежегодно в этом маленьком вятском городе проводится летняя математическая школа, где старшеклассники имеют возможность заниматься у лучших преподавателей из Санкт-Петербурга, Белорецка, Москвы, Гамбурга. На учёбу в Киров стремятся попасть американцы. Видите, как много зависит от одного человека! Ну а Турнир городов просто помог Кирову выйти в большой мир.

Кстати, я проанализировал данные турниров за последние несколько лет и выяснил: из 1100 столичных школ только сто постоянно участвуют в олимпиадах. Если же говорить об успешных, ярких выступлениях, из раза в раз отличается только десятка сильнейших. Это на десять миллионов горожан!

Получается, что Москва в этом плане — провинция. Причём берёт, как правило, не столько умением, сколько числом.

Хотя средний московский и российский уровень математической подготовки школьников всё равно выше американского. Беда Америки в том, что там к ученикам не предъявляют никаких требований. На олимпиадах предлагают самые лёгкие задачи, исходя из принципа: нельзя травмировать ребёнка трудными.

Рациональные американцы легко принимают ситуацию экономического неравенства в обществе, но вовсе не интеллектуального! Они убеждены: интеллектуальное превосходство одного человека над другим недопустимо. И ещё: не дай Бог, если белый решит лучше чёрного!

— *Сегодня любят повторять: "Чтобы страна выжила, необходимо сохранить и восстановить её национальный генофонд". Только и слышно: "Развивайте развитых!", "Спасай элиту!". А как быть с менее успешными учениками?*

— Да-да, я понимаю... Американские коллеги, кстати, уделяют отстающим, детям с физическими и умственными отклонениями гораздо больше внимания. Почему у нас иначе? Я объясняю это так: люди сами лучше знают, где у них болит.

У нас в стране долго душили элиту, возник вакуум. Когда в обществе не хватает элиты, оно начинает рассыпаться. Это как пирамида: наверху — один Эйнштейн, сто ведущих профессоров. В основании — десять миллионов рабочих, прошедших курс общей физики в школе. Ниже — слабоумные.

Так вот, когда в стране с элитой будет более или менее порядок, обратим свой взор и на обездоленных.

— *Мне рассказывали, что 25 лет назад, когда компьютеры в нашей стране были в диковинку, вы со своими учениками сделали первый компьютерный мультфильм. Как вы относитесь к компьютерным играм?*

— Подростки за ними не видят реального мира. Кроме того, компьютер предлагает готовые версии — значит, притупляется воображение.

Нынешние дети не замечают природу. Я знаю студентов, которые впервые за свои 20 лет увидели радугу (или впервые обратили на неё внимание).

Всякий раз своим новым ученикам (математикам) я задаю вопрос: какого цвета ворона? Мне дружно отвечают: чёрного. Как бы не так! Ведь чёрные у неё только грудь и хвост, а крылья и бока — серые.

Так же точно тестирую физиков, и они в большинстве случаев попадают в точку.

Этот тест лишний раз подтверждает моё убеждение, что физики живут в реальном мире, а математики — в придуманном.

Тем не менее математики находят гораздо больше сфер применения своим знаниям...

— *Вот как?..*

— Да, мои бывшие ученики сегодня выполняют самую неординарную работу. Например, позвонил я одному из них, а он мне говорит: “Ой, подождите, я должен выгнать телёнка из своего кабинета”. Я, конечно, изумился, а он спокойно объясняет: в его Институте трансплантации искусственных органов проводят опыты над животными, а он составляет компьютерную программу.

Другой — в Брайтоне в стоматологическом институте: вычисляет формы коронок зубов.

Ещё кто-то — в Третьяковской галерее: составляет каталог картин на компьютере.

— *Всю жизнь вы посвятили работе с одарёнными детьми. Всегда ли вы встречали понимание со стороны власти придержащих?*

– Да нет, конечно! Турнир городов начал работать в злополучном для меня восьмидесятом. Болгарские учёные подкинули идею напечатать статью об этом начинании в международном журнале *“Математические соревнования”*, чтобы привлечь к турниру участников из разных стран. Естественно, на публикацию статьи потребовалось разрешение специального отдела Академии наук. Его не дали. Тогда я попросил болгарских учёных Табова и Банкова подписать эту статью, перекроил начало: “Мы, болгарские учёные, включились в Турнир городов и всех призываем к участию” и т.д. Вот так...

Меня уничтожали. Выгоняли из школы, из оргкомитета олимпиад. Это были предпоследние судороги советской власти.

Как выстоял? Для меня самого — чудо.

Есть древняя китайская мудрость: для того чтобы пройти сквозь стены, необходимо соблюсти два принципа. Во-первых, нужна полная уверенность в своих силах. Во-вторых, обладатель такого искусства должен сохранять его в глубокой тайне. Так что секрет своей жизнестойкости я не раскрою никому!

Дашковская Ольга, “Педагогический калейдоскоп”, 1995, № 24(76).

Учиться хочу, но не могу

Понятия “труднообучаемый ребёнок” в России нет

К сожалению, надо признать горькую истину — детей-отличников в школах становится всё меньше и меньше, а количество двоечников увеличивается. Ребят с нервно-психическими расстройствами в школах больше 15 процентов, к подростковому возрасту многие из них подходят с диагнозами “отклоняющееся поведение”, “интеллектуальное недоразвитие”, “невроз”. У родителей, порой и учителей в адрес такого ребёнка вполне может вырваться слово “дебил”, но эти дети не относятся к категории умственно отсталых. А понятие “труднообучаемый ребёнок” в России отсутствует. То есть проблема, конечно, существует, педагоги и психологи ею занимаются, но на создание специальных школ, классов, на разработку методик, на подготовку специалистов не хватает... Угадайте чего.

Опыт США в этой области заставляет печально вздохнуть. Понятие “труднообучаемый ребёнок” было придумано и введено американским психологом Керком в 1963 году, когда все дети в СССР были, конечно же, поголовно умны, здоровы и счастливы и учились дай Бог каждому. За эти годы в Америке были созданы около 500 специальных школ и клиник для труднообучаемых детей, права их узаконены актом “Об образовании лиц с нарушением способностей”, а за последние пять лет на изу-

чение нарушений обучения у детей затрачено тридцать миллионов долларов. Там существуют даже колледжи и университеты, где могут помочь подросткам и студентам с проблемами в обучении.

Об этом на семинаре “Как работать с труднообучаемыми детьми” рассказывали американские психологи Карен Круз и Сьюзен Хорн, приехавшие в Москву по приглашению центра практической психологии “Катарсис”. На семинар прибыло около пятидесяти учителей из всех регионов страны, многие из них — по совету своих коллег, уже побывавших на таких семинарах. И естественно, — у российских учителей было что рассказать американским коллегам, и Карен Круз с Сьюзен Хорн вернутся домой с записями, которые помогут им в работе. Возможно, и нашим учителям удастся многое перенять у коллег и ввести в своих школах новые методы без дополнительных затрат.

По словам Карен Круз, дети с трудностями в обучении испытывают трудности также и в отношениях со сверстниками, более способными — поскольку не могут соревноваться с ними. Результат — низкая самооценка, которая обучению тоже не способствует. Основная же причина трудностей в обучении — наследственность и социальный уровень.

В Москве таких детей от 15 до 37 процентов — количество зависит от районов. А в целом по стране самое лучшее положение на Урале и в некоторых городах Сибири — 5-7 процентов, а самое сложное — в республиках Кавказа и на границах со странами ближнего зарубежья — от 40 до 70 процентов. Снизить эти цифры радикально семинар, конечно же, не поможет, пока не изменится социальная атмосфера, но хотя бы минимальное улучшение работы с детьми — всё же лучше, чем ничего.

Женин Владимир, “Педагогический калейдоскоп”, 1996, № 44.

Плоды просвещения

Когда я смотрю на своего семилетнего внука, вникающего в азы школьной программы, что придумали для первоклассников дяди и тёти из нашего образовательного министерства, мне становится не по себе. Желая, видимо, сделать из наших детей вундеркиндов, они сеют такой сумбур в их головах, что фактически убивают всякий интерес к учёбе, подрывают у первоклашек веру в себя и в свои способности. Я пишу об учебниках для 1-го класса “Математика” под редакцией М. Мера, М. Бантовой, Г. Бельтюковой. Там на странице 133 даны занимательные квадраты. Мы с мужем (оба с высшим образованием) пытались разобраться, понять их суть и направленность, но, увы так и не одолели. И таких примеров много. Взять хотя бы учебник “Устное

народное творчество” под редакцией М. Головановой, В. Горецкого, Л. Климанова. Учебник состоит из 343 страниц, а до этого и “Букварь” ещё надо одолеть. Чтобы осилить “Букварь” и одновременно “Устное народное творчество”, учителя вынуждены устраивать спортивное состязание: каждый ученик должен в минуту прочесть 50 слов. И совсем неважно, понимает ученик смысл того, что читает, — главное автоматически “оттарабанить”. А если учесть, что у семилеток отсутствуют передние зубы, то многие из них просто не в состоянии произнести чётко то, что нужно.

Я сама — бывший педагог, тщательно изучила эти два учебника и решила через вашу газету обратиться в Министерство просвещения: пожалуйста, сопоставьте рекомендуемые программы с возможностями семилетних детей.

Калужная Г., отличник просвещения СССР. “Труд”, 1997, 20 мая.

Тяжело в учении, легко в кошельке

Как я нанимала репетитора и поступала в институт вместе с сыном

...На дворе сентябрь. Начало учебного года. А в глазах родителей тоска: опять школа, уроки и вечный вопрос: как поступать и куда? До последнего звонка есть ещё время, чтобы разработать план генерального сражения за будущее своих чад и загора позаботиться о блестящих результатах вступительных экзаменов в любой, даже очень престижный вуз.

Правда, если вы думаете, что достаточно нанять репетитора, записать отпрыска на подготовительные курсы, отправить его на стажировку за рубеж — и приёмная комиссия сама упадёт к вашим ногам, то вы заблуждаетесь. Гораздо чаще в обморок падают родители, когда узнают, что любимый киндер (вот так сюрприз) срезался на первом же экзамене, схлопотав законную “двойку”. К сожалению, и так бывает, причём довольно часто. Особенно в семьях с высоким IQ — коэффициентом умственного развития, — в которых детишек готовят — ни много ни мало — сразу в президенты фирмы, банка, страны.

Сама через всё это прошла, поскольку всегда была уверена, что ращу будущего Рокфеллера, Форда, в крайнем случае — Вашингтона, хотя ношу фамилию (по мужу) Ильина. Потратив кучу эмоций, нервов, здоровья и средств, получила вместе с сыном заветную серебряную медаль, успешно сдала вступительные экзамены и теперь “учусь” на третьем курсе университета лингвистики (бывший иняз Мориса Тореза). Готова дать бесплатные советы всем, кто собирается в нынешнее трудное время с наименьшими затратами получить студенческий билет.

С чего начинать и когда? Начинать нужно уже с седьмого класса, когда в школьной программе появляются черчение, астрономия — “разовые” предметы, оценки за которые тем не менее попадут в аттестат. Какая-нибудь случайная “четвёрка” по географии в восьмом может всё испортить, даже если в 10-м и 11-м ваш лоботряс вздумает учиться на одни “пятёрки”. Кстати, круглым отличником в школе становиться не рекомендую — можно надорваться. В классе моего сына одна потенциальная отличница, которая десять лет шла на золотую медаль, на последнем звонке ослабилась и перебрала с шампанским. Педсовет ей этого не простил и лишил заветной награды. Девочка с горя попала в психушку.

Хотя правила для поступающих в вузы перекраиваются каждый год, я бы не советовала пренебрегать серебром, которое, хоть и не даёт особых привилегий на вступительных, тем не менее добавляет шанс абитуриенту. “Круглые” зазнайки, чтоб вы знали, институтских преподавателей чисто психологически раздражают, а бойкие хорошисты вызывают уважение и желание поставить твёрдую “пятёрку”.

Но если по объективным причинам золотая медаль (она даёт право сдавать только один вступительный экзамен) всё-таки нужна, ведите строгий учёт всех четвертных и годовых оценок, которые войдут в аттестат, и по возможности быстро их исправляйте. Для этого надоедайте учителям, дружите с завучем, вступайте в родительский комитет.

У моего деловитого сына, кроме обычного дневника, был ещё и личный журнал, куда он проставлял все текущие оценки и с математической точностью просчитывал: на каком уроке нужно получить “пятёрку”, а с какого лучше сбежать, чтобы оценку за четверть не испортить. Нет, это не “подстава” с моей стороны. Скорее — страховка. В 10-11 классах нагрузка такая, что если готовиться ко всем предметам на совесть, то можно свихнуться.

Брать репетитора нужно с умом. Вот краткое руководство:

1. Никогда не нанимайте репетитора с улицы или по объявлению. К профессионалу и толковому педагогу можно попасть только через знакомых и только за большие деньги (от 20 долларов в час и выше).

2. Как бы ни было неловко, вы вправе отказать репетитору, если возникает малейшее сомнение в его порядочности и профессионализме. Если, к примеру, репетитор принимает по 10-15 учеников в день, гоните такого стахановца в шею. И помните, что обучение в группе стоит гораздо дешевле, чем индивидуальное.

3. Не стесняйтесь спрашивать у ребёнка, по какой методике проводится урок, как проверяется домашнее задание. Вас должен насторожить тот факт, что занятия проводятся на кухонном столе, прерываются чаепитием и телефонными звонками.

4. Если репетитор души не чает в своём талантливом ученике, меняйте педагога пока не поздно.

5. Советую искать репетитора в том вузе, куда решено подавать документы. Неважно, окажется ли педагог членом приёмной комиссии или нет, зато он научит, как обойти подводные камни, и выдаст все экзаменационные уловки и тайны.

Последние два года перед вступительными экзаменами мой сын три раза в неделю ездил на платные институтские курсы. Нынче подготовительные курсы действуют чуть ли не при каждом вузе. Школьников там учат, как поступить и не провалиться. Нам с сыном эти курсы очень помогли. Тем более что за месяц до вступительных экзаменов я попросила педагога заняться с моим сыном индивидуально. Вообще-то это запрещено, но кто откажет, если за деньги. Помогло. Экзамены мы сдали на “пятёрки”. А деньги сэкономили.

Не знаю, как насчёт других институтов, а что касается языковых, проверено: никакая зарубежная стажировка не заменит целенаправленной и качественной подготовки у себя дома.

Ильина Александра, “Труд”, 1998, 15 сентября.

Сага о школе

сочинение педагога

Среднее образование периодически то хвалят, то ругают. Однако на моей памяти никто не пробовал рассмотреть обычную районную школу как систему с заданной функцией и проанализировать, выполняет ли система свою функцию: давать детям среднее образование. Из всех определений термина “система” я выбрала взятое из техники: система есть средство достижения цели. Кроме цели, существуют ещё инструмент, изделие и технология.

Изделие

Первоклашки — маленькие живые заготовки, такие трогательные, отзывчивые, жизнерадостные, с первых же дней попадают на конвейер. Начинается обработка поточным методом. Всех надо научить читать, писать, считать. Инструменты-учителя больше всего ценят усидчивость и послушание — эти качества материала способствуют эффективности обработки. Невостребованная же сообразительность ищет свои пути реализации. Так формируются “хулиганы”. Классу к седьмому-восьмому оказывается, что подавляющее большинство учеников не умеют читать, писать, слушать, думать и говорить. Читают по слогам, слушают механически, не вникая в суть, пишут безграмотно, говорят на “пиджин-русиш”, а думать могут лишь при наличии подсказок. С памятью тоже проблемы, необходимость выучить стихотворение в три-четыре

строфы — трагедия. В последнее время начали поговаривать, что детишек в школах излишне перегружают. Если исправно выполнять все домашние задания, то спать будет некогда. А разве двадцать лет назад задавали меньше? Ничего подобного! Просто раньше заготовки были другие: очень многое все и так знали, потому что книги читали даже двоечники. Читали Дюма, Вальтера Скотта, Купера, Марка Твена, Майн Рида... Нынешние “дети телевизоров” позитивной информации из мультиков и сериалов не черпают.

Словом, изделие сильно сопротивляется общепринятой обработке. И в итоге каждое лето школы выпускают (за некоторыми, конечно, исключениями) поток инфантильных недоучек, которым учителя поставили тройки, чтобы не создавать лишних трудностей ни себе, ни им. В обыкновенных районных школах из класса в 25-30 человек в среднем не более пяти умных и знающих. Воспитанных из них в лучшем случае двое. Самостоятельных порой ни одного.

Может быть, дело в дефектах инструмента?

Инструмент

Учителя делятся на три категории. Педагоги от Бога, причём смысл жизни в работе, составляют меньшинство. Следующая группа, с каждым годом всё более увеличивающаяся,— училки поневоле. Бывшие инженеры, библиотекари, музейные работники, а также женщины, временно преподающие в школах ради собственных детей. Третья категория — выпускники педагогических институтов и училищ — до сих пор остаётся самой многочисленной.

Наиболее талантливые и энергичные ушли в лицеи или инофирмы. Оставшиеся в обычных школах слишком консервативны или социально пассивны, чтобы рискнуть уйти или сменить сферу деятельности. Но они в этом не признаются, говорят, что надо же кому-то учить детей... У многих училок после нескольких лет в школе меняется осанка. Но самое важное другое: они не выглядят счастливыми.

Учитель, стоящий у доски, хочет он этого или не хочет, всем своим видом говорит: “Учитесь у меня — и станете такими, как я”. Учитель хочет, чтобы ученики полюбили его самого и его предмет. Но если от него не расходятся волны счастья, о какой любви может быть речь? Как научить тому, чего не умеешь сам? Постные лица, ровные невыразительные голоса живых динамиков отталкивают детей больше, чем крики и подзатыльники.

Учитель на каждом уроке представляет театр одного актёра. И уже поэтому неправда, что учителя — самые обыкновенные люди. Тогда почему бы не взять и не сыграть счастливую училку?..

Однако в большинстве случаев учителя-инструменты просто стараются добросовестно обработать свои изделия согласно предписанной технологии.

Технология

Основные методы обучения до сих пор остаются репродуктивными (от слова “репродуктор”)... Тыфу ты, да о чём это я? Что за дурацкое казённое выражение? Урок — это прежде всего игра, в которой учитель — водящий. Правила таковы: водящий выдаёт игрокам очередную порцию информации в соответствии с учебным планом. Игроки должны доказать, что она проглочена, переварена и усвоена. Запрещается отвлекаться и отвлекать других игроков, мешать водящему. Призы — оценки. Финальный тур носит название контрольной работы или экзамена. Водящих больше всего заботит, чтобы никто не опозорился в финале. Отдельные игроки периодически нарушают установленные правила, стараясь навязать свои собственные. Таких объявляют неуправляемыми. “Что за чушь!— воскликнут педагоги. —Мы что, веселить детей приходим? Мы их учим!” Да-да, конечно. Звонит звонок на урок, учителя неторопливо расходятся по классам, на ходу обсуждая какие-то свои проблемы, и будничными бесцветными голосами начинают что-то там бубнить. Ску-учно..

...Технология неэффективна.

Что делать?

Пустопорожние рассуждения о содержании образования, передовых методиках и т.п. мне уже осточертели. Ругаться умеют все, это несложно, а ориентироваться на конкретные школы или отдельных талантливых педагогов бессмысленно: чужой опыт перенять нельзя, можно лишь накопить собственный. Заставить детей учиться невозможно. Поменять педсостав? На кого? Сделаем образование платным — получим армию беспризорников.

Среднее образование — это огромный маховик, обладающий неизмеримой инерцией. Зайдите в любую школу, посидите на педсовете — и вам почудится, будто вы попали в 1989 год или ещё раньше. Ничего не меняется, ибо не меняется главное — сами цели системы образования. А ведь от цели, как от печки, пляшет функция. Мы привыкли к словам “среднее образование”. На деле школы заняты просто “передержкой” (чтобы дети не болтались без дела по улицам), а в это время умные дяди и тётки выясняют, насколько образование должно быть “средним”, забыв о ... целях.

У нас, как всегда, чистят рыбу с хвоста, до одури обсуждая пути усовершенствования технологии да изредка пиная инструменты и изделия. А школьные реформы потому и буксуют, что цели не определены!

Кого государство хочет получать на выходе? Серые послушные массы или знающих, предприимчивых, самостоятельных работников? Полуоперившихся подростков или социально зрелых, дееспособных граждан?

Пока цели обучения чётко не заданы, все элементы системы будут конфликтовать друг с другом.

* * *

Я поставила точку и дала почитать это сочинение своему приятелю — учителю литературы. “Ну так всё это давно известно,— заметил приятель.— Я со всем согласен. Но пойми: стоять у доски с таким настроением нельзя”. Да, знаю, сама десять лет училкой отпахала. Идти к детям с чувством бессмысленности своего дела невозможно. И получается, школы держатся на самообмане. А дети очень тонко чувствуют такие вещи. Им можно наврать, но обмануть их нельзя. Ощущение несоответствия обучения реалиям нынешней жизни подспудно накапливается и выливается в неосознанные протесты. А мы говорим: дети учатся не хотят...

Ордынская Мария, “Мир за неделю”, 1999, № 5, 25 сентября
(из “Литературной газеты”)

Я выдёргивала волосы, чтобы болью заглушить страх перед школой

Письмо бывшей отличницы, прошедшей 8 лет “морального концлагеря”

Меня очень больно задела статья “Вашего ребёнка невзлюбил учитель”. Читала и... плакала. Я была жертвой учительского произвола. Впрочем, почему “была”? Я — детский врач и как профессионал прекрасно понимаю, что этот кошмар будет преследовать меня всю жизнь, что никакой психолог и никакие лекарства не избавят меня от ЭТОГО...

Фельдфебель в юбке

Всё началось с того, что мои родители решили отдать меня в школу в шесть лет (было это в 1979 году). Предыдущие шесть лет они усердно “воспитывали” любимую дочку в лучших по тем временам учреждениях с “индивидуальным подходом” и английским языком, а когда выяснилось, что ребёнок в шесть лет свободно читает, считает и пишет,— отправили в класс, тем более, что моя мама работала в той же школе.

Помню, как было обидно, когда оказалось: читать можно только “мама мыла раму”, а писать — палочки и кружочки. К тому же выяснилось, что у меня отсутствует пространственное воображение — ни лепить, ни шить, ни рисовать...

“Учительница первая моя” оказалась настоящим фельдфебелем в юбке. Слово “придурок” на уроке воспринималось как нечто само собой разумеющееся.

Уже тогда надо мной начали издеваться — я же не хотела и не могла “быть как все”. Ну вот все нарисовали яблоко, а Ефремова не может и плачет — выйди к доске,

Ефремова, и рисуй яблоко там! Не можешь — получи законную “двойку” (дома отметкам придавалось мистическое значение, “двоек” я боялась как огня).

Круги настоящего ада

До четвёртого класса всё это не переходило неких пределов (я же нужна была учителям — пухлощёкое создание с ясным взором, бодро декламировавшее стишки про дедушку Ленина...). Затем наступил ад.

В наш класс перевели одну очень жестокую и властную девочку, которая очень быстро стала “заводилой”, а “козлом отпущения” избрали меня — к тому моменту уже боявшуюся всего на свете и более всего — обычных школьных насмешек. Теперь к ним прибавились и “тёмные комнаты” (избиения).

Классным руководителем была мегера, с которой (это я узнала, когда стала взрослой) люди не выдерживали соседства по дачному участку. Я жила “от урока до урока”, с ужасом ожидая новой порции публичных издевательств... Через год в дружном школьном коллективе прибавилась ещё одна учительница рисования, имевшая обыкновение за забытые мелки или “неправильно” нарисованную лошадь бить учеников линейкой по лицу перед всем классом.

Всё это кончилось тем, что к двенадцати годам я перестала спать, есть, у меня ключьями выпадали волосы, а иногда я их вырывала, чтобы болью заглушить постоянных страх. После очередного урока рисования я попыталась броситься под автомобиль. К счастью, водитель успел затормозить. Это случайно увидел учитель истории, который сообщил родителям, что происходит что-то неладное.

К этому моменту меня уже всюю водили по врачам, которые никак не могли определить причину внезапной “болезни” (на осмотрах я молчала, как пленный партизан, потому что учительница рисования сказала? “Если расскажешь матери, тебя исключат из пионеров и выгонят из школы”). В конце концов я оказалась у лучшего детского психоневролога Ленинграда В.И. Гарбузова, который вытащил меня из кошмарной пропасти. Меня очень долго лечили.

Я окончила восемь классов, поступила в медучилище, затем — в Педиатрический институт. Окончила и его с “красным дипломом”, сейчас работаю педиатром, специализируюсь в области детской эндокринологии.

Да, я добилась того, чего хотела, у меня прекрасные перспективы на будущее. Но... каждый раз, когда мне нужно зайти в свою “бывшую” школу, я глотаю успокаивающие таблетки. Само слово “школа” ассоциируется с каким-то иррациональным ужасом. Я научилась бороться со страхом без помощи врачей, но, когда у меня будет свой ребёнок, я буду беречь его от школы, как от армии.

Учителей нужно судить!

Я в медицине уже больше десяти лет. И несколько раз я видела, как такие же жертвы учителей и сверстников, затравленные, доведённые до отчаяния, делали последний шаг. Так называемые “завершённые суициды”. Поверьте, ничего страшнее и нелепее нет и быть не может.

Если участковый педиатр приходит на вызов в дом, где живёт ребёнок, и видит, что родители за ним не ухаживают, не кормят и тем более бьют,— он может, по крайней мере, обеспечить так называемый “социальный патронаж”. То есть прийти снова и запротokolировать то, что увидел, после чего реально привлечь и милицию, и социальную службу. Есть даже специальный термин СООСД (“синдром опасного обращения с детьми”). Но если имеет место “школьный суицид”, даже со всеми возможными доказательствами, я не знаю ни одного случая, при котором учитель-варвар получил бы хоть что-то, кроме “общественного порицания”.

Я не собираюсь мстить. Но я не могу смириться с тем, что люди, изуродовавшие мою душу, обрёкшие меня на восемь лет “морального концлагеря”, спокойно ходят по земле и продолжают истязать самых умных, добрых и способных детей. Единственное, что меня останавливает, так это то, что в этой же школе работает моя мама. Она считает себя и своих коллег правыми. Пусть так, но я часто, слишком часто вижу детей, доведённых до невротического состояния в школе. И если я увижу такого же несчастного ребёнка, какой была я, — я “назначу” его матери встречу уже не только с психологом. А просто покажу ей вашу статью. И посоветую обратиться в суд. Немедленно.

С уважением, Елена Ефремова, Ленинградская область,
“Комсомольская правда”, 2000 г, 4 апреля.

В Саратове готовят защитников детей

Ввести в школах должность уполномоченных по защите прав детей предложил Александр Ландо — уполномоченный по правам человека в Саратовской области. С октября прошлого года эту идею дорабатывала специальная рабочая группа, в которую вошли представители областного Министерства образования, комиссия по делам несовершеннолетних, прокуратура. Решили так: чтобы эффективно защищать права детей, нужно прививать правовое сознание не только детям, но и остальным участникам учебного процесса — учителям, воспитателям, родителям. Было разработано “Положение об уполномоченном по защите прав участников общеобразовательного процесса” и Примерное положение о его выборах. Согласно ему уполномо-

ченного избирают в школах на один год, в течение которого уволить правозащитника нельзя. Тогда же решили, что должность может занимать только взрослый — слишком хлопотное и беспокойное дело.

Эксперимент начат в январе и будет длиться один год. Поучаствовать согласились 12 школ. Юным уполномоченным даже подготовили спецкурс в местном институте повышения квалификации учителей, вёл который сам главный саратовский правозащитник.

Если начинание (тьфу, тьфу, чтоб не сглазить) принесёт хорошие результаты, то через год “школьные уполномоченные” появятся в каждой саратовской школе.

Кстати: В одной из саратовских школ тоже в порядке эксперимента с начала учебного года проходит службу “школьный полицейский” — офицер милиции. Его задача — работа с трудными подростками, детьми из неблагополучных семей, выявление и борьба с наркотиками. В будущем учебном году в Саратове собираются привести в классы уже десять “школьных инспекторов”.

Цаплин Юрий, ред. “КП” в Саратове., “Комсомольская правда”, 2000, 4 апреля.

Мы устаём, как ломовые лошади

Ох и обрадовались же мы, когда узнали, что вроде бы вышли какие-то постановления об облегчении жизни одиннадцатиклассников. Дескать, выпускные классы слишком перегружены домашними заданиями, и посему, во-первых, запрещается задавать им на дом письменные работы по таким малосущественным предметам, как ОБЖ (основы безопасности жизни), экология, обществознание, второй иностранный язык, и МХК (мировая художественная культура). Во-вторых, все предметы будут разделены на базовые и факультативные. И тогда можно будет разгрузить сетку расписания.

Мы приносили в школу самые свежие газеты, в которых хоть что-то говорилось на волнующую нас тему, обменивались мнениями, радостно ждали улучшения жизни. Учителя тоже обсуждали скорые нововведения. Но всё пока что остаётся по-прежнему. Как нам объясняют, никаких приказов о внедрении новых порядков в школу до сих пор не поступило. Так что если кого-то когда-то и разгрузят, то, видно, мы в число счастливиц уже не попадём.

У меня есть друзья в Измайловской гимназии. Там второй год, в качестве эксперимента, существует система, подобная той, о которой мы было размышляли. Ребята говорят, что им стало значительно легче готовиться в вузы. Поскольку всё внимание можно сфокусировать на предметах, необходимых для сдачи вступительных экзаменов, и изучать их углублённо самому, что очень важно.

Ведь что происходит сегодня? Многие после занятий бегут на какие-нибудь подготовительные курсы. Но там скорее помогают вспомнить, обобщить и разложить по полочкам полученные в школе знания, чем вникнуть в нюансы предмета. Конечно, здорово могут помочь репетиторы, натаскивая вас в овладении именно нужной наукой. Но не знаю, как в других школах, у нас же большинству такое “баловство” недоступно: репетиторы нынче берут от 10 до 60 долларов за урок, в зависимости от предмета, а также от квалификации и личных амбиций педагога.

Так что все мы сходимся во мнении: куда лучше досконально со школьным учителем и самому изучать любимые, а главное — необходимые в будущем науки, чем нахватываться, как это практикуется сегодня, вершков по огромному спектру предметов, которые тебе никогда в жизни не пригодятся. Мало того, что мы размениваемся по мелочам, якобы осваивая сразу полтора десятка разных наук (и в результате серьёзно не освоив ни одной), у нас же ещё безумно напряжённый рабочий день.

Представьте себе — семь, восемь, а у кого-то и девять уроков в школе, потом — три пары на каких-нибудь подготовительных курсах; о получении высшего образования думает большинство старшеклассников. Обычно первый урок начинается в 8.30. В некоторых школах, чтобы занятия заканчивались пораньше, вводится так называемый нулевой урок, на который надо приходиться к 7.45. Для тех, кто не знает: восьмой урок заканчивается в 16.05. Забежать куда-нибудь пообедать некогда. Курсы, как правило, — три раза в неделю. С них мы возвращаемся в одиннадцатом часу вечера, выжатые, как лимон. О каких домашних заданиях, тем более письменных, можно вести разговор?

Но... В школьной программе запланирован обязательный 15-страничный реферат, скажем, по биологии или истории. Кто-то из учителей, понимая степень наших перегрузок, сквозь пальцы смотрит на то, что ученики скачивают необходимые сведения из Интернета и на этой основе компилируют что-то похожее на раскрытие темы. Но ведь есть и другие преподаватели. Чтобы ученик не дай Бог не списал или не прибег к помощи всезнающей компьютерной сети, они изобретают новые требования. Например, сделать реферат в форме сказки, былины или поэмы. Какая же это попытка — вымучивать 15-страничную биографию великих политических деятелей XX века, например, В.И. Ленина, в стихах. Я, между прочим, не придумываю и не утрирую — нам надо было выполнить такое задание по истории к 4 апреля. Мы не высypаемся, мы ничего не успеваем, мы замотаны.

А потом спрашивают: чего это у молодёжи такая неустойчивая психика, что это они старших не замечают, а если и замечают, то настроены по большей части агрес-

сивно? Да устаём мы, люди, устаём, как ломовые лошади. И поэтому, как манны небесной, ждём тех самых нововведений, с которых я начала своё письмо.

Вероника Кобзева, одиннадцатиклассница, “Вечерний клуб”, 2000, 8 апреля (№ 15).

Российская школа глазами министра

В. Филиппов.

“Лучше тратить деньги государства на образование, чем на СИЗО”

– Владимир Михайлович, вы довольны образованием, которое получили в школе ваши дети?

– Нет, абсолютно не доволен. Я считаю, что это очень среднее образование. Причём намного ниже того, которое получили мы с женой. Она и я окончили школу с медалью. Мне пришлось нанимать им репетиторов, потому что мне было бы стыдно, если бы они не поступили в вуз. Нагрузка была сумасшедшая. Они одновременно ходили три раза в неделю на платные курсы и ещё три раза в неделю занимались с репетиторами.

– Сейчас много говорят о необходимости реформирования системы образования.

– Понятие реформы очень общее. Просто есть конкретный план действий. Это, например, введение в качестве эксперимента в 2001-2002 годах единого национального экзамена, отработка новых принципов финансирования, создание университетских комплексов. Также намечено проведение эксперимента по новой структуре и содержанию общего среднего 11- и 12-летнего образования.

Я горжусь тем, что по методологии преподавания наша школа осталась прогрессивной по сравнению с другими странами мира. Наши дети — самые сильные на всех международных олимпиадах. Но есть и другая статистика. Она говорит, что школа больна и надо что-то менять. В 1995-1997 гг. Европейское сообщество опросило 2 тысячи российских школ. Результаты опроса опубликованы: 50% российских школьников не усваивают половину содержания по физике, химии, биологии. Ничего удивительно. Да, 50% не усваивают, но из них 25% по своему развитию к старшим классам просто не в состоянии их освоить. Другие 25% — это те, которые себя считают гуманитариями, и им тонкости этих предметов не нужны. Я считаю, мы должны так же, как и на Западе, не заставлять всех наших детей изучать в одинаковом объёме физику, химию, биологию. Обязательной должна быть 10-летка. А сложные разделы надо изучать в профильных 11 и 12-м классах.

– А кто виноват в том, что новая расширенная программа втиснута в те же 10-11 классов?

– Мы, взрослые, виноваты. Мы перегрузили учебную программу, ввели новые предметы: основы граждановедения, основы экономики, основы безопасности жизнедеятельности, расширили тематику. Я уже не говорю о новых разделах в химии, биологии которые вводились из-за веяний в науке. Недавно мы посчитали и ужаснулись: сколько времени ребёнок должен заниматься, чтобы освоить новую программу... По нашим нормативам получается, что для освоения программы ребёнок должен заниматься 167 часов в неделю. Но в неделе всего 168 астрономических часов. И что мы можем требовать от детей при такой нагрузке?

– Что, по вашему мнению, следует изменить?

– Основная идея реформы — реструктуризация системы школьного образования. Во-первых, мы должны разгрузить детей в десятилетней школе. Мы должны убрать из программы сложные разделы сложных предметов. Во-вторых, чтобы не снижать требования при поступлении в вузы, следует перенести их в старшие профильные классы, где будет проходить углублённое изучение отдельных предметов. Например, для гуманитариев — углублённое изучение иностранных языков, для учеников с техническим уклоном — физика, химия, математика. Этот шаг заменит нам репетиторство, платные дополнительные курсы. В-третьих, надо ввести единый экзаме́н. Только так учатся во всём мире.

В. Филиппов. ("Век", № 40, 2000 г.)

Эссе на школьную тему

Модернизация системы образования не затрагивает сути проблем

Школа... Масса проблем: учебный план, успеваемость, конфликтность, расписание, зачёты, контрольные работы, экзамены, сроки, мероприятия, текучка...

И уроки, уроки, уроки... Учителя знают, что это такое. Дни сливаются в непрерывную череду. Класс за классом, один за другим – заканчивается неделя.

И тетради, тетради... некогда голову поднять! Необходима обратная связь. Иначе ты плохой учитель.

Школа... общеобразовательный цикл, профильное обучение, факультативы, дополнительные занятия, различные методики, научно-исследовательские институты, связанные со школой.

Всё как в трубе? Всё, да не всё. Всё-таки школа учит. Пусть с низким к.п.д., пусть не обходится без выкручивания рук учителям, пусть дети не очень активно посещают школу, но школьный процесс идёт. Школа учит.

“В современной школе есть две серьёзные проблемы,— признаёт министр образования Владимир Михайлович Филиппов. — первая — ухудшение здоровья детей, вторая — снижение качества знаний”. (“Комсомольская правда” от 17.02.99 г.).

Школа... Какая она? Хорошая или плохая? Скорее плохая, чем хорошая, ибо устроена не так, как хотелось бы, как надо бы.

СОДЕРЖАНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Оно состоит из довольно большого числа разнородных предметов. Плохо друг с другом взаимодействующих, не интегрированных в крупные блоки, которые были бы тесно связаны с жизнью.

Всё в этом содержании перемешано: теорема синусов, дифракция и интерференция, образ князя Андрея, климат в Северной Америке, химические реакции, внутренние органы червя, экономика и политика. Это содержание образования подавляющему числу детей неинтересно, а многим непосильно.

“За последние 30 лет мы почти вдвое увеличили нагрузку на школьников, мы столько новых предметов втиснули: история края, обществознание, появились предметы, связанные с экономикой, экологией, информатикой”,— пишет там же министр Филиппов.

Содержание школьного образования насыщено. Мало там только того, что касается души человека, его духа, его внутреннего мира.

Главного там неё хватает. В этом школьном конвейере главные предметы, рассказывающие человеку о Человеке, как бы в тени, и считаются если не откровенно второстепенными, то уж никак не важнее, чем, скажем, физика, химия, математика.

Среди большого числа других предметов, среди перенасыщенного учебного плана эти предметы не имеют достойного удельного веса. Ученики не улавливают глубинного родства литературы, музыки, изобразительного искусства, психологии, этики, эстетики.

Гуманитарное образование, начиная с начальной школы, построено плохо.

Я внимательно просмотрел несколько различных вариантов базисного учебного плана для средней общеобразовательной 12-летней школы, опубликованных летом 2000 года в “Учительской газете”. И вот что об этом думаю. Шекспир понимал человека как микрокосм. Он считал человека таким же бесконечным, как и всё Мироздание. Спустя 400 лет мы, знающие Бетховена, Достоевского и десятки и сотни других гениев, которых Шекспир не знал, потому что они пришли после него, создаём

учебный план для российской школы, ориентированный на 80% на чисто утилитарные цели.

Фактически объективно в основу школьного образования кладётся не развитие целостного отношения молодого человека к миру, когда человеку помогают понять, кто он такой, зачем живёт, как ему быть с другими людьми, что такое духовность, какова его связь с окружающей Вселенной (это главное), а специальные прикладные знания, умения и навыки – так называемые знаменитые ЗУНы.

Человек на земле... Почему человек может быть так жесток? Почему упорно исходит из собственного Эго, искренне полагая, что совершенно точно знает, что для него Добро и Зло?

Но если человек так сложен и противоречив, так велик и низок, если почти всё прекрасное и безобразное, что происходит на Земле, исходит от человека, а человек так невежествен и несчастен, то почему российская школа не занимается Человеком в должной мере?

А она им не занимается так, как это нужно, потому что содержание образования, учебный план, нацеленные на то, чтобы втиснуть в головы всех детей без разбора определённый и немалый объём прикладных знаний, по большей части совершенно ненужных ребёнку, не позволяют это сделать, как и сама действующая концепция образования.

ЕДИНОЕ, ОБЩЕЕ, СРЕДНЕЕ И... ФОРМАЛЬНОЕ

Отвратительнее всего то, что в самой массовой общеобразовательной школе содержание образования едино для всех, как и един учебный план от 5 до 7 уроков ежедневно с домашними заданиями по полумёртвому содержанию образования. (Что касается так называемой уровневой дифференциации, о которой в последнее время стало модно говорить, а также обучения по выбору в гимназиях, лицеях и в старших классах общеобразовательных школ, то это темы особого разговора. Замечу лишь то, что в этих попытках решить проблему дифференцированного обучения много ненормального, а главное, эти попытки всё равно остаётся в русле ныне действующей концепции образования).

Глупо получается! Ненормально, неестественно. Дети разные, с разными способностями, с разным здоровьем, с разной мотивацией к обучению, а содержание образования и учебный план для них едины!

Школа, созданная давным-давно как единая и унифицированная, фактически продолжает функционировать сегодня на прежних принципах. Да и концепция образования осталась прежней. Всё это болезненно, беременно конфликтом. Что и происходит на самом деле. Из последних выступлений и интервью самого министра

Филиппова и других представителей Министерства образования мы узнаём, что министерство понимает необходимость существенно разгрузить содержание образования в 5-10-х классах будущей 12-летней школы, вывести наиболее сложные, тонкие вопросы в старшую, профильную школу, т.е. в 11-12-й классы.

Но ведь этого не достаточно! Ведь проще всего упростить содержание образования и на этом успокоиться. А как быть с теми детьми, которые хотели бы и могли бы учиться углублённо и профильно ранее чем в 11-12-м классах? Например, в 6-10-х? (А таких детей очень много; мы порой даже сами не понимаем, как их много!) Кроме того, по моему глубокому убеждению, надо не просто разгрузить содержание образования, а гуманитаризовать его как можно больше.

Выход один: определив в содержании образования обязательный для всех минимум, дать детям свободу выбора профильного углублённого изучения различных образовательных предметов, уже, скажем, в 6-10-х классах.

12-ПЕТКА КАК МИНИМУМ...

Итак, подведём итоги. Да, наверное, надо вводить 12-летнее образование в школе. Но тогда надо иметь в виду следующее.

Чтобы нашим детям стало уютно в школе, чтобы не губить их здоровье, повысить КПД учебного процесса, снять проблему конфликтности, обмана, второгодничества и помочь им жить, надо изменить концепцию школьного образования. Нет, ни холодный ум, ни количество знаний, разрозненных между собой предметов, далёких от той жизни, в которой оказывается молодой человек, должны быть положены в основу, а внутреннее развитие человека, его сердце, его внутренний мир.

В содержании образования надо выделить обязательный для всех минимум (иногда его называют Госстандартом), посильный для всех детей, яркий, интересный, связанный с жизнью непосредственно, с человеком, с его внутренним миром, т.е. носящий выраженный гуманитарный характер. Да, видимо, в новом тысячелетии пришло время гуманитаризации образования. нового осмысления человека, его жизни и его судьбы. Иначе мы все умрём, сопьемся, потеряем иммунитет и интерес к жизни.

Этот Госстандарт должен состоять из нескольких основных блоков, созданных, интегрированных из родственных друг другу предметов, объединённых общей целью: соответствовать интересам общества, государства и личности на самом первом, минимальном уровне. И, наверное, главным из этих блоков был бы тот, который условно можно было бы назвать "человековедение".

Госстандарт надо изучать не по единому для всех учебному плану (это было бы повторением ошибки), а по группам, дифференцированно. Например, каким-то груп-

пам ребят окажется достаточно и 15 уроков в неделю, а другим потребуется не менее 22-25 уроков.

Далее надо дать детям свободу выбора профильного обучения (разумеется, со строгим соблюдением норм, охраняющих здоровье, в пределах оставшегося от Госстандарта времени), и сделать это надо не с 11-го класса, а гораздо раньше, не позже 6-7-го класса (это принципиально!) И, разумеется, делать это надо крайне осторожно, постепенно, только вместе с родителями и, повторяю ещё раз – по желанию ребёнка. Другое дело, что иногда желание мальчика или девочки учиться по той или иной программе не будет, к сожалению, соответствовать их возможностям, в таком случае методом проб и ошибок, рано или поздно ребёнок всё-таки найдёт своё призвание.

Однако главное не в этом. Главное в том, чтобы дети, заканчивая школу, могли с гордостью и радостью сказать: “Да! С нами говорили о том, что такое жизнь и как пройти по этой жизни достойно и без страха, не обманывая себя и других, почитая мать и отца. Нам помогли правильно оценить себя и свои возможности, помогли найти своё направление в жизни, над нами не было насилия, нам не забивали голову непонятными вещами неизвестно для чего и на всякий случай, а учителя были для нас помощниками и друзьями, а не насильниками и толкачами”. Тогда у нас родится Новая Школа, в честной и доброжелательной атмосфере которой молодой человек будет расти в своём физическом и нравственном здоровье, набираться именно тех знаний, которые нужны и ему, и обществу.

Микертумянц Анушаван Рубенович – преподаватель математики,
“Круг жизни”, № 4, 23 февраля 2001 г.

Часть IV.

Что мешает плохому танцору...

С первого взгляда, эта, заключительная часть хрестоматии может показаться неуместной, что называется, ни к селу и ни к городу. Но это не так. Вся логика хрестоматии подводит к выводу, что поиск “собственного пути” (не только в образовании!) – зряшное и в высшей степени авантюрное, а стало быть, неумное занятие. Что, как бы мы не изловчились, сколько бы ни старались, но обмануть естественнo-исторический процесс ни нам и ни каким другим “чучхеистам” не удастся: упёрто создавая себе искусственные трудности, загоняя себя в непролазные дебри вульгарной отсебятины, мы всё равно рано или поздно выбираемся на общечеловеческую трассу.

С точки зрения **принципа природосообразности** это возвращение на круги своя вполне объяснимо. Природа человека одна и та же, – что у нас, что у китайцев, что у немцев, у коренных жителей Африки или Новой Гвинеи. И эта несомненная одинаковость, подтверждённая у нас на глазах фантастическими открытиями генетиков, неумолимо влечёт человечество не только к одним и тем же целям, но и к маршруту, который ведёт к ним.

Мудрейшее изречение поздних древнеримских стоиков (Сенека и др.) гласит: *Volentem ducunt fata, nolentem trahunt* (желающего судьба ведёт, а нежелающего (упрямого) тащит). Нас судьба всё ещё “тащит”, потому что на горбу у народа до сих пор восседают те, кого на Западе давно окрестили “вечно вчерашними” и на демагогию которых никто не обращает внимания. Это они распаляют наше воображение “образом врага”, нагнетают ксенофобию и, тоскуя по “имперскому величию”, маниакально внушают нам, что быть похожими на других позорно, что это-де унижает национальное достоинство, Разрушает самобытность, грозит утратой патриотизма.

Применительно к сфере образования о таких святошах лучше всех сказал один из самых умных людей России и классик научной педагогики К.Д. Ушинский: “Хотят чего-то особенного от русской школы, не понимая того, что законы души и её развития везде одинаковы и что народность нужна, необходима, но что она состоит не в том, чтобы поставить нашу школу непременно не так, как у людей, а “до горы ногами” (т.е. вверх ногами. – В.К.) по малороссийской поговорке. Ради бога, не думайте, что

великие просветители человечества жили для России даром и что нам следует всё начинать снова...”¹.

Почему у нас считается хорошим тоном о школе других стран, прежде всего американской, отзываться высокомерно, пренебрежительно и даже с насмешкой? Неужели потому, что по старой советской привычке распирает от показного желания подработать всё на том же хромом и слепом ишаке квасного патриотизма? Похоже, что суть именно в этом, ибо лишь круглый дурак и невежа может без конца долдонить о том, что американская школа хуже нашей, что наша вообще лучшая в мире.

Не буду сравнивать количество и качество знания (“Что знает Иван и что не знает Джон”). Замечу лишь, что если в роли носителя всей массы знания рассматривать не отдельного человека, а общество в целом (а это и есть настоящий критерий образованности!), то в Америке он, конечно, намного больше и намного лучше качеством, иначе не мы у них, а они у нас просили бы милостыню. Куда важнее другой критерий, по которому мы в сравнении с американцами – сущие балбесы, если не сказать – педофилы. Где вы слышали, чтобы американские школьники расплывались за учёбу здоровьем? Что из школы они выходят полуживыми доходягами? Все до единого спортивные, гвардейцы – как на подбор, кровь с молоком! А что у нас?

Коммунистические демагоги всегда внушали нам и продолжают внушать, что наша школа бесплатная. Подлое враньё. Такой “дорогой” и платной, как наша, не сыщешь нигде! Там за учение (в элитных школах!) берут деньгами, зелёными бумажками, а у нас надо платить кровью, особенно большой, если ребёнок родился с талантом, потенциальным Пушкиным, Павловым, Капицей, Рахманиновым. Для них наша школа – просто могильник. Уравниловкой и принудилровкой, “государственным образовательным стандартом”, равнением на “бедняка” и “середняка” она убивает их Божий дар и вместо элиты, – т.е. суперзнатоков и суперумельцев в деле, адекватном их врождённым способностям, – без которой любое человеческое сообщество деградирует и оскотинивается, мы в лучшем случае получаем горсточку необратимо усреднённых “круглых отличников”, надорвавшихся только ради того, чтобы их приняли в вуз без экзаменов.

Что делать? Господи, да неужели непонятно? Не бахвалиться (якобы для поднятия национального тонуса), не врать себе и народу, не гордиться “ракетной гордостью” (запугать всё равно не получится, а на гонку вооружений напроситься можно), а спокойно и с достоинством расстаться с иллюзией, что мы не такие, как все, что нас и умом не понять (тогда чем? Задницей?) и общим аршином не измерить (Япо-

¹ Ушинский К.Д. Пед. соч. в 6-ти т.т. – Т.2. – М., 1988. – С. 467.

нию, Францию, Швецию и все остальных можно, а мы не укладываемся – бред собачий).

Если хватит ума повести себя так, вместо подозрительности и враждебности попадём в рай доверия и дружелюбия, получим вождённые инвестиции и, как птица Феникс, быстро возродимся из коммунистического пепла. Если не хватит – туда нам-дуракам и дорога. Проблема только в этом: либо умные возьмут у коммунистов реванш за люмпенский переворот в 1917 г., либо коммунисты доведут своё до конца, добьют остатки благородного генофонда и ввергнут Россию в пещерное существование, где школа вообще не нужна.

Ижевский след Нобеля

Младший брат великого учёного ещё в прошлом веке внедрял на нашей почве модель шведского социализма

Анатолий Новиков явился в мэрию и рубанул:

- Хочу переименовать улицу!
- И в чью же, интересно узнать, честь?
- В честь хорошего человека, Людвиг Нобеля.
- Позвольте, не тот ли это Нобель, который фонд придумал?
- Нет, того Альфредом звали...

Впрочем, заслуженный учитель Удмуртии такому невежеству не удивился, – даже в Ижевске мало кто знает, что 125 лет назад по тогда ещё рабочему посёлку расхаживал отпрыск знаменитой фамилии Нобелей.

– Его отец Эммануэль, – рассказывает Анатолий Васильевич, – изобретатель глубинных мин, архитектор и предприниматель, связавший свой бизнес с Россией, имел четырёх сыновей. Эмиль, старший, погиб при испытании взрывчатых веществ. Альфред, гениальный учёный, автор 355 патентов и изобретатель динамита, известен всему миру как основатель Нобелевского фонда. Третий сын, Роберт, заложил первый камень в основание русской нефтяной промышленности, что привело к созданию могучего “Товарищества нефтяного производства братьев Нобель”, возглавляемого младшим сыном Эммануэлем – Людвигом. Именно последний способствовал тому, что лучинушка стала вытесняться лампой. Рабочий люд пользовался дешёвым светом, а русский керосин получил широкое распространение в Европе.

Но, кроме нефти, Людвига живо интересовало машиностроение. Сначала он приобрёл заводик в Петербурге, который вскоре превратил в успешное предприятие, выпускающее пушки, лафеты, снаряды и паровые молоты. А выполнение крупного

правительственного заказа на несколько сот тысяч ружей заставило его взять в аренду Ижевский железоделательный завод, сделав его своим филиалом.

Планы были большие: предстояло оснастить завод, переобучить мастеров и... остановить возмутительную эксплуатацию рабочих – прежний хозяин держал их в полной нищете, страхе и невежестве. В Ижевске прибывают полсотни отборных шведских специалистов, которые открывают здесь школу оружейного мастерства. И вот не прошло и двух лет как завод и посёлок преобразились совершенно – настолько благотворным оказалось влияние викингов.

“...Однажды, остановившись против церкви в праздничный день, я имел удовольствие видеть, что босоножек нет, а жёны и дочери рабочих обуты в сапожки, нередко щеголяют зонтиками и другими признаками материального довольства...” – таковы впечатления Людвиг Нобеля от очередной поездки в Ижевск. (Кстати, полвека спустя именно по причине зажиточности ижевские работники в своём большинстве не приняли сторону красных и стали защищать своё добро и строй, при котором могли безбедно жить и честно зарабатывать).

При Людвиге на заводе стали выпускать листовое железо, и вот на крышах вместо полусгнивших досок и соломы появилось прочная кровля, вошли в моду лёгкие умывальники, железные вёдра и корыта. На всех трактах установили фонарные столбы. Тогда же появился и первый водопровод. Был построен новый лазарет. Нобели учили людей не только мастерству, но и грамоте, и культуре быта, и нормальным производственным отношениям.

– В том-то и состоит разница между коренными заводчиками и человеком случайным, – любил повторять Людвиг Эммануэлович, – я сам тридцать лет заводчик и сын заводчика: у нас вырабатываются не только технические приёмы, но и традиции.

Кредо Людвиг: “Ничего не скрывать, ничего не монополизировать, не пользоваться никакими привилегиями” – выдаёт человека, до чьих нравственных критериев в современной России вообще мало кто дорос.

А потому Новиков и его коллеги, ижевские краеведы, убеждены – память, которую оставили после себя Нобель и его соратники, не должна умереть. Может, когда-нибудь ижмашевцы разбогатеют и поставят памятник лучшему из капиталистов. Может, среди них найдутся его последователи, достойные сравниться с ним делами и честью. А пока...

– А пока есть предложение, – настаивает неугомонный учитель, – назвать одну из центральных улиц Ижевска – Красноармейскую ли, Советскую – именем Нобеля. То есть именем человека, который в то, не менее чем нынешнее, трудное время,

проявлял заботу о людях без всякой корысти для себя. Как мог, облегчал их жизнь и навёл на заводе порядок.

Остаётся добавить, что инициатива Новикова осталась без ответа. Дела нашего Нобеля пока никого не воодушевили.

Кедрова Ирина, Ижевск, "Труд", 1999, 30 ноября.

P.S. Простодушный вопрос от составителя: как могло случиться, что менталитет "древних ижевцев", который по идее тогдашних славянофилов и, – что тоже самое, – нынешних национал-патриотов, должен был тут же отторгнуть нобелевские инновации, повёл себя самым постыдным и предательским образом – позволил им прижиться сразу и навсегда?

С отношением ижевцев к марксистско-люмпенской революции, которую до сих пор почему-то называют социалистической, лично мне всё понятно и вопросов нет.

За что мы не любим Америку

"Эти американцы – чисто дети" – разговор завсегдатаев ресторана "Приморский", что на Брайтон-Бич в Нью-Йорке.

"Мы слишком великая нация, чтобы ограничивать себя маленькой мечтой". Рональд Рейган.

Сказать, что вам нравится Америка, – поставить жирный крест на своей репутации интеллигентного человека. Американцы живут хорошо, сыто, трудолюбиво и дружелюбно. Почему нам это не нравится? Русский человек, если он не подал заявление на выезд в США, ни за что не признается в своей любви к этой стране.

После трёх недель путешествия по США с востока на запад и обратно я подтверждаю, что нынешнему русскому человеку есть за что не любить эту страну. Страна эта просто не укладывается в ту систему координат, к которой мы привыкли.

АНТИМИРЫ

Для русского США – "антистрана". Какое-то неуловимое, но очень серьёзное искажение. Это как зеркало, которое меняет местами право и лево, но не меняет верх и низ. Попробую показать это на примере партийного съезда. Точнее "антисъезда".

Всё, за что русский интеллигент не любит американцев, сфокусировалось и проявилось на съезде "ослиной партии" демократов в Лос-Анджелесе. Вспомните какой-нибудь съезд КПСС и теперь представьте, что черти захотели бы его перedразнить и провести свой, конечно, у них всё будет шиворот-навыворот.

Что такое атмосфера настоящего правильного партийного съезда – это академия Платона, собравшая учеников для того, чтобы решить судьбу цивилизации. Чинно, торжественно и академично. Участник съезда КПСС, попавший в Лос-Анджелесе

на съезд демократов, решил бы, что он в аду. Демократический конвеншн начинал свою работу в то время, когда коммунистический съезд её завершал: в пять часов пополудни. Время почти театральное. В зале шум, гомон, свист. Пять тысяч делегатов и шесть тысяч добровольцев, помогающих в организации съезда. А также 250 тысяч воздушных шариков и 18 тысяч значков, 15 тысяч журналистов, 100 тысяч плакатов, 22 тысячи хот-догов. Толпа анархистов на подступах к дворцу требует отменить смертную казнь бывшему активисту “чёрных пантер”, убившему полицейского, а заодно протестует против запрета абортов.

Этот съезд, а точнее его церемониал, высмеяли все мои коллеги. А за что? Нам не нравились наши съезды, их атмосфера казалась нам казённой и умертвляющей партийную мысль. Нам показали другой тип съезда. Все острословы рассмеялись над аляповатой формой, утвердившей в мысли, что даже здесь американцы ничего путного сделать не могут. Но увидели ли мы, что было в этой смешной рамке?

В зале атмосфера цирка. И хотя прессу загоняют на верхние балконы, с которых ораторы кажутся муравьями, мне удалось пройти в зал к делегатам. Свидетельствую, это был не партийный съезд, а поп-концерт в Вудстоке. Все любили друг друга. Все любили Клинтона, Хиллари, Тора, Либермана, их жён, детей, друг друга и Америку. Не любили только республиканца и “техасца” Джорджа Буша. Особой популярностью пользовались значки “Не пустим техасца в Белый дом”.

“Сегодня Америка чувствует себя в среде процветания, прогресса и мира. Мы пришли к этому тяжёлым трудом нашего народа...”. Из отчётного доклада демократической партии США партийному съезду, поддержавшему кандидатуру Гора на пост президента.

Две фразы, столь напоминающие нам отчётный доклад ЦК КПСС очередному съезду. В данном случае раздражают и констатация, и аргумент. Они, видите ли, в среде “процветания”? А мы почему в иной противной среде? Они, видите ли, “тяжело работали”, да знают ли они, что такое тяжёлый труд? Вот пусть у нас поработают, тогда поймут. Почему они тяжёлым трудом построили царство процветания, а мы ещё более тяжёлым трудом среду разорения, застоя и войны?

“Восемь последних лет – самый длительный экономический подъём в истории США... Создано 22 миллиона новых рабочих мест. Самый низкий уровень инфляции... Самое низкое число безработных среди афро-американцев и испано-американцев... Самый низкий уровень преступности за последние 25 лет. Самое низкое число людей с 60-х годов, сидящих на пособии... Никогда прежде столько американцев не имели собственных домов. После 15 болез-

ненных лет, когда богатые становились богаче, а бедные беднее, Америка, наконец, процветает целиком, а не по отдельности...”

Да, это, конечно, смешно. А ещё смешнее, что в зале бурные аплодисменты, аплодисменты, переходящие в овацию, крики с мест: “Браво!” и “Клинтон – наш рулевой”.

“Мы должны двигаться вперёд вместе, к процветанию, прогрессу, миру и безопасности, и никого не потерять на этом пути!”

В зале вой восторга.

“Клинтон и Гор восемь лет назад знали, что частный бизнес – мотор экономического роста...”

Все встают и поют... антиинтернационал: “Америка, Америка...”

СКЕПТИЦИЗМ АМЕРИКАНСКОГО РАЗЛИВА

Впрочем, есть, есть скептики в тылу. Обозреватель популярного таблоида “Нью-Йорк пост”, отвечая на мой вопрос: “Кто герой современной Америки?”, вздохнул и ответил: “Чемпион по гольфу или какая-нибудь персона из шоу бизнеса”.

“Что сейчас тревожит американцев?” – не отставал я.

“Серьёзные люди не могут понять, почему в стране дела идут так хорошо, нет никаких объективных причин для экономического роста. Если не понятен успех, то неожиданно всё это может закончиться. Это тревожит”.

Нам тоже не понятно, почему они так хорошо живут, ведь у них всё, всё, чего ни коснись, всё хуже, чем у нас, и сами они хуже, чем мы.

Метро в Вашингтоне новое, вагоны чистенькие, на полу ковер. Но поезд дёргается так, что нашего машиниста давно бы уже выгнали с работы. Метро в Нью-Йорке старое, грязное. В Лос-Анджелесе ещё в самом зародыше. Вывод: наше лучше...

Мы видели, что они живут лучше. Но почему, чёрт возьми? Почему ленивый клерк в банке не приготовил для нас необходимую сумму, когда был заранее предупреждён? И он получает “за это” свои две-три тысячи в месяц. Почему мне в номер бестолковый официант приносит кофе, когда я заказывал чай, да к тому же почти через час, и так четыре раза за семь дней. И его не выгнали. Чем, скажите на милость, занимается вот тот чёрный блестящий человек, проносящийся мимо меня в дорогой машине марки “Лексус”, чем заработал себе на такой автомобиль? Ужель я хуже него. Ужель я не справлюсь с его работой?

Может быть, ответ в том, что в Америке создана такая система, которая вытягивает любого, не самого успешного работника до среднего уровня? А средний уровень как раз не ниже двух-трёх тысяч долларов в месяц.

Как пояснил американский профессор, повидавший немало наших соотечественников, беда русских в том, что они чрезмерны. Чрезмерны в своих запросах:

– Я это понял ещё пятнадцать лет назад. Несколько русских курсантов сбежали в американском порту со своего учебного судна. Это было ещё при советской власти, и я занимался ими как переводчик. Это были сытые ребята, которые не занимались политикой и никак не пострадали от советских властей. Им почему-то казалось, что в Америке они станут миллионерами... Но тем не менее ребята получили вид на жительство. На прощание я им сказал: “Вы поломали свою карьеру. В России вы бы стали капитанами через несколько лет, а здесь вам выше боцмана не подняться...”

Русской интеллигенции есть за что не любить США. США можно даже ненавидеть и называть воплощением мещанства и всего прочего... К счастью для этой страны, интеллигенции в ней не только нет или почти нет. А вновь прибывшие интеллигенты из других стран (России, Индии, Китая), как правило, не приживаются и быстро люмпенизируются. И умножают славу США как невозможно банальной, глупой, пошлой, простецкой и вообще какой-то призрачной реальности.

Перед отъездом в Штаты я зашёл в Государственный музей изобразительных искусств имени Пушкина припасть к античному наследию, золоту Трои и напиться коллекцией “западноевропейского искусства”. Я ещё просто не знал, что Поль Гетти припас для меня в Лос-Анджелесе такую коллекцию антиков, что собрание ГМИИ показалось просто лавкой копий. А коллекция живописи музея в Вашингтоне (как бы это не обидно сказать?) не уступает Эрмитажу. Казалось бы, как можно это умалить? А очень просто. “У них даже в храме искусства торгаши угнездились”, – обронил мой товарищ по тому поводу, что в каждом музее непременно есть большой магазин сувениров и книг. Если нельзя унести с собой картину, то здесь можно купить альбом, плакат, открытку, записную книжку, ежедневник, зонтик или кружку с этой картиной. То есть угодить каждому посетителю.

В этом заслуга интеллигентной Америки – не протестовать против Рафаэля в виде наклейки для автомобиля. Насаждение дурного вкуса? Отнюдь, если у вас есть вкус, вы пойдёте в музей или полистаете альбом. Если у вас его нет, то шедевр упростят до вашего понимания. Это следствие демократии. И это следствие нам не нравится.

Книжные магазины Америки – ещё одно следствие демократии вкуса. Здесь есть всё и в тысячу раз больше, чем в самом лучшем русском магазине. Переплётённые в кожу с золотым обрезом классики, которые составляли советскую гордость – “Библиотеку всемирной литературы”. Путеводители по всем странам. Сотни книг по

выращиванию роз и кактусов. А если вы рыболов, то найдёте книгу о любой рыбалке и о любой рыбе.

Так что с книгами и музеями (зачастую бесплатными) в Штатах всё о'кей, плохо с последним ингредиентом интеллигентного коктейля – разговорами по душам. Для этого приняты главные меры: гостей зовётся больше, чем стульев в доме. Домашняя вечеринка (две кисти винограда, сыр на фарфоровой дощечке, немножко чипсов или креветок, куриный салатик) хоть и настроена на болтовню, но стоячая. А русскому человеку, прежде чем заговорить о Вселенной, нужно сесть хотя бы за кухонный стол, чтобы было по чему ударить в сердцах кулаком и было в какой тарелке преклонить отчаянную головушку.

ЧТО ХОРОШЕГО ДЕЛАЮТ В ШТАТАХ?

Что бы мы в Штатах ни увидели, мы не верим, что у них в самом деле всё хорошо. Мы подозреваем, что нас просто талантливо обманывают, что прямо вытекает из американского ответа “файн” на все вопросы о жизненных невзгодах. И ещё – эти постоянные улыбки. Мы точно знаем, что улыбки фальшивые, потому что всем американцам с детства вставляют фарфоровые зубы. А как можно неправдоподобно хорошими, необыкновенно белыми искусственными зубами искреннее улыбаться?

Один из моих коллег напутствовал меня так:

– Ты уже там бывал? Зачем ещё едешь? Сам знаешь, это у них только кажется, что всё в порядке, а на самом деле у них там столько проблем с этими неграми на юго-востоке.

Другой:

– На промывку мозгов? Будут показывать достижения демократии? Ну, сам знаешь... Это только на первый взгляд у них всё о'кей, а на самом деле у них столько проблем на юго-западе с этими латиносами...

В самом деле, что хорошего делает сама Америка? Безвкусное пиво. Поролоновый хлеб. Гамбургер как высшее достижение американской кулинарии. А её шедевр – гамбургер с сыром. Но “Макдоналдс” переполнен. И, о ужас, туда заворачивают и русские, которые только что клялись, что хуже гамбургера только хот-дог. Неправда, что в Штатах ужасающая еда. Еды огромный выбор – кухня на любой вкус (тайская в Вашингтоне лучше всех, если на мой вкус). Итальянские пиццерии, ирландские пабы, китайская, корейская, мексиканская кухня – выбирай, что хочешь. Лучшие стейки и си-фуд. Но “Макдоналдс” – как эталон вкуса, ты знаешь, что там найдёшь, и ты идёшь туда именно поэтому. В любой стране мира “Макдоналдс” даст тебе одну и ту же котлетку. И если ты боишься выбора и не уверен в нём, съешь её, к тому же по весьма щадящей цене. В итоге? “Макдоналдс” переполнен в час ланча,

хотя рядом пустой тайский ресторан, перед вывеской которого репродукция из “Вашингтон пост” с отменной хвалебной рецензией. Вкусный обед за пятнадцать долларов – это непозволительная ежедневная роскошь для богатенького американца. Он съест сэндвич за пять или гамбургер за шесть. Это только бедный русский путник может позволить себе пренебрегать простой и здоровой американской едой.

Откуда наша враждебность к Америке? А, может, Смердяков прав? Это полезно, когда одна умная нация победит одну глупую нацию и немножко ею поруководит.

Чего нет в Америке из того, что столь популярно в России? Открытого хамства. Удивительно не хамская страна. Ни по одежде, ни по разговору не угадаешь, что твой собеседник – миллионер или член правительства. Наши сразу начинают “ставит на место”: “Да вы знаете, кто я такой? Да вы знаете, что я с вами сделать могу?”

Почти нет даже бытового хамства. В Нью-Йорке не было случая, чтобы кто-то не подсказал нам дорогу или даже не отвёл до места (сравните с Москвой)...

Итак, у нас всё лучше: школы, университеты, женщины, бандиты, еда, театр, балет, врачи. Почему тогда мы живём хуже? Если так ставить вопрос, то ответ на него рождает ненависть к Америке. Но не могут быть врачи лучше, если больницы хуже. И ещё одно: человек может, как безумный, махать Америке, а вот оттуда ему помахать некому. На этом корабле нас на пассажирскую палубу не пустят. Мы ещё не все научились сморкаться в бумажную салфетку.

Калачинский Андрей, Владивосток, “Новые Известия”, 2000 г., 12 сентября.

Разрешите представиться

Кумарин Валентин Васильевич, доктор педагогических наук, профессор. Родился в 1928 г. Малая родина – деревня Княжеверятино Тамбовской области. Детство и юность прошли в подмосковном городе Орехово-Зуеве. После школы поступил в военноморское училище. Служил на Балтике. Старшим лейтенантом

уволился в запас. Экстерном закончил факультет иностранных языков Орехово-Зуевского педагогического института. Пока учился, распознал (по первоисточникам) грандиозность педагогики "буржуазно ограниченных" классиков: Коменского, Локка, Песталоцци, Дистервега, Ушинского.

Окончательно перевернул мою жизнь Макаренко: собирался стать переводчиком, а направился в школу. Учил ребятшек немецкому языку, воспитывал их в школе-интернате. Будучи директором детского дома, "слепо копировал" методику Макаренко. Получился громкий успех. Отозвалась и вдова великого педагога Галина Стахивна. Принял её предложение переехать в Болшево. Ровно год разбирали огромный личный архив Антона Семёновича. Видимо, присмотревшись ко мне, Галина Стахивна решительно посоветовала: "Надо писать диссертацию". Это пожелание я перевыполнил: обе диссертации о творчестве Макаренко. В промежутке между ними работал старшим редактором в журнале "Народное образование", помощником первого президента Академии педагогических наук СССР, заведовал отделом нравственного воспитания в Украинском НИИ педагогики, работал научным сотрудником Института теории образования и педагогики. Несколько аспирантов, ставших профессорами. Около двухсот научных публикаций.

Последние 10 лет настойчиво пытаюсь доказать, что без развенчания марксистских педагогических догм, без "восстановления в правах" классической теории обучения и воспитания, и прежде всего её методологического основания – принципа природосообразности, российская школа обречена.

Для души: всемирная история, этнография, элитные фильмы от Голливуда ("Иисус из Назарета", "Калигула" и подобные), Литературные кумиры – Пушкин и Шекспир.

Дорогие читатели, единомышленники, друзья!

Школа, единственно нужная нашим детям, не упадёт к нам сверху, как манна небесная. Она рождается в умах и сердцах матерей и отцов, которые любят своих детей. А направляет и делает эти роды успешными великое повивальное искусство классиков педагогики – Я. А. Коменского, Д. Локка, И. Г. Песталоцци, А. Дистервега, К. Ушинского и А. Макаренко.

Печально, но факт, что мы снова и снова игнорируем так необходимую нашим детям школу. В странах с высоким уровнем культуры она существует уже не одно столетие и всё это время поставляет им добросовестных и умелых работников, будь то учитель, врач, инженер, рабочий или учёный. Поставляет потому, что каждого своего ученика ведёт к успеху в том деле, к которому предназначила его природа.

Пыталась эта школа обосноваться и у нас и даже успела принести замечательные плоды. Но увы! В погоне за призраками – "развивающим обучением", "государственным образовательным стандартом" и подобной мишурой – мы погубили её.

Какая же она, школа, сообразная природе ребёнка? Об этом и рассказывает в своей книге доктор педагогических наук, профессор Валентин Васильевич Кумарин. Человек энциклопедических знаний, учёный милостью Божией.

Автор напоминает (и делает это блестяще!), что классическая педагогика – плодородная почва, на которой только и вырастает полноценное молодое поколение.

Принципы классической педагогики – надёжная платформа, на которой стоит и журнал "Престижное воспитание".

*Валентин Васильевич
Кумарин*

**Престижное воспитание? Проще простого!
Если слушать голос Природы...**

Редактор Панина Л. Н.
Корректор Георгиева М. И.
Вёрстка Богданов В. С.
Дизайн обложки Богданов В. С.

Издание журнала "Престижное воспитание"
Свидетельство о регистрации №' 018530 от 26 февраля 1999 г.
Тел. редакции 728-87-90
Тираж 1 000 экз.